ПОВЕСТЬ О СКАНДЕРБЕГЕ

ПОВЕСТЬ
О
СКАНДЕРБЕГЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПОВЕСТЬ
О
СКАНДЕРБЕГЕ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1 9 5 7

Ответственный редактор
профессор *И. П. ЕРЕМИН*

ОТ РЕДАКЦИИ

Русская повесть XVII в., рассказывающая о жизни и деятельности народного героя Албании Георгия Кастриота Скандербега, издается впервые. Ее издание имеет своей целью ввести в научный оборот это незаслуженно забытое произведение древнерусской литературы, познакомить с ним широкий круг читателей и в этой связи сообщить некоторые сведения по истории Албании.

Советская, а также и дореволюционная русская научная литература, не говоря уже о художественной, до сих пор находится в долгу перед албанским народом: на русском языке нет истории Албании, нет и биографии Скандербега, если не считать двух-трех переводных книжек, из которых последняя вышла более ста лет тому назад. А между тем, наличие в русской историографии XVI—XVII вв. сведений об Албании и распространение в рукописной книжности «Повести о Скандербеге» свидетельствуют о давнем интересе русских людей к историческим судьбам этой маленькой страны.

Героическая и самоотверженная борьба албанского народа против турецкого нашествия не могла не вызвать интереса и сочувствия в нашей стране, пережившей тяготы татарского ига и вышедшей победительницей из многовековой борьбы со своими угнетателями. И та, и другая борьба происходили в аналогичных исторических ситуациях — в условиях непрекращающихся феодальных распрей, при отсутствии постоянной и надежной помощи со стороны соседних государств. Приняв на себя основную тяжесть татаро-монгольского нашествия, Россия спасла западноевропейские народы и их цивилизацию; мужественный албанский народ не дал возможности туркам переправиться через Адриатику, вторгнуться в Италию и проникнуть вглубь Европы. Тем самым борьба албанского народа, особенно

в XV в., когда она возглавлялась Скандербегом, в период славных побед, предопределивших неудачу последующих попыток турецкого вторжения в Европу, приобретает международное значение, до сих пор еще не оцененное по достоинству.

В борьбе Албании за свою свободу и независимость принимали участие южные славяне, поляки, венгры. В памяти этих народов — в их преданиях, песнях, сказаниях — сохранился живой образ Скандербега, запечатлелись отдельные эпизоды его жизни и деятельности. Эти предания и песни наряду с первой биографией Скандербега, написанной его соотечественником Марином Барлетием, дали материал для создания славянской версии биографии албанского народного героя, к которой относятся: южнославянская повесть о Скандербеге, глава о Скандербеге из хроники польского историка Мартина Бельского и ныне публикуемая древнерусская повесть.

Настоящее издание состоит из двух разделов — «Текста повести»[1] и «Приложения».[2] В последнем помещены статьи, а также комментарии и другой научно-справочный аппарат книги.

Статья Алекса Буда, профессора Института наук в Тиране, специально написанная для нашего издания, публикуемая в переводе с французского языка (перевод Н. Я. Рыковой под редакцией В. С. Люблинского), рисует общую историческую обстановку в Албании XIV—XV вв. Две другие статьи, написанные Н. Н. Розовым, посвящены происхождению и судьбе древнерусской «Повести о Скандербеге»; там же затрагивается вопрос о художественных особенностях этого памятника. Комментарии, составленные Н. А. Чистяковой, освещают отдельные эпизоды и события, отразившиеся в повести, показывают, как трактуются эти эпизоды и события в ее прямых и косвенных источниках.

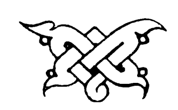
Текст повести (с разночтениями по всем известным спискам) к изданию подготовлен Н. Н. Розовым.

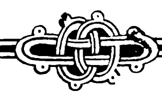
---

[1] В тексте отмечены: *цифрами* — слова, в отношении которых даны разночтения; *звездочками* — комментируемые фразы или части фраз.

[2] В колонтитулах комментариев указаны соответствующие страницы текста повести. Ссылки на литературу всюду даны постранично, причем повторные — в сокращенном виде.

ТЕКСТ ПОВЕСТИ





ПОВЕСТЬ О СКАНДЕРБЕГЕ, КНЯЖАТИ АЛБАНСКОМ

Выложена с польския кроники на руское с Мартинова писма Бельскаго

Неразумные грекове искони пишут [1]о мужестве своем,[1] что чинили в прошлых днех выше иных людей. И не могут меры познать себе в таковых писмах своих о воинских обычаях. А всех людей на свете сами ленивее и никогда воинского дела от себе не явили для тех похвальных слов. Наконец и глупость в себе великую показали, *коли Тамерлан, царь татарский, побил Баязета, царя турского, на границах армянских.* И для того погинули бы все турки, *толко 6 детей Баязетовых греки могли загнесть.* А греки по смерти Баязетове берегли их и помогали им против недругов их и любили их, что своих.

А как Амурат, а по-турски Мурзабек, — сын Баязетов — пришел к летом, почал чинить тесноту християном, хотящи разширить царство свое, *и принес великой страх греком, волохом* и иным государем, и *привел тесноту княжеству Албанскому.*

В то время в княжестве Олбанском *в Епире был государем князь Иоан Кастриот* — *от роду князей Македонских,* а *жена иво Войсава была от рода князей словенских болгарских,* с которою были у него *три сына и три дщери.*

Воюючися с турки по всяк час, князь Иоан Кастриот олбанский обнищал до конца и для того умыслил дань давать Амурату, царю турскому. *И дал ему в закладе три сыны* своя — Станислава, Юрья и Констянтина. А договор был таков меж ими, что было их

Амурату не отводить от веры християнской и не обрезать их во свою веру.

А как *их привели во Андрианополь* ко Амурату, и Амурат, не помнячи слова своего, того ж часа велел их обрезать и новыя имена им велел дать. *Юрью дали имя Скандербег,* то есть Александр, а братья его иные имена подавал. И дал их Амурат учить грамоте и *научены были языком арапским, турским, греческим,[2] словенским, воложским.* И учили их обычаем воинским — стрелять, и копьи бити, и иными оружии. И учинился тот Скандербег лутчим пред братьею. А *было у него знамя на плечах, [3]что меч.[3]*

А как был Скандербег во 18 лет, *послал его Амурат с войском до Асии.* И там Скандербег мужеством своим и разумом и храбростию выше всех людей оказался. А как воротился до Андриаполя, с великою честию принял его Амурат.

И в тот час *служил во дворе цареве татарин* — велик ростом и добре толст пред всеми людми. Завидящи Скандербегу, что его Амурат лутчеи любит неж его, вызвал его битися в тесном месте нагим пред царем. Скандербег рек ему, [4]что пристоит на бешеных,[4] что нагим перед людми[5] битися, да только учиню то, естьли мне велит Амурат. А как сошлись вместе в тесноте, что не мог[6] един от другаго далече[7] уклонитися, и умыслил татарин Скандербега штыком пробить. А Скандербег, [8]то видячи,[8] нагнулся, что лук, от него и, ухватив иво за руку, тял саблею по плечам и розсек даж до живота и пал татарин, [9]а Скандербег и голову отсек ему.[9] И за то Скандербег взял дар от Амурата.

Потом Амурат ходил до Витании, к городу Прусу — к столному месту всея Витании. И тут вышли против Амуратовых людей два персина — великие мужи,[10] — одному имя было Замса, а другому — Яя, хотячи того, кто б с ними бился один на один. Амурат почал говорить людем своим и давал им великие дары, чтоб кто шел против их. [11]И никто [12]не пошел против их.[11] И рек Амурат Скандербегу:

«Что стоишь, сыну мой Скандербеже? Чаял[13] ли тое срамоту нам от себе отгнати, чтоб на нас иные впред не порывались». Скандербег, поцеловавши ноги Амуратовы по обычаю своему, и велел

себе привесть коня и збрую, и выехал на великое поле. И многие люди с обеих сторон приехали смотрить того.

Скандербег, выехав, почал звать к себе одного персина, а другой бы то видял, а не помогал. *И поехал к Скандербегу Замса во всю пору* — как есть обычай персом — с рогатиною, а мыслил Скандербега рогатиною проткнуть[14] в горло. И Скандербег ущитился от него, а рогатина изломалась, [15]а Скандербег тял его саблею и ранил.[15] Другий персин, видячи то[16] и забывши слово свое,[17] что было никому не помогать,[18] прибегши,[17] переменил товарыща своего.[18] Скандербег, видячи то неправду их, [19]почал беречися их. И,[19] взявши рогатину, толкнул Яя в горло, свалил с коня[20] и, воротясь, [21]Замсе раненому[21] голову отсек[22] и пришел пред Амурата. В тот час Скандербег немерное мужество показал,[22] что таковых великих[23] двух персинов убил. И [24]великою честью от Амурата почтен и двои дары взял от него.[24]

Потом *Амурат ходил к Никомидии.* Тогда Скандербег первый на стену вскочил и прапор отнял.

Амурат, видячи дородство[25] Скандербегово, в великой чести имел его у себе. И многижды посылал[26] иво Амурат против крестьян — греков, словян и иных. И он, ходячи, побивал християн, служачи Амурату. А всегда он то у себя на памяти имел о християнской вере, да никому того не объявил, боячись турков.

Скоро потом Иоан Кастриот — отец Скандербегов — умер. Амурат уведал то и послал там войско свое, хотячи завладеть землю его чрез приговор свой. Скандербег о том велми тужил,[27] да никому не объявил в кручине,[28] боячись проносу.

Братья Скандербеговы почали просить Амурата, чтобы их отпустил на вотчину отца их по приговору своему.[29] *Амурат [30]дал им испить зелья смертнаго и поморил их.[30]* А[31] Скандербегу ласково[32] почал говорить лестию, а[31] хотячи иво отпустить на вотчину его с честию, только б еще пождал времени. И почал тужить[33] по братьи его, что в таковых молодых летех померли. Скандербег, видячи неправду его, почал говорить лстивыми словы:

«О милостивый царю Амурате! Не умер отец мой и братья моя и никто[34] ближней приятель мой, коли ты здоров, Амурате!

Милее мне то, Амурате, что держати меч в руках моих, нежели лежать дома. И[35] про то,[35] Амурате, дай мне недруга своего, у которого б помочью божиею и твоим имянем, [36]а своим разумом,[36] отнял землю его и завладел. И то милее[37] мне ся[37] кажет, что силою возму, а не даром, что мне даешь».

Амурат, слышачи то от Скандербега, веселился, а Скандербег по всякой час тешил [38]его ласковыми словесы[38] и ко всем турком любовь казал. А, однако, Амурат мыслил [39] о смерти Скандербегове: [39] наносили на него Амурату, что Скандербег держит ссылку с християны и хощет[40] отъехать на вотчину свою. Амурат, хотячи изведать того, *послал Скандербега на деспота [41]Ерыка серпскаго[41] в Мисию.* [42]Скандербегу того и не хотелось, да только,[42] шедчи, побил деспота, служачи Амурату.

Потом писали к Скандербегу многия княжата словенских земель, чтоб ехал на вотчину свою и оне хотят ему помогати против Амурата. Скандербег о том ни с кем не думал, [43]толко сам себе говорил:

«Шалный[43] тот человек, что великое дело починает, а [44]достатку[45] не имеет».[44]

Ерык, деспот сербский, видячи тесноту от Амурата, послал ко Владиславу, королю полскому и угорскому, просячи помочи на Амурата. *Владислав, король полский и угорский, по слову Евгения, папы римскаго, и Яна Гуниада,* воиводы угорского, собрав великое войско з Гуниадом против турского.[46] Амурат турский [47] уведал то, послал против их людей своих 80 000 *с Калибашем, воиводою своим,* а иных 50 000 со[48] Скандербегом, *а сам с янычаны* и с иными людми за ними же пошел. А християн было з Гуниадом [49]против турков толко[49] 36 000. *Калибаш с людми своими, пришедчи, стал на реке Мораве.*

Гуниад уведал то и послал лазучников деспотовых и своих, чтоб осмотрили войско Калибашево — в какове месте и как сторожно стоит. И как Гуниад розведал о турках и, взявши с собою 30 000 людей лутших, а тем[50] людем своим велел итти за собою неподалеку, чтоб люди людем могли пособь учинить. И перелезчи реку Мораву тайно и пришел изгоном на Калибаша.

И Колибаш [51]дрогнул было от[51] него, а как увидел, что немногие люди, опять укрепился и учинили бой. А к[52] Скандербегу послал, чтоб к нему шел спешно на помочь. И как люди Гуниадовы [53]собрались, Колибаш[53] увидел то и убоялся и почал к Скандербегу посла по послу посылать, чтоб поспешал к нему. А Скандербег с людми своими не борзо шел, а проведывал, которая сторона изнемогает.[54] *И послал к Гуниаду тайно, чтоб не давал турком осматриватца.*

А как к Гуниаду, воиводе угорскому, с тем посланник Скандербегов приехал и то ему сказал и Гуниад почал вопить, по полком своим ездячи, чтоб люди бились беспрестанно и сказывал им про то. Угры и ляхове слышачи то и почали[55] напущать на турки, а турки, видячи их [56]смелой напуск,[56] нимало против не постояли и побегли, а угры и ляхове [57]почали гонять их[57] и побили [58]их безмерно много.[58]

Скандербег, видячи время[59] ко отъезду своему, и поимал писаря[60] Амуратова, что переписывал ездячи[61] людей побитых, и велел ему своею рукою писать грамоту к воиводе албанскому, к наместнику[62] турского,[63] от Амурата,[62] чтоб отдал Скандербегу отчину его, а сам бы ехал ко Адрианополю. И писарь написал ему такову грамоту, какова ему надобет,[64] печатью Амуратовою запечатал. И Скандербег, взявши грамоту, писаря и турков многих побил. *И взявши с собою Амеса — сестрича своиго* — и триста словян, которые с ним были, и поехал на вотчину свою в Олбанию.

И, пришедчи к Дыбре, границе болгарской, послал к некоторым[65] княжатом християнским и объявил им мысль свою. И они, слышачи то, радовались тому и хотели[66] ему помогать и до смерти, толко бы не перестал с турком воиватца.[67] Скандербег, видячи приязнь их к себе, радовался тому и *пошел с людми своими к городу Крои — к столному месту олбанийскому,* — оставивши приятелей своих в лесе в горах, а перед собою послал Амеса — сестрича своево — з грамотою к воиводе.

Амеса, приехав, поцеловал наместника по обычаю турецкому и дал ему грамоту Амуратову, а другую от Скандербега, и сказал ему приезд Скандербегов на вотчину ево за отпущением Амуратовым.

Воевода, вычетчи грамоту Амуратову, и велел ехати Скандербегу к городу. А как Скандербег в город[68] приехал, воевода ему город и люди и со всем, что в городе, отдал.

Взявши Скандербег город Крою у воиводы олбанского и послал по тех людей, которых оставил за городом. А как люди приехали к нему — побил с ними Скандербег всех турков, которые были в городех, кроме воиводы олбанского и тех, которые похотели к Скандербегу.

А как то уведали тутошние люди — болшие, и середние, и малые — и с великою радостию пошли к Скандербегу, радуясь тому, что его милостивый бог привел на вотчину иво, и государем иво учинили на княжестве Олбанском.

Скандербег, одержавши город Крою и околние места[69] и послал лутчих людей своих 2000, а велел им стояти на границах для приходу турских людей. *А турков еще[70] велел выискивать и всех[71] побивати.*

В то время *приехали к Скандербегу [72]княжата христьянские,* многие околние люди[72] и прославили его ж выизволителем отчины своей [73]из неволи.[73] Скандербег учинил им [74]речь широку теми словы:[74]

> «Есть вам ведомо, милые соседи и люди мои, коли отец мой, воюючись с тем неверным Амуратом, был изневолен от него. И для того, хотячи покою от него, дал дань ему и мене дал в закладе ему. И аз, будучи там, служил ему и он то ни во что ставил. Братью мою ядом смертным[75] поморил и мне хотел тож учинить, да бог укрыл мя. Вотчину мою посел, а вас всех [76]заневолить хотел.[76] И яз то все у себя таил много лет, что не было часу моиво.
>
> А нынеча, милая братия и соседи[77] и люди мои, возмем оружия своя и почнем држав своих доставати, призываючи бога в помочь себе. И бог поможет нам за наше терпение и правду перед ним».

Было то слово Скандербегово любо всем людем, и все рекли:

> «Дай боже по твоему слову, Скандербеже, а ты буди правителю наш!».

И собрався[78] к тем городом, в которых еще турки сидели, и *пришедчи, облегли город Петревль,* и они поддались Скандербегу. Оттоле *шедши, Петральб и Стелю взял.* Тут *пристал к Скандербегу Моисей-жид и крестился* и много помочи учинил Скандербегу. Тот жид великой правитель был в турках.

На весне *Скандербег пошел к Светограду.* И пришедчи, розослал людей в войну около города. Люди тутошние прибегли плачучи Скандербегу и говорячи:

«Не туркам ты чинишь убыток — нам убогим!».

И он смиловался над ними.

Скандербег очищал землю свою около Мокрой горы, даж и до границ болгарских, что было завладел Амурат после отца своиво. [79]И поддавались ему. Еще к тому ж *Скандербег Мокрею и много иных городов побрал у турков,* хотя[80] не были отца его.[79]

И Амурат то уведал, что Калибаша[81] побит от угров, и безмерно кручинился о том. И послал х королю угорскому, просячи миру с ним, а деспоту городы его ворочает. *И положили мир на десять лет.* А больши того было ему досаднее, что [82]над ним[82] Скандербег учинил. И для того умыслил все силы своя на Скандербега послать, да для того отложил, что зима зашла.

Скандербег уведал то, что Амурат на него готовитца со всеми силами своими, и *учинил сейм в Лысом, городе венецком,[83]* и *на сейм съехались многия княжата и панове околичные.* И Скандербег почал им говорить теми словы:

«Думаю яз, [84]милые мои соседи и люди,[84] что вы держите в памяти своей, *которым обычаем турки овладели много земель християнских,* что *учинили греком, босном, сербом в Мисии, болгаром, венетом* и иным многим людем во Асии и в Европе. Потом уж и отцу моему. А все то не силою или каким иным воинским обычаем — толко обманом [85]и словом[85] и иными неправдами. И того не дай боже, чтоб[86] и нам, ныне в той стороне [87]будучим, которого[87] зла не понесть.

Еще к тому же, чаю, не тайно у вас, откол пошел род Амуратов. Аз то подлинно ведаю и скажу вам: [88]толко от разбоя и от насилства почали.[88] И для того их и от места выгнали.

Исперва они были люди неславны [89]и на великую силу могли быть отверстаны[89] от лесных мужиков.[90] И для того б нам против таких срамота не стоять, что ни мужеством, ни храбростию чужие земли заседали, толко за несчастия людского. А болше они там наезжали,[91] где людей плохих[92] слышали.

[93]А коли к тому пришло — добро[93] и нам от них[94] стеречися и не верить им ни в чем, помнячи, что [95]над людми от них сталось.[95] А много о том не надобет сказывать и сами то ведаете. [96]Да и то мне не дивно,[97] что они *весь свой умысл и надежду на саблю покладывают:* [98]в том у них душевное спасение лежит,[98] — так себе они чают, а у нас то велико, что правда пред ними. А болши того не хощу говорити, что речь тайна есть, а много мышлю во уме своем.

А[99] что приходит страх в сердца ваша — и аз вам ныне скажу[100] в себе лечбу:[101] нет тут ничего неразумнаго, чтоб чего не мог человек разсудити. Всякое дело необычное, коли человек что починает, чего не умеет — страшно есть ему, потому что не ведает, как за него принятца. А как познает, и ему то иногда и слюбитца. И для того я мышлю, что и [102]вам страх приходит от турков,[103] а все то для того,[103] что *необычай к войнам и лежанье в вас вкоренилось.* Да то мы ныне все оставим.

А что о мне [104]вы ныне[104] мыслите, что аз [105]от них[105] в городех или в лесех укрывался — [106]не мог бы того терпеть для срама и для греха, видячи[106] неповинных людей бьют и вяжут и в неволю ведут [107]в полон,[107] а все нашу братью-християн, и пустошат отчины наши.[108]

Буду всегда пред лицем неприятеля нашего с людми своими ставитца за нашу правду, надеяся на милость божию. [109]Ведаю, что силы его Амуратовы переломити не могу, потому что много всего у них; и аз с помочью[110] господа бога моего[109] буду промышлять над ним: где станет у города — буду наезжать на него в день и нощь и чаю милости божией, что будет он отъезжати[111] с убытком. Толко пришедчи будет [112]ли жить[112] у нас и состаретися; и аз то ведаю, что того не будет — [113]будет приез-

жать и отъезжать.[113] И тако[114] люди свои начнем собирать в одно место, не откладывая ни за чем, а городы свои укрепим.

И будем неприятеля своиво ждать поготову, чтоб нас[115] спящих не застал. А как уведает, что мы готовы против его [116]будет ему жаль упору своего».[116]

Как то[117] Скандербег изговорил, закричали все велиим гласом:

«Буди так, чтоб был[118] Скандербег вызволителем и вожем нашим против неприятеля нашего!».

И, вставши, *Арамнит, князь македонский,* дал Скандербегу люди своя, и многие иныя княжата сами пошли с ним против Амурата.

По малом времени *пришла весть, что Калибаш идет* до Албании со многими людми и для того олбаняне в великой страх впали и убоялись такова небывалаго дела и почали бегать к городом.

Скандербег почал [119]говорить им:[119]

«Что вы таковы страшливы безмерно! То бывает на глупых которыя з боязни изнемогают. Стойте крепко и не бойтеся! Естьли нас переможет, ино и тогда набегаемся. А толко ж нам бог поможет, тогда нам и добро будет и в воли будем жити».

И собрав Скандербег людей своих конных 8000 да пеших 7000. И шедчи стал у Дыбры, близко войска Калибашева.

А как[120] Калибаш уведал о Скандербеге и пошел на него, Скандербег велел огни свои погасить в ночи и людем своим молчати велел. Калибаш тому рад бысть — чаял того, что Скандербег боится его.

А *Скандербег в то время строил люди свои [121]на бой.[121] * Болшой полк так учинил: ростянул [122]и закривил иво так, как коли невод[122] в воде идет, а промеж конных людей поставил пеших стрелцов, чтоб могли и туды и сюды проходить. А *голову им учинил Айдынуса. В полку на правом криле поставил воиводу Моисея, наместника Дыбрьского, а на левом криле — Таняда, сестрича своего,* а серед полку был сам Скандербег. И отобрал лутчих людей 3000 и послал их 700 с[123] сестричем своим. А велел им укрытися и не велел рушитца потамест, покамест[124] раненые с обеих сторон будут.

А сам Скандербег стал наготове. И хотячи выведать он турков, послал стравщиков на задор еще на солнычном восходе. А людем своим не велел в полку никакову человеку[125] рушитца, чтоб не смешались.

Калибаш увидел людей Скандербеговых немногих и учал смеятися им говорячи: «Что вы[126] так слишком смелы?». И ни за что их покладывал и напустил на них неурядно. Люди Скандербеговы открепились и пронесли их назад, даж до полков. И Калибаш напустил на них всеми своими полки, видячи их немногих — мыслил о том, чтоб оне не ушли — и гнал их до полков Скандербеговых, и учинили бой.[127] И стоял бой ровно на обе стороны долго:[127] турки своею[128] силою, а Скандербег — своим мужеством.

А в то время Амет пришол с западным[129] полком и напустил на турки. Турки, видячи той великой [130] их напуск, ни мало не постояли и почали бегать, а Скандербег — гонять и побил их. Тут Скандербег великую корысть себе побрал и роздал все людем своим, а себе толко наряд взял.

В тот час християном сталася великая радость с тоя победы, а Скандербег[131] за то[132] людем своим кланялся.

А потом[133] писал и другом своим с великим[134] челобитьем, что помогали ему против турков.

Потом *папа римский писал к Владиславу, королю полскому и угорскому, чтоб не держал перемирья с турки и прощал его.[135] И король по слову папежскому писал к Скандербегу,* просячи помощи у него по христьянству против Амурата.

И для того *Скандербег учинил сейм во Епире и на сейме просил помочи у сосед своих на турки для короля Владислава.* И они дали ему 35 000 королю Владиславу людей на помощь против турка.

И Амурат уведал то, что зговорились на него християне, и тому безмерно дивился, что король поломал перемирье, а на слове не стоит. И для того *не верил греком и словяном, которые в иво мочи, и послал по люди во Асию.*

А как *из Асии пошли люди ко Амурату, и тех людей переняли на мори папа римской и венеты и король аполинский. И они дали

им по золотому с человека и тем откупилися от них и пришли целы во Адрианополь.*

Амурат, собрався с людми своими, пошел на короля Владислава, а Владислав с людми своими пошел против его. А как сошлись к бою — *побили турки людей Владиславовых и самого короля убили.*

А *Скандербег с людми своими к бою не поспел,* потому что мешал ему Ерык, деспот сербский, как шел через иво землю. И слышавши Скандербег о смерти королевской, безмерно о том тужил, а [136]на деспота гневался,[136] потому что ево для обиды король воивался с турки. А как Скандербег шел всход х королю Владиславу, и он мешал ему, а добродество королевское забыл.

Потом Скандербег то все отомстил деспоту, что он ни чинил ссоры меж християны. *О том деспоте пишет,* что он — ни християнин, ни турчин, а все зло от него чинилось; того деспота *дочь была дана Амурату в жену,* хотя у него было много иных жен.

Амурат с того побою возгордел и мыслил все силы своя на Скандербега послать. А *наперед послал к нему грамоту,* хотячи иво уловить теми словесы.

Грамота Амуратова к Скандербегу:

«Амурат-атаман, царь турский, государь от востоку солнца и до запада — Скандербегу, вскормленику, а потом отметнику моему.

Никоторого здоровья писать к тебе не могу, что много вины твоей предо мною, что учинил еси во Угрех и в Епире при Калибаше и что отцу жены моей, деспоту, и что учинил еси наместнику моему во Албании [137]и уряд его одержал. А еще того всего болши[137] — веры нашея отступил еси и великого пророка Магомета отрекся еси, а приял блудную веру гаурскую, а то есть християнскую. Видел еси добродейства мои и ни во что поставил еси их. А было б тебе еще того и лутче, толко б ты не так учинил: дал бы аз тебе вотчину твою, толко б ты у меня попросил того, еще б к тому и прибавил. И то тебе ставитца моим милосердием, что тебя еще не до конца гонил есми и люди немногие на тебя посылал, ждучи и чаючи того от тебя, что попамятуешь и добродейство мое к себе и покаешися.

А естьли не престанешь того чинить, и яз [138]помышлю злом[138] на тебя; а естьли приклонишися ко мне, будеши иметь у меня первую честь и отчину свою будеши держати с покоем и помочь против всякого недруга твоиго буду тебе давать. А прямую тебе правду скажет посол мой Арадын и к тому буди добр, естьли еси умен.

Дан из Андрианополя».

Скандербег ту грамоту прочел и посмеялся и, переписавши, розослал по приятелем своим. А к Амурату велел написати сими словесы.

Грамота Скандербегова к Амурату:

«Воин веры христовой Юрьи Кастриот, князь олбанский, — Амурату, атаману турскому.

Кладешь меня в писме своем, Амурате, розными обычаи и зовешь меня вскормленником своим. И яз то терпением своим и крепостию здержу, берегучи твоей старости, [139]чтоб мне[139] еси болши смеху, нежели гневу привел. И для того и грамоты твои от посла твоиво с любовию приял еси. Потом имянуеши меня отметником и отступником от веры твоей, которые ты не правдою — толко силою боронишь. А говоришь, что аз, забывши добродейство твое и душу свою, восприял блудную веру христьянскую. А на остаток притягаешь меня к себе гладкими словесы, что магнит железо.

Опамятуйся,[140] что чинишь, атамане! Что есть чудеса пророка вашего Магомета и которое писмо силное вашея веры? Ведаю, что веруешь во единого бога — и то вси ведают, что бог един. А как приити к нему, коли мы сами негодны, для злости и грехов наших, видети лице его или слышати глас его, толко самим Исусом Христом спасителем нашим — тот нас поставит перед лицем божиим. А то что глухому сказывать — коли не слышишь, а глупому — коли не разумеет!

К тому ж еще сказываешь: неправ яз пред тобою и чиню неправду тебе и про что поднял руку свою на тебе. То ли неправда моя, атамане? Прав яз пред тобою и руку свою вознес на тя за неволею моею — [141]не шло ми о малое дело.[141] Первое — о души. чтоб было есми отдал ее в руки диаволу. Другое — вотчину мою ты завла-

дел еси. Еще к тому же братью мою изгубил еси злым смертоносным ядом и мне самому тож учинить хотел еси и меня бог[142] укрыл от руки твоея.

Про то ли меня зовешь отметником своим, что аз взял вотчину свою у тебя всю обвойвану и запустошену? [143]Не мог терпети есми боли того, [144]от тебе[144] атамане![143] Волность над всеми богатствы мило человеку, а ты у всех людей силою отнимаешь ее — толко хощешь ты один быти в воле на[145] свете.

И для того прошу[146] я у тебя,[146] атамане: откинь высокие гордости свои, а с победы угорские нынеча[147] не возношайся — волно богу и поднять и опустить. А мне того не памятуй, тем меня к себе не привлечеши. Своим разумом[148] з божиею помощию ходить буду.[149] Не хощу[150] у недруга думы,[149] помочи и покою не прошу. Толко о том молю бога, чтоб одолеть его.

Дан от Епира в лето по рождестве Христове 1444 году».

Амурат, прочетчи Скандербегову[151] грамоту, подивовался иво смелости: чаял того, что устрашитца для побою угорского. А, однако, злые своей мысли не объявил и никому рек:

«Разумею, Скандербеже, что хощешь ты [152]от нас[152] злые смерти — и дам тебе то!».

И *послал на Скандербега до Албании великое войско с Мустофою да с Ферызесом* — воеводами своими — [153]по 20 000 с воиводою,[153] и пошли нарознь в землю Скандербегову.

И Скандербег, шедчи, Фаризеса побил, и отголь немного отшел — пришла весть к нему, что Мустофа идет, а с ним 20 000 войска. И Скандербег [154]того ж дни[154], шедши, и Мустофу побил наголову — одва Мустофа и Фаризес сами ушли. И тут олбаняне великую корысть поимали, а людей, которых живых поимали, тех Скандербег на откуп давал. Мустофа, прибежавши ко Амурату, думал ему не воиватца с Скандербегом до времени.

А в то время *убил друга и помощника Скандербегова Захарью Леха, князя словенского во Иллирике, племянник иво Дукан,* *для того, что тот Захария уложил меж собою и Скандербегом:* кто преж умрет бездетен — ино обе державы один возмет, который оста-

нетца, [155]а их, род свой, отставил.[155] По смерти того Захария, *Борза — мати его — не ждучи Скандербега, поддалась венетом* и *отдала им городы* во Иллирике: Щедро, Даинам, Бализию, Дрынаст и много иных городов невеликих. И для того *Скандербег завоивался с венеты* и трижды побивал их над Дунаем, а городы побрал многия.

И Амурат, слышачи войну у Скандербега с венеты, *послал опять Мустофу и Карагуса до Албании.* Скандербег уведал то и *пошел из Иллирика во Албанию,* осадивши городы. А как сошлись к бою, вызвал Павел Дукаин Карагуза битися сам на сам, а как съехались — *убил Павел Карагуса* копием в правое око и свалил[156] его с коня. И, слезши с коня, отсек голову ему и отъехал.

Скандербег, не мешкаючи, в то время напустил всеми людми на Мустофу и на людий Карагузовых. Турки для убиения Карагуза, воиводы своиво, впали в боязнь и недолго постояли против Скандербега и почали бегать, а Скандербег с людми своими — гонять и побил их, а Мустофу жива поимал.

В тот час побито турков 35 000 да живых поимано 3000. Богатьства и наряду много побрал у них Скандербег и богатьство все роздал людем своим, а себе толко наряд взял.

Потом Амурат Мустофу выкупил за 2000 золотых червонных, такожде и иных людей откупили всех[157] турки.

По том бою Скандербег, не мешкаючи, пошел опять до Иллирика для того, что было *венеты розбили Бализию.* И венеты уведали о приходе Скандербегове и о том, что побил Скандербег турков, и для того *отдали Скандербегу Бализию и Даинам,* а от иных городов во Иллирику и в Далматии *оброк поступили ему,* видячи разум его и счастье против Амурата. И затем просили Скандербега, чтоб себе и их оборонял от турков.

Амурат по том побои и для смерти Карагузовы был безмерно гневен на Скандербега и умыслил сам итти к Епирю. И для того послал во Асию по люди натолийские и пришло их к нему 100 000, а иных людей было 50 000. И собрався пошел на Скандербега. И, вышедчи из Дрианополя, почал говорить людем своим:

«Доколь будеть терпеть тому вору, который веры нашея отрекся и мне изменил и много нам учинил зла своим упрямством.[158] Всегда мы то ни за что кладем и о том не радеем, а он меры себе не [159]познает, подобно[159] чает худобы нашей. Что много терпим ему?

Час тому пришел, что ему взять заплата за свои дела от нас. Сколько было королей и царей и княжат великих, богатых и сильных, которых мы наказали и упорную их силу переломили,[160] а того вора не накажем. И то срамота нам велия будет, только тот Скандербег [161]от нас[161] отстоитца».

И как те слова Амурат изговорит, многия почали думать ему, чтобы послал пред собою немногих людей розведати дороги, куды итти со многими людми и где стать, что приход гораздо нужен многим людем ко Албании. И иные против того говорили:

«То нас перекладане многажды обмануло; как там с малыми людми появишся — оскочат около и побьют, а отходить будет нужно. Того не дай боже ныне,[162] чтоб початок наш был с убытком, [163]а недруга потешил.[163] Хотя недруг с воробья, а ты ево ставь болши лебедя. И для того лутши всем итти розделився поблиску, [164]чтоб полк полку мог помогати,[165] где будет пригожь».[164]

А паши приговорили, чтоб треть войска послать городы осадить. И Амурат послал 50 000, а велел им стать под Светоградом, а сам за ними шел, разделясь, [166]как у них обычай есть. [167]И от того *во[166] Албании на всех людей пришел великий страх и ужас.*[167] А Скандербег то ни во что ставил, говорячи:

«Всегда малые люди многих[168] урывают потому, что их много, а нас мало и нам есть кого бить и гонять, а им некого».

И собрав Скандербег людей своих, и что пришло от сосед его, а всех 35 000 и *учинил речь им такову:*

[169]«Естьли б кто межь нами таков был, у кого[169] страх в сердцы, тот бы ехал прочь и стой[170] на стороне, где б[171] иво турки не достали. Буду яз[172] так людей перебирать, как Гедеон, коли[173] бился со алмалики».

И не было у него такова, кто б мысль свою отменил, видячи крепость Скандербегову.[174] А Скандербег не мог ведати числа людем турским,[175] что в приходе,[176] и о Амурате, [177] кроме тех людей, что стояли под Святоградом. И для того *выбрал сорок человек добрых молодцов* и, нарядя их в мужицкое платье, послал в город з запасом, а сам, [178]сказав вся им,[178] стал в горах.

И они, набравши мехов с житом, и поехали в город. А шли блиско войска турского. И сторожи турские увидели то и, прибегши, сказали в полках своих. Турки, услыша то, и кинулись на них 50 человек и учали у них отнимать что везли, а их хотели вязать.[179]

И мужики боронились от них и многих поранили, а иных побили — мало их от них здоровых отъехало.[179] Потом прискочили на них многие люди и они бились с ними, ускакиваючи за кони и за мехи, что за стену, да и тех побили и прогнали. И в то ж время убили турчина — доброго правителя[180] из Асии. Турки, прибегши в полки, сказали, что мужики крепко бьютца, и воиводы послали на них 4000 людей, а велели их переимать живых и привести к себе. Турки погналися за ними, а мужики, поворотясь от города, побегли в горы. Турки, видячи то, что мужики бежат, погнали за ними и прибежали на то место, где был Скандербег укрылся. И Скандербег, выскочивши, побил их, турков, наголову[181] — немного их живых ушло, а иных живьем поимал. И уведал от них[182] Скандербег о всем подлинно. И коли того турки доведали, пришел на них великий страх и ужасно[183] окопались около себе великим валом, боячись приходу на станы.

Потом вскоре *Амурат пришол под Светоград* и стал около города. На третей день Амурат послал к городу в ночи к воиводе, а велел ему говорить, чтоб здал город, а дары б всякия взял у Амурата. А естьли того не учинит — будем мучить их так, чего и не слыхали. Петр Перлат, воивода светоградский, послов в город не пустил и рек им:

> «Добрый час есте изобрали в ночи,[184] чтоб вас люди мои не видали. А я так говорю вам — отойдите прочь, заправду, покаместо вас люди мои не увидят!».

И некоторые горожане, слышачи то з города, хотели их побить, и Перлат не велел им,[185] говорячи:

«Все люди тот обычай держат, что волно послу притти и отити».

И Амурат про то зело розгневался на Перлата, что посмеялся послом его, и послал к нему иных послов в день, чтоб город здал, а дары б у него взял. И Петр Перлат отказал им:

«Николи аз того еще не чинил, к чему меня Амурат приводит[186] и ныне того же не буду чинить и до смерти своея, а чести своей не[186] променю на бесчестье!

Лучше б то Амурат учинил, чтоб отступил от города[187] и, отошед назад, ко Адрианополю, покаместо еще цел. А себя и людей не томил, берегучи своей старости, естьли хочет долго пожить, чтоб в той нуже, и в суете, и в шуму не умер, не доживши многих лет веку своего.

А естьли Амурат будет умен — и он мою думу полюбит, а естьли так не учинит — будет мое слово поминать и каятися упору своиго».

И Амурат, услышав то, рвал у себя ус и бороду и думал с людми своими как бы мог взять тое злодейскую яму. И устроивши люди своя, *послал к приступу наперед простых людей,*чтоб горожане над теми людми истомились — таков бо всегда у турков обычай. А в то время Амурат, ездячи по полкам, говорил:

«Хто преж всех взойдет на город и тому дам 1000 денег,[188] а другому — половину того».

И как изготовясь, турки пошли к городу всеми людми с лесницами и[189] хто как умел.[190] Горожане з города крепко бились с ними тако ж, кто как умел. И отбили их прочь от города[189] и многих турков тут побили.

Скандербег, видячи то, что Амурат умыслил доставать город, почал говорить державцем городцким, чтоб сидели крепко в городе, а он им помогать будет. А к Петру Перлату послал тайно с тем, чтоб сидел в городе без боязни, а как турки пойдут к городу, и *они б на них вылазя кричали [191]и зычали,[191]* а в то время Скандербег будет на турки приходить; то у них и зсылка будет Скандербегом.

И *Амурат людем своим немного дал отпочинуть и почал опять посылать к приступу,* говорячи: «Не пойду прочь, не взяв города!».

А как турки почали приступать к городу, и горожане [192]на них зазычали крепко всеми людми[192] и почали отбивать их от города.

Скандербег, слышачи то[193] и взяв с собою 1000 людей, а пять тысящ оставил в подсаде с Моисеом, наместником,[194] для пригоды[195] и пришел[196] на них изгоном.[197] А горожане [198]вышли из города вон.[198] Турки, хотя их было много, [199]а не ведают, кому противитца, не могли окрепитца,[199] вскоре мало не побегли прочь — [200]таков на них страх и ужас нашол.[200] Скандербег,[201] видячи людей своих истомных, и велел им отитти прочь. А турки[202] не смели [203]гонять их, боячися подсады.

В тот час турков много побито от Скандербега и от горожан и много всяких статков у них горожане побрали и в город внесли.[203] Потом Скандербег на них опять пришел в ночи и много турков побил,[204] доколь не собрались, а как турки собрались. и он прочь отшел. И в тот час турков побито 2000.

И Амурат для того был велми кручинен, что ни над чем извяз. И[204] *велел людем своим еще готовитца к приступу.* А против Скандербега поставил Ферыбаша, а с ним послал 35 000 войска лутчих людей. Как пойдут те люди к городу и он бы с Скандербегом бился, а приступным бы людем не давал мешать.

И как Скандербег уведал то, что против иво Ферыбаш оставлен [205]и рад тому был.[205] А как пришло к бою, *послал Ферыбаш к Скандербегу,* чтоб с ним Скандербег бился сам на сам и Скандербег произволил к тому. А как съехались[206] — убил Скандербег Ферыбаша копием в лоб и свалил с коня.

И воротясь к людем своим, и велел им напущать на турки не мешкаючи, [207] доколь бы иного воиводы не выбрали.[207] И турки, ухвативши тело Ферыбашево, [208]почали утекать, а Скандербег учал их гонять. И побил того часу[208] турков 7000 и много живых поимал. И[209] много греков и словян и иных християн [210]к нему[210] пристало, к Скандербегу, от турков.

И турки,[211] видячи несчастье свое, пошли[212] к Дыбре, что стоял на высокой горе блиско Светограда. [213]А воды в нем не было[213] — толко один колодез и ту воду в него пущали дождевую желобом. И, пришедши, облегли город и пробивши стену послали к Перлату,

воиводе дыбрскому, даючи ему великие дары и людем иво, чтоб отдал город. И Перлат послом отказал, что город не здаст.

Некто один изменник Скандербегов прибег к турком и росказал им худобу городовую и что вода нужна у них. Турки научили его, чтоб вкинул какое стерво в тот колодез и отпустили иво в город. *И он, пришедчи в город, вкинул в колодез пса в ночи да кошку,* хотячи добра турком. Наутрее горожане увидели то и познали, что есть изменник меж ими. И для того пошли на думу многие горожане, думали говорячи:

> «Воровство промеж нас являетца и для того добро нам себя поберечь, покаместь нас болшая нужда не зоймет или иное зло на нас не приидет».

И захотели город здать Амурату. Перлат, воивода дыбрский, видячи недобрую мысль их, и почал им говорить:

> «Что слепота сердца ваша осилела, [214]милые товарыщи![214] Для чего сами себе и место свое отчинное хотите потерять, а ласкового государя нашего Скандербега хощете роскручинить, а турка, неприятеля нашего, что змия лютого и злаго, хотите за пазуху положити!
>
> Кому можете верити — Амурату или сыну иво Магомету, или людем их? Кому они веру держали и кому не изменили? Всем людем они злодеи, того ищут, чтоб кому могли зло учинити, а волных бы в неволю ввести. Помните ли, что люди наши им учинили ныне под Светоградом и преж того во многих местех. И земли им не стало, где погребати побитых, а еще у могих и раны не зажили. Верьте мне, как вас увидят в своих руках, побьют вас для своих побитых и раненых, отмещаючи кровь их. И будете о том каятца,[215] да не [216]поможете ничего. Для чего[216] так вам чинити и Амурата тешить?[215] Благословени те люди, которые померли за вотчину свою на своих местех против супостатов».

И велел Перлат принесть воды[217] ис того колодезя. А как принесли воду, рек Перлат горожаном:

> «Естьли вы не верите тому, яз вам образец учиню!».

И почал воду пить перед ними. И, пивши воду, рек им:

> «Николи аз таковы воды сладки не пивал!».

На такове месте многие люди, видячи[218] прямую службу к Скандербегу, почали пить воду. А большая половина не пила, говорячи:

«Воды многие откушали, а изменника не можем найтить!».

И мыслили город здать. Перлат почал им говорить:

«Ныне изменник у нас в руках есть, толко будет меж нами правда и одна мысль — тогда изменник тотчас объявитца».

И просил их, чтоб умысл свой отменили.

Горожане ни которыми делы того не остали, а Перлата не слушали, говорячи:

«Коли к нам Амурат присылает часто и дает нам волю — здадим ему город, [219]чтоб потом не розъярился».

И здали город[219] Дыбру, а потом[220] и Светоград. *Амурат их пустил волно, кто куды похотел.* Кто к Скандербегу — тот совсем поиди, а кто к Амурату — тот на старом месте жить почал. Были тут люди не одного города и языка: были словяне, олбаняне, волохи, немцы[221] и греки. А одни других береглись и не верили.[222] И то не может быти крепко, где не одне люди будут — [223]издавна то чинитца, что одне другим не верят.[223]

А как пришли дыбряне и светоградцы к Скандербегу с Перлатом, положивши на шеи поясы свои, и пали перед Скандербегом, и сказали ему неволю свою. Скандербег Перлату и всем тем людем, которые с ним пришли к нему, то отпустил и пожаловал их. Много Перлат служил Скандербегу и крепко сидел в городех до[224] меры, да толко то не добро чинил, что многим людем допущал з города говорить с турки.

Амурат, осадивши город Светоград и Дыбру, и *пошел ко Андрианополю в землю свою.* *Скандербег на него приходил, во многих местех и в теснотах и побивал иво.* И проводя Амурата из Албании, послал войну в землю турскую. И, шедши, люди Скандербеговы повоевали многие места и великия корысти побрали.

Потом Скандербег собрал людей своих 38 000 и. *пошел до Светограда и стоял под городом не мало время, а не мог города взять,* потому что не было у него такова наряду, [225]каков был у Амурата,[225] и пошел прочь. И Амурат уведал то[226] *и пошел [227]было опять в Олбанию,* да для того воротился. что зима зашла.

А на весне, *взявши с собою сына своиго Магомета, и пошел[227] ко Албании* и перед собою послал Себалю, воиводу своего. А велел ему стать у Крои — столного места олбанийского. Скандербег собрал людей своих 30 000 и мыслил приити на Себалю, да побоялся с тылу Амурата.

Потом вскоре Амурат пришел с Махометем и стал около Крои. На третей день послал послов в город к воиводе кройскому, чтоб ему город здал, а за то возмет от Амурата честь и дары великия, а людей всех Амурат одаривши отпустит волно, хто куды похощет. *Уpaконт, воивода кройский* послов в город не пустил и ничего им не говорил, толко велел железом бряцать на городе. *Амурат велел поставить наряд з дву сторон* и велел бить по городу безпрестани и выбили стену от верху до половины, а болши того бить было нельзя. Потом велел готовитца к приступу. * [228]И послал наперед к приступу черных людей,[228] * чтоб горожане истомились над ними — [229]таков обычай у турков всегда.

И в то время[229] Амурат, что шалный ездя по полкам, говорил:

> «Естьли кто умрет — избавлен будет муки; а кто будет жив, [230]а нам послужит[230] — тот великую честь от нас примет. А кто преж на стену вскочит — тому дам 100 денег, или аспр».

Ураконт видячи, что со всех сторон готовятца к приступу, и почал говорить людем своим теми словы:

> «Ничего того не бойтесь, милые мои[231] товарыщи, что Амурат немного стены выбил, [232]а сердца нашего и мужества не выбил.[232] А болши того он нам и городу не может ничего учинить. А хотя б что и было — и так говорю вам: то крепкой город, где [233]одной мыслию и любовию стоят все люди, а не розныо.[233] А то пристоит на бешеных, а не на нас[234] целоумных, что нам бегати и замыкатися, как овцам в овчарне от волка — так нам в городе.
>
> Какая нам то слава будет, что нас стены боронить будут, а не мы стены? Честнее то нам и славнее, толко мы стены будем боронить и крепко стоять.
>
> Скандербег — государь наш — приказал нам боронить стен[235]

и города и что есть в нем,[236] а не нас стенам боронить велел от супостат.[237] И для того памятуйте наказ Скандербегов и будут руки наши боронити от супостата живот наш, а тело наше заступит город от находящих бед».[238]

А как турки изготовясь пошли к приступу, горожане стали с великою крепостию[239] противу их и отбивали их.[239]

А Скандербег в то ж время с поля пришел на турков и многих побил и великое богатство побрал.

И Амурат послал на него Шереметя, воиводу своево, а с ним 4000 лутчих людей. Там же поехал Магомет — сын Амуратов — без ведома Амуратова. Скандербег, не ведаючи про Магомета, учинил бой с Шереметем. *Турки оскочили окол Скандербега* и ранили коня под ним и кинулись на него многими людми, хотячи иво поимать. Люди Скандербеговы стали крепко окол Скандербега, а в то время привели ему коня, и Скандербег седчи на коня и отъехал в горы. А турки за ним не гоняли, боячись от него подсады. [240]Дивовались тому олбаняне, что на таком великом деле в то время толко[240] десять человек убито Скандербеговых.[241]

И Магомет, приехав, сказал Амурату о побитых людех своих и о Скандербеге. И Амурат так не тужил, что людей побито много у него, но то ему великая печаль была, что Скандербег ушел у него. И стоячи под городом не приступал к городу.

А в то время горожане укрепили пролом, что было турки испробили [242]снову. И Амурат послал опять к городу и почали приступать. Горожане[243] побили их[244] под стеною и великую корысть побрали.[243]

И Амурат, видячи людей своих побитых,[245] не велел приступать к городу до времяни. А Магомет — сын иво, — [246]что злая собака,[246] велел безпрестанно приступать, [247]и горожане их побили опять под стеною. В то время турков осмь тысящ побито.[247]

Амурат для того отложил приступы, а мыслил итти на Скандербега и его убить или[248] поимать, а потом вся Олбания в руках иво будет.

И Скандербег уведал то, что в войску турском деетца и что Амурат умыслил итти на него. И, выбрав лутчих людей, пришел в ночи на станы турския. И наметал огню по станом и пожег много богатейства, и коней, и людей, и всякого запасу у турков. И для того *Аму-

рат почал быть поготову* и почал ставить треть войска своиво на конех, чаючи того, что Скандербег не даст им по вся ночи покоя.

Потом послал Себалю, воиводу своиво, а с ним 36 000 [249]войска своиво[249] и велел ему искать Скандербега. А *Скандербег в те поры уведал, что многие запасы идут к турком* из Македонии. И, шедчи, побил их наголову и запасы все побрал. Себаля ходил искати Скандербега и не нашол.

А Амурат велел копать подкоп к городу. И горожане, вышед в ночи, побили турков на стороже, иных и живых побрали. И уведали о подкопе, и учали копать против их.

И Скандербег умыслил, чтоб ему еще притти на турков и собрал людей своих 35 000 и розделил их на трое: один полк дал Моисею, а другой — Танюсу, а третей сам взял. И приговоря меж собой, пришли на турков в ночи, а кричали по-турски, будто что свои к ним пришли, и тем великое замешание учинилось в войску турском — даж сами меж собою побились.

[250]А как турки[250] собрались на Скандербега и учинили бой с ним. В то время пришел Моисей с людми своими и турки, видячи многих людей, побегли, а Скандербег их учал гонять и побил.[251] Так были турки остращены от Скандербега, не ведали, что чинить, а с места поити для сорома не хотели, а болши для того, что боялись Скандербега, чтоб их не побил[252] на походе в тесном месте.

И Амурат *умысля послал послов к воиводе в город* не с тем, чтоб ему город здали, — с тем послал к нему,[253] чтоб верно служили Скандербегу, государю своему, и крепко сидели. И дары великия послал к нему. Ураконт, видячи послов турских и слышав посолство от них, рек им:

> «Аз дары возму [254]у вас[254] не для того, [255]чтоб мне их опять назад отдать; а платить их мне нечим, толко мне не пожалует государь мой Скандербег.[255] Для того их возму у вас, чтоб Амурат учинил то, чего аз буду просить у него, а ему ж на пользу просьба моя».

И послы спросили его:

> «Чего хощешь — мы то известим Амурату».

Ураконт рек им:

«Прошу Амурата, чтоб отошел прочь ко Адрианополю, поки иво в той нуже и в шуму и в суете смерть не застанет».

И Амурат, слышачи то, рек:

«Явное то гонение пришло на меня от бога, что яз себе малого недруга ни за что покладал, а хотел иво жива поимать, и он не дался мне».

И для того Амурат впал в немочь. Видячи то, паши иво почали думать, как им чинить над городом и над Скандербегом: голодом ли горожан выморить или Скандербега гонять, или дань взять з земли Олбанския. И *приговорили, чтоб дань взять,* да толко Скандербег того не хотел и не дал дани им.[256]

И Амурат, видячи смерть свою, созвал к себе велмож своих и просил их, чтоб таковы же послушны были сыну иво, как ему были. А сыну своему рек:

«Памятуй себе, Магомете, сыну мой милый, колико прародители наши и мы по них укротили силных царей, и королей, и великих княжат. Как Асию и иные земли овладели, греков, влохов, угров, сирян, египтян, сарачинов, сербов и иных многих побивали.

Уж бы яз в то время и Царьгород взял, толко б мне не тот Скандербег мешал. И для того не переставай гонити иво даж до конца. И никакова недруга себе не[257] ставь плоха[258] — всегда будь готов против иво. Памятуй [259]нынешнюю пригоду мою:[259] пришел есмь на того воришка и для того и души своей отставаю».

Потом *Амурат замолчал и умер под Кроею в стану своем.* Магомет с великою жалостию и плачем отошел от Крои. А тело Амуратово, по обычаю своему, мастьми намазавши, и повезли до Витании к Асии погребать.

А как турки отошли прочь, и Скандербег приехал в Крою. И великою радостию [260]и веселием сам, и люди иво, и жены, и дети их веселились.[260] *Ураконту ж, воиводе кройскому, за такую иво службу и разум дал княжество Макидонское.*

Царство Махометово — сына Амуратова — и о взятии Царяграда

В лето по рождестве Христове 1450 Махомет, царь турский, по смерти отца своего, овладел всю Тракию и пошел к Царюгороду.[261] *Облег город и велел учинить башню,* чтоб с нее могли бить через стену в город. А *царь Констянтин Палеолог был в миру с Магометом* и не чаял он приходу его на себя и собранья у него не было [262]на него.[262] *И для того послал в Рим по люди. И папа [263]людей не дал.[263]* Еще римляне были тому и ради.

Турки, выбивши стену, почали готовитца к приступу. И учинили себе пост по своей вере и прощались меж собою как бы друг друга и не видать и пошли к городу. А Магомет, ездя по полком, говорил:

> «Естьли я возму город — все богатство людем своим роздам! А хто нам явственно послужит, тот дары великие от нас приимет».

И горожане от проломов отбили их. На завтрее опять приступали весь день и много турков побито, а городу ничего не учинили. Потом многие приступы были во много дней. *И ранили воивод* градских Феофила — грека — да Иоанна — долмацкого словяка. И для того горожане ослабели без воивод.[264]

И турки узнали то, что горожане уставают [265]и не так стоят крепко, что сперва,[265] и почали приступать крепче к городу и взяли город. Людей всех посекли, храмы пожгли, и [266]образов божиих не почтили,[266] и много зла починили[267] богу. А *взяли турки Царьград в шестьдесятой день от приходу своиво в лето по рождестве Христове 1452-м.*

Потом Магомет ходил во угры и побит[268] там под Белым городом и много людей там у него погинуло.

Магомет, овладевши Царьград и всю землю греческую и не чуячи сытости, послал к Скандербегу, чтоб ему дань дал з земли своей. И Скандербег того не учинил. И *Магомет про то розгневася на Скандербега и послал на него Амеса, воиводу своиво, а с ним послал людей 30 000 да другово воиводу своиво — Добрея* и с ним 40 000 войска.[269] И Скандербег уведал то и, собрався, пошел на них.

И, пришедчи с тылу,[270] их принаровил к тесному месту — такову, что турки сседали с коней и [271]перепровадились чрез те места.[271] И побил их наголову а много живых поимал, а Амеса утек.

Потом пришел Скандербег на Добрея и учинил с ним бой и бились с ним долго. И Добрей прислал к Скандербегу, чтоб с ним бился сам на сам. И Скандербег [272]тому рад бысть и поехал битца.[272] И как съехались на бою, и Скандербег убил [273]Добрея и свалил с коня, а тело Добреиво ухватя турки и побегли, а Скандербег с людми своими погнал за ними и побил их так, что никаков не ушел.[273]

А как Скандербегу почастилось[274] над Махометом и собрав войско свое и взявши помочь от Алфонса короля апулимскаго, *пошел к Белуграду и стал под городом и почал бить по городу.* Горожане, ведаючи, что их Махомет [275]не забудет и будет им помогать,[275] и *взяли мир с Скандербегом на месяц,* [276]хотячи подумать.[276] И умыслили себе тем обычаем: толко Магомет им в то время не учинит помочи и они хотели город здать.

И тут[277] Скандербег недобро учинил. И Магомет уведал о том, что Скандербег стоит под Белым городом, и скоро, не мешкаючи, послал на помочь белогородцем Себалю, воиводу своиво, со многими людми.

Себаля послал лазучника в город[278] с тем, чтоб сидели крепко, [279]а ждали иво к себе.[279] И сам, пришед, скрал сторожей Скандербеговых и пришел на Скандербега. А горожане вылезли вон из города. И *побил Себаля Скандербега.* И тут побито людей Скандербеговых 5000, а много и живых поимали. И за тех Скандербег послал откуп, и турки на откуп их не дали. *И [280]одравши пред ними кожу и насыпав[280] мекинами, и на колье посажали.*

В то время *отъехал от Скандербега Моисей, наместник Нижныя Дыбры, к Магомету.* И *Магомет послал его со многими людми на Скандербега,* потому что *он ведает умысл Скандербегов.* И сулил ему великие дары, толко к нему Скандербега жива приведет. И *Скандербег уведал то, и собрав люди свои, и пошел против Моисея, и побил иво* — одва Моисей сам утек. И для того Моисей был в ненависти у Магомета и у всех людей и не почали верить ему.

Моисей, видячи то, отъехал от Магомета и просил другов и ближних Скандербеговых,[281] чтоб ему помогли и [282]были б печалники у Скандербега.[282] А сам, положивши пояс на шию себе, и, пришедчи, пал пред Скандербегом, узнаючи вину свою. И *Скандербег отдал ему вину иво.* И был у нево в первой части.

Скоро потом *турки перелезли[283] дары Амеса* — сестрича Скандербегова, а хотели иво поставить на княжство Олбанское, убивши Скандербега. И он отъехал к Магомету. Для того Магомет послал пашу своего со многими людми, чтоб Амеса посадил на княжство Албанское, а Скандербега выгнать или убить, или жива поимать.

Уведали то княжата околние и, не ждучи присылки от Скандербега, пошли к нему на помощь. И *Скандербег, шедши[284] с ним, побил пашу — одва жив утек к Магомету, а Амеса жива поимал.* И в тот час побито турков 20 000 и много живых поимано. А *Амеса Скандербег послал х королю Алфонсу аполинскому, а велел посадить в заточенье навеки.* А турков живых всех на откуп давал, и те деньги все роздавал людем своим.

В то время *корол Алфонс воивал с королем фрязским* и для того послал к Скандербегу, чтоб пришел ему на помочь против фрязов. А в тож время прислал Магомет послов к Скандербегу, просячи миру на два годы. И *Скандербег помирился с Магометем до дву лет для короля Алфунса.* И взявши с собою людей своих 5000 и седши в корабли, поехал х королю Алфонсу. И *приехав там трижды побивал фрязов* и *привел их к тому, чтоб помирились с королем Алфонсом [285]за что стояли.* За то[285] *король дал Скандербегу городы во Апулии:* Молтим, Гарганом, Беневент, Сымпость, Бар со всеми доходы. *И с великою честию и з дары отпустил его.*

В[286] те перемирная лета *Магомет многия места побрал во Асии, во греках и во влохах.* И для того возгордел и умыслил Скандербега до конца погубить. И *послал на него Сыню, воиводу своиво, и с ним 20 000 людей да Асамбега, воиводу своиво, а с ним 30 000 людей, а велел им Скандербега докончать.*

И *Скандербег, слышачи то, собрал людей своих 50 000 и, пришед безвесно, побил[287] Сыню* в тесноте на Мокрой горе. Потом также пришел безвесно на Асамбега и многих людей побил у него, а самого

Асамбега ранил. И Асамбег, видя то, что ему не уйтить от Скандербега, почал говорить теми словы, просячи Скандербега:

«О Скандербеже, послушай мене мало: на кого идешь и на кого меч свой готовишь? Ведаю, что прав еси и для того[288] бог помогает тебе.

И о том прошу тебя, послушай меня: не то храбрость храбраго, что побивает много,[289] — то храбрость храбраго, что может кто сердце свое утолить. Не то похвала твоя, Скандербеже, что многих побиваешь, — то похвала твоя, что толко надо мною учинишь милость, а с людми моими мене отпустишь. Послушай мене, Скандербеже милый, и дай сердце свое утолить!».

И Скандербег, поворотясь к людем своим, и рек:

«Несть зла болши того на человека, что несчастье![290] Николи ничем хотенья своего [291]так не исполнити человеку, толко[291] вежством и гладкими словы. Мы такие горести николи не видали, что бог помогает нам над ними».

И, оборотясь, рек [292]Асамбегу:

«Буди весел ныне,[292] Асамбеже. Побил еси меня прозбами[293] своими!».

И велел его взять и утешить, и раны его лечить велел.

Третий воивода Махометов, Люсембег, с людми шел за ними, а он тех побой не ведал. Скандербег уведал то и, шедши, побил иво — одва Люсембег и сам утек к Магомету.

Видячи то *Каразабег, паша натолийский, друг и товарыщ был Скандербегу, коли еще Скандербег служил у Амурата, — человек воинский и разумный и многажды службу свою являл еще Амурату — отцу Магометеву, — не щадячи своей старости, упросился у Магометя иттить на Скандербега,* хотя отмстити кровь братей своих побитых от Скандербега.

Магомет, видячи охоту иво, а ведаючи разум Каразабегов, отпустил ево на Скандербега, а дал ему тут 50 000 людей. Каразабег, хотячи еще людей [294]собрать болши того,[294] послал по люди в Македонию и [295]они, собрався, 4000, и пошли х Каразабегу.

И Скандербег уведал про них то и, шедши, побил их всех наголову. И уведал про Каразабега подлинно и рек:[295]

«Болши ми страх его старости, а не мужества и ни многих людей его: может старой болши знать молодого. Да толко не боялся еси его смолода, а под старость иво не буду боятися».

И собрав людей болши старого, ведаючи разум его в воинских делех, и почал ждать ево наготове.

Каразабег, пришед во Албанию, *стал на месте Линад.* И послал к Скандербегу, чтоб с ним бился прямым боем, а не обманом: ни подсадами, ни с тылу б не приходил. И Скандербег отказал ему:

«Лутче б ты лежал, [296]что больный,[296] з бабами в богаделне, а не[297] воинскими людми промышлял! Жаль мне тебя за старую твою дружбу — поедь себе назад».

И, изготовясь, пошел на него. А в то время шол дождь три дни и три нощи безпрестани, а турки стояли в долу и замокли от воды и для того почали выезжать на горы.[298] А потом в ночи пришел на них страх и пошли прочь из Олбании.[299]

Видячи то *Магомет, что силою не измог Скандербега, и послал послов* к нему с великими дары. И писал к Скандербегу теми словесы.

Грамота Магометева к Скандербегу:

«Магомет Амурат, царь турский — Скандербегу, княжати олбанскому.

Привожу в память тебе, Скандербеже, как мы с молодых лет были в любве меж себя у отца моего. Потому ж и ныне, естьли похочешь жить со мною по прежнему в любви, не будешь в убытке. А то б еси для меня учинил, чтоб купцы ездили волно мои в твою землю, а твои в мою. А людей бы еси моих пущал чрез Олбанию до венецких украин.

А яз помочь буду давать тебе против недругов твоих, а ты мне. А для тоя любви и веры дай мне сына своего на поучение, где еси сам был. А и сам к нам можешь приехать, коли хочешь и отъехать с честию.

Дан ис Канстантинополя».

Скандербег[300] отписал к нему сими словесы.

Грамота Скандербегова:

«Юрьи Кастриот, князь олбанский Скандербег, воин веры Христовой — Магомету, царю турскому.

Пишешь ты ко мне, Магомете, приводячи с молодых лет товарыщьство и любовь; а ныне сказываешь — естьли яз похочу, то не буду в убытке. А просишь у меня до венецких украин дороги через мою землю. И аз того не могу учинити, потому что у меня с ними дружба и любовь великая. А о купцех, чтоб волно [301]ездити и[301] торговати, и то может быти. А что просишь сына моего в наученье к себе — и он у меня один, а ныне еще в молодых летех. От персей матери его как отдати в чюжие руки?

А что мне самому приехати к тебе — и то б могло быть, да толко люди мои привыкли к войнам, а дома жить не хотят, что бабы. И для того не пустят меня в гости [302]к тебе.

Дан[302] от Епиря в лето по рождестве Христове 1461».

Магомет, прочетчи грамоту, и послал к нему Мустофу, чтоб с ним помирился. Скандербег то посольство сказал людем своим и говорил им, как полюбят. И они произволили миритца с Магометом до времяни *и поставили мир меж собою.*

И были олбаняне в миру с турки немало время. И за тем перемирием пришедчи[303] турки повоивали украины олбанския. И Скандербег писал о том к Магомету, и Магмет, сыскавши то, и велел то платить олбаняном.

Потом Магомет посылал людей своих до Пелопонисумь — держав венецких — и почянили там великую беду венетом. Для того *венеты послали к Скандербегу, чтоб не держал перемирья с турки,* а говорячи: для того Магомет[304] с тобою помирился, хотячи тебя уловить, чтоб ты не стоял на него[304] с нами и оторвал тебя от любви нашея; а нынеча сам же того не похотел держати, — что люди его тебе учинили преж того.

Скандербег о том почал думать с людми своими, и оне говорили ему, чтоб держал слово как христианину, так и поганину, приводячи ему в память Владислава, короля угорского, как не устоял на слове

своем и что учинил бог над ним. И Скандербег послу венецкому отказал, рекучи, что нельзя ему миру порушить с турским: утвержен присягами.[305]

И *посол венецкий поехал от Скандербега к Павлу, арцыбискупу дырахенскому,* и [306]наговаривал ему поднесть[306] меч свой на Магомета. А был тот Павел друг велий Скандербегу. Павел арцыбископ поехал к Скандербегу и, приехав, почал говорить ему сими словесы:

«Благословенно царство то, которому даст господь бог государя доброго и мудрого! А я правду скажу тебе, Скандербеже, могу то говорить олбанянам и олбанскому княжеству, что ныне призрел на него бог, хотячи его до конца стеречь и укрывать от нахождения поганых.

А ныне ведай ты, Скандербеже, что тя тем перемирьем Магомет уловил, а иным не мог тя извалить. Коли он поберет твои околние соседи, а потом к тебе придет. И тогда плохо ему будет [307]вымыслить чего для[307] перемирья с тобою порушить, чему они издавна [308] научились.

Памятуй, Скандербеже, [309]чужую пригоду,[309] что прародители его починили, а во Асии все обманом земли многие посели для незгоды государей.

Кому веришь? Род их — ты сам ведаешь болши всех — отколь пошол: толко от разбоя и от душегубства. И для того их воровства и из земли выгнали. Амурата ты ведаешь, какою жил неправдою и многия чюжие государства обманом побрал; отчину было твою завладел, братью твою ядом смертоносным поморил и тебе самому что чинил? А ныне тот Магомет злее всех прежних своих чинит: *брата своиво роднова удавил, многих княжат побил,* а иных[310] ослепил. Царьгород и многие земли в перемирьи взял.

Тебе самому люди иво невдавне что учинили? А слово меж вами было. Того всего немочно переписати, что те злодеи людем починили — сам ты[311] ведаешь. А ты [312]паки веришь ему и ложному иво присяганию и те[312] ложные иво слова ставишь себе в правду.

Кому он что ни говорит — и то все лжет. А тебе б мог правду чинить? Думай себе о том, чтоб тя какою хитростью не подшел — ничего он иного не мыслит, толко то, чтоб мог христиан выкоренить, за которых ты всегда главу свою и душу полагаешь, что тя бог на то устроил — на оборону нашу.

Или ты не ведаешь того, что *все христиане зговорились с папою римским* на того неверника и идут на него венеты — соседи свои, фрязове, ишпани, волохи, немцы, угры, чехи, ляхи[313] и поморяне. А мыслят того неверника из грек и от Европы выгнать. А как пойдет папа сам, то никаков человек дома не останетца — все при папе будут. Не отчайся, не отчайся, правду я скажу тебе, что будет так, Скандербеже. А скоро папа придет тебя на королевство олбанское помажет и надо всеми людми тебя справцею[314] против Магомета поставит.

И так ныне возбуди умысл свой и пошли к соседом своим,[315] и собравши люди свои со всех сторон, и поиди вместе с христианы, а не отставай от них и не стой против воли их. А толко так не учинишь — и ты противник, и не товарыщ будешь христианом и проклят будеши от всех христиан, что неверник. Для того меня и послали к тебе папа и венеты, а даючи тебе злата и серебра много и всего достаток, а хотячи того, чтобы ты был с ними головою своею.[316]

И ведай о том допряма, что скоро то неверник уведает, — утечь ему во Асию. И мы тогда в иво земли что хотим, то чиним. Которые он земли неправдою своею посел и держит, а мы их з божиею помощию и с правдою возмем и владети ими начнем.

Еще к тому же будет к тебе посылати и дары великия давати и сулить будет много, чтоб ты не стоял на него вместе с христианы. А ты тогда отврати мысль свою от него и заткни[317] уши свои от его обещания и берегись иво приязни, ведаючи неправду его».

Слыша то, Скандербег послал[318] к соседом своим и, собрав думных своих, сказал им то посолство. И оне *все произволили на то, чтоб он шел на турки* с христианы, а не отставал их. *Уведали то

казаки Скандербеговы и, шедчи, повоивали украйны турские* и побрали великия корысти и стадо быков царевых взяли.

И *Магомет, [319]то уведав,[319] писал к Скандербегу* сими словесы.

Грамота Магометова к Скандербегу:

«Магомет Амурат, салтан[320] от востока солнца даж и до запада, государь всего света — Скандербегу, княжати олбанскому, приятелю моему.

Был есми того сведом, Скандербеже, что завсегда стоял о[321] вере[322] и слово держал крепко. А ныне дивлюсь тому, что отменяешь все то и чрез слово свое повоивал еси в землях наших. А *не для себе то чинишь, все для венетов — недругов моих.* И то мне не убыток, что ты так починил в земли нашей войною, коли аз царствую от восходу солнца до запада.

Болши ми того жаль, что приязнь мою отреваеши[323] от себе, а ведаючи меня такова силна. А яз тебе было любил над всеми христианы и ныне тебе люблю, а ты того не хощешь.

И о том прошу тебя: держим мы то перемирие и еще подтвердим к тому. А естьли инако учинишь — после о том каятца будешь, да не в пору.

Дан с Констянтинополя».

И Скандербег, прочетчи грамоту иво, [324]и против того[324] отписал к нему сими словесы.

Грамота Скандербегова:

«Воин веры христовы Юрьи Кастриот Скандербег, княжа олбанское — Магомету, царю турскому.

Дивлюсь тому я Магомете: пишешь ко мне, что повоивали люди мои в земли твоей, а сказываешь, все то для венетов сталось. И к тому говоришь, Магомете, что тебе то не убыток, коли еси ты государь от востока и до запада и много иного припоминаешь в писме своем.

И ты, Магомете, отставь то все и памятуй: преж того твои люди мне что учинили чрез слово наше? И ты за то платил, да не [325]стало мне за мое.[325]

Про венетов говоришь, что они тому починщики, и ты им также чрез слово свое учинил в Пелопонизеи. За то тебе они и сами могут отпор дати и кроме меня. А что меня от их любви отреваешь, и ты то чинишь не гораздо: кто б таков на свете мог [326]глуп быти, чтоб[326] дружбу держал с недругом, а не з другом.

А что зовешься ты государем от востока солнца и до западу — и ты толко смех людем приводишь, а не славу себе. На всходе ты ничего не держишь в великой Асии — везде там татарове овладели, а на западе — везде християне. Толко держишь в малой Асии и в Европе, что еси у греков не силою, ни мужеством — толко хитростию и неправдами и непостоянством на слове отнял.

И впредь [327]так перестань хвалитися тем и *разумей перемену часов* и памятуй, где халдеи, где меды, где персы, где сиряне, где греки, где римляне, где индияне — все те именовались быть государями всего света, как ты [328] ныне зовешися. А всех тех слава и величество, для их гордости и величества и возношения от руки господня минулась. Учись от них и ты, и памятуй себе, что и ты человек еси. Не надейся на богатство, ни на множество людей: много того бывает, что великие полки от малых людей[329] погибают.

Еще пишешь ко мне, чтоб яз с тобой подтвердил перемирие; и ты то чинишь не от всего сердца, а хотячи меня ты уловить в сетех своих, от которых аз у отца и у тебя многижды з божиею помочью знаючи[330] уходил и уйду от конца от них, что твоим хитростям скоро конец будет, а не поможет тебе нихто. Не токмо аз един о том думаю: и все християне с папою римским на тебя встали, а хотячи тебя загубить,[331] чтоб еси ты от того часа не был гонителем[332] над християны.

И не можешь уйтить от их силы, кроме одной вещи: тем[332] толко будешь цел и приязнь вековую[333] с ними иметь будешь, толко своих блудов отступишь, что вам блудный пророк Магомет уставил, и толко примешь правую веру християнскую, что нам верным своим Христос уставил.

Коли то учинишь, будешь от всех христиан любим и заодно с ними будешь. И тем всем с покоем владети начнешь, что ныне держишь и хто по тебе наследником твоим будет. И узнаешь блуд пророка своиго Махомета и выкоренишь его от всех людей своих.

И не восхощешь того и слышати, и будеши о том всегда тужить, что еси того давно не учинил.

Дан от Епиря в лето по рождестве Христове 1463».

И как те грамоты Скандербег послал к Махомету, пришла весть к Скандербегу, что *папа римской Енеас[334] идет водою и сухим путем ко Албании, а хотячи Скандербега помазать на королевство Македонское и Олбанское,* а турков хотячи из земли греческия выгнать. *Скандербег, слышачи то, и не дожидаючись папы, и собрав люди своя, шедчи, повоивал земли турские* в Тракии и на иных местех и великие корысти побрал и отнял. Для того пришел великой страх на всех турков и хотели утечь из Европы и из Асии до Витании. Махомет, видячи боязнь людей своих, и для того, что на него взволновались христиане, и призвал к себе велмож своих и рек им теми словесами:

«Всегда то яз памятую, мои милые воини, которые царства прародители мои мужеством своим побрали с вами и владели ими с похвалою. А ныне мне о том же стояти пристоит, а и вам также. И скажите мне: не так ли вы были у меня, как и аз у вас? Не все аз себе собираю, что где ни возму — все то вам же отдаю и вашим наследником давати буду. Для вас терплю все и хочю терпети, [335]а вы не хощете мало потерпети.[335]

Памятуйте, где с помочью божиею конь мой потоптал копытом, а мы — саблею, то везде наше было и[336] есть.[337] Хотел бы те земли считати, ино и лызло б нам то, которые побрали прародители наши и мы с вами.[338] Прошу вас, скажите ми, которые царство против нас[339] коли стояло и которые люди коли[340] не были побиты от нас, или которые вашей силы не боялись и [341]не видечи вас.[341]

И для того вас прошу, что в вас таковая небывалая боязнь явилась, что вы так добре убоялись, слышачи тех лежливых

христиан на нас збираютца. *Все то их Скандербег взволок и взбудил от сна.* Или хотите тем дряхлым христианом без войны землю отдати, что прародители наши побрали и нам оставили? То б вы им учинили великую радость, а смех всем людем. [342]А где ж нам самим тогда быть?[342] Кто нас приимет с любовию, толко так учиним? Ведаете сами, что есми всем людем остужены и ненавидят нас шалные те люди.

Говорят про нас, что мы чюжие земли держим, с кривдою от людей взявши, а не свои прямые. И как то от бога пророк проповедал:[343] где нога коня твоего потопчет — то твое есть; ни с чем люди не родились на свет и не принесли ничего с собою — все то от бога данное имеют и владеют. Сотворил бог небо и землю и дал людем владети ею, а не розделил никому — то тебе, а то иному. Что кто возмет — то тем и владеет. И мы то все от бога данное взяли и держим по воли его.

И для того прошу вас, милые мои товарыщи, славные воини: не бойтесь недруга, да еще такова, которого вы силы николи не дознали, и не поддавайтесь. И не прибавливайте смелости сердцу их. Не отчаитеся того, как нам битись с ними и с божьею помочью побить их.

Ведаете вы и сами, каков обычай у них: первое — оне кручинны, дряхлы, боязливы, сонливы, пияницы, к войнам не привыкли, а привыкли дома жить — пить,[344] спать, з женами играть, торговать. Без подушек спать не умеют, [345]не напився, не думают,[345] словы воюют, а не делом. Никоторого воинского дела не знают, голоду, жару и студени не тярпят. Усты себе чинят славу, а не делом. [346]Горячее едят, а студено бьются.[346] Пущайте их — идут к нам говориливые[347] те христиане, да бранью возьмут у нас царство греческое, а не боем.

Верте мне, милые мои воини, что пременят они умысл свой — полно им и того будет, что возбудят на себя недруга и будут сами меж себя воивати. Всякой у них хочет быти болшой, а друг друга слышати не хощет. Воинской человек у них ни за что, а разумной тако ж. Кто богат, тот и добр у них. А вы, мои милые товарыщи и славные воини, того всего —

чюжи живот и раны — ни во что себе ставите, всякую нужу подымете:[348] на земли ядите,[349] на подушках мало спите,[348] пить и играть не любите, мерно во всем живете. Ничего такова у вас несть, чего б вы боялись, да не будет того.

Писал к нам Скандербег, чтоб аз принял веру их; и мне то так учинить — явно бы аз принял от бога наказанье. И еще писал, что идет на нас папа римский со всеми християны, стращаючи нас; того оне папу чтят, что мы калифу.

И о том ныне явно показует, *что аз видел и познал з бегов небесных:* то их собранье ни во что будет, а мы свету всему государи будем, и Скандербег у нас в руках наших будет и казнь от нас приимет. Толко кладем на себя збруи и, веземши оружие свое, без боязни пойдем против тех ленивых и пьяных християн, не боячись их такова великого собрания. [350]Не отчайтесь того, как нам битись с ним и з божиею помощию побити их».[350]

[351]Как то Махомет изговорил,[351] завопили все люди его:

[352]«Зстанься, зстанься так!»[352]

И тотчас *послал на Скандербега Шеремета воиводу своего,* а велел ему собрать людей в Македонии. А за ним послал Калибана [353]со многими людми.

И Шеремет, не ждучи Калибана,[353] пошел ко Албании. А Скандербег уведал то и, шедчи, побил Шеремета. На том бою поимали сына Шереметева, да казначея царева — человека велми богатаго, а хотелось было ему на войну ехать. И Скандербег их дал на откуп, а взял за них по 50 000 золотых червонных и роздал то все людем своим.

[354]Побивши Скандербег людей турских, рад бысть,[354] а потом радость его в плач обратилась: пришла к нему весть, что *папа римской умер мором во Анконе* и для того все християнские государи розбеглись, боячись мору. Скандербег, слышачи то, [355]ни пил, ни ел от жалости три дни и много плакал о том.[355]

Потом *послал Скандербег к соседом своим и учинил сейм.* [356]А как съехались к нему соседи и люди иво, и он учал говорить им сими словесы:

«Божия то воля,[356] что [357]у нас папа умер,[357] который стоял за християн против неприятеля християнского, и того для и войско иво розошлось. И то [358]бог нас, верных своих, милуючи, наказует. А толко б не было от бога на нас того наказанья, и мы бы[358] и от веры заблудили и [359]на все б злое уклонились.

И так милые соседи и люди мои, славные воини, не бойтеся смерти папежские и что християне розъехались,[359] которые с ним были, [360]чтоб не рекли турки — недруги наши: нас убоясь и побегли христианы.[360] Памятуйте силу божию о Гедеоне и о иных.

А ведайте, что *послал на нас Магомет многие люди и учинил над ними воиводою Болебана — холопа моиво* векового[361]; чаю, многие иво у нас знают. А для того Магомет [362]ласков до него и[362] учинил его у себе великим человеком, что он преж всех людей вскочил на стену с прапором, коли он, собака, взял Царьгород.

И аз прошу вас: возмем на себя збруи свои и пойдем с охотою против недруга своего, призываючи к себе бога на помощь».

И в то время пришла весть, что Балебан идет ко Албании. И Скандербег с людми своими пошел против Балебана и стал на горах высоких, а иных людей не объявил. Балебан стал был в долинах и увидел, что немного людей з Скандербегом. И мыслил себе говорячи: подобно боится мене, что на горы вышел. И* пошел, не мешкаючи, на Скандербега боем.[363]* И стоял у них бой ровный немало времени.

А как западные Скандербеговы люди пришли, турки побоялись и почали бегать, а Скандербег за ними гонять и побил их наголову.[364] И на том бою загонились люди Скандербеговы за турками, и *турки, заскочивши их в тесноте, и поимали осми человек великих людей албанян.* Имена им: Моисей наместник Дыбрский, что отъезжал от Скандербега — писано о нем во многих местех, Гинриз Владенский — Скандербегов сродич, Мусафий — сестрич Скандербегов, Гиниюс Мусафи,Ян Перлат, Микулай Березын, [365]Юрьи Хукка, Ганез Манез.

И Махомет, видячи тех людей Скандербеговых, и рек:

«Ныне Олбания пропала, коли в руках моих сии есть!» [365]

И Скандербег послал за них откуп, и *Магомет за них откупу не взял, а велел [366]с них с живых кожу одрати.[366]*И для их смерти были смутны олбаняне немало время.

Потом Магомет послал на Скандербега опять Балебана со многими людми. *Балебан, хотячи оплошить Скандербега, послал дары к нему.* И *Скандербег узнал иво умысл и дары принял, а к нему против того послал соху в дар,* говорячи:

«Поиди ко мне, на отчину свою по старому орать, а не людми воинскими промышлять! И не[367] отставай старого холопства своиго и яз тебя начну любить лутчи прежняго, а как увижу[368] к себе правду».

И Балебан про то розгневался на Скандербега и, хотячи то ему отсмеятись против, почал людей збирать многих, [369]кто бы мало похотел.[369] А давал им великие дары от Магомета и от себе. И пришедчи во Албанию, стал близко Светограда в долинах. А Скандербег там давно стоял поготову, розделивши люди свои на четверо: [370]в первом полку был *воивода Вестгойк Стреж, а в другом полку — Данюзый Дукагин, в третием полку — Сафий,* а в четвертом полку — сам Скандербег.[370] А как люди с людми сошлись и учинили бой, и стоял бой ровной на обе стороны немало время.

А Скандербег, ездя по полком без престани, [371]людем своим говорил,[371] чтоб бились крепко, а не плошились.[372] А где увидят раненого или убитого — и тот же час велит проч отвесть, а на то место иного поставить, от своиво полка емлючи. А где турки х которому месту болши приступают — и он там помочь присылает, чтоб не робели.

А турки, видячи крепость их, почали робеть,[373] а Скандербег велел смелее напущать на них.[374] И побегли турки, а люди Скандербеговы почали гонять и побили их.[374] В тот час турков побито[375] 30 000, [376]кроме того, что живых поимано.[376] И великое богатство поимали на станех. [377]И то Скандербег все людем своим роздал, кроме наряду.[377]

И *Балебан собрал еще людей болши того и взяв со собою Салима — мужа храброго — и пошел на Скандербега.* А Скандербег

пошел против иво. А как сошлись к бою и съехался Салим Скандербегом [378]сам на сам[378] и убил Скандербег Салима копьем. [379]Турки для смерти Салимовы розбеглись[380] и почали утекать,[379] а Скандербег велел[381] смелее напущать и[382] побил турков.

На том бою пал[382] конь под Скандербегом, а турки было его оскочили и хотели[383] поимать. Люди Скандербеговы[384] стали окол его крепко и не дали поимать его, а в то время коня ему привели и он, седчи на конь, отъехал здоров, а турки многия погибли тут.[384]

И Балебан, [385]видячи то, что его многижды Скандербег побивает, и приехав[385] в Констянтинополь[386] к Магомету [387]и почал говорить ему сими словесы:[387]

> «Ведаю то, великий царю Магомете, что многижды есми побит от малых людей. А не для[388] недостатку которого или [389]глупости моей[389] — толко для несчастья моего. И то мне чинитца не от Скандербега — кажет ми ся, что от бога то стало.
>
> И для того, царю Магомете, пристоит великим судом[390] разсуждати: человек тот явно от бога [391]на то [391]устроен. Есть и знамя у него на теле отменно[392] от людей, что ни у кого такова нет. А ведаю то: коли того Скандербега носила мать его, и она видела во сне так, что *родила ужа,* который турков гонял и кусал. И сказывала то явно всем людем. Да толко то ни во что положим — все то отменно[392] бывает. Уж не в одном месте и Скандербег подкнулся и людей многих истерял».

Махомет против того отказал ему, ркучи:

> «Никоторым обычаем не буду царем именоватися, доколь Скандербег жив есть!»

И *послал на него Ягупа чрез греческую[393] Итезсалию со многими людми, а Балебана — чрез Македонию и Тракию.* И приказал им, чтоб не бились с Скандербегом пока не сойдутца вместо.

И пришел Балебан во Албанию преж Ягупа. И Скандербег уведал то, собрал людей своих 32 000 и пошел против Балебана. И пришедчи Скандербег блиско полков Балебановых и взявши с собою пять человек, и поехал розсматривать, где стоит Балебан и в какове месте и сколь бережно.

И тут отъехал от Скандербега[394] племянник Балебанов и сказал ему то. Балебан уведал и отлучил Скандербега от его людей и заскочил[395] его в тесноте со многими людми. И Скандербег побежал от него, а Балебан гонил за ним — мало и не до полков его,[396] и учинили бой. И стоял [397]у них[397] бой ровной[398] на обе стороны не мало время. [399]Турки ведаючи, что их многижды Скандербег побивает,[399] почали робеть, а в то время пришли люди Скандербеговы из подсады и побили турков.

В тот же час пришла весть к Скандербегу, что Ягуп идет [400]и с ним 24 000 татар,[400] а того не ведает, что Балебан побит. И Скандербег, слышачи то, пошел против Ягупа и, выбрав 500 человек, послал их на задор. Ягуп, розделив люди свои натрое и погнал за ними, а они почали бегать [401]туды и сюды[401] и привели их на Скандербега. И Скандербег, видячи то, напустил на турки, и они ни мало не окрепились и побегли, а[402] Скандербег за ними гонял и побил их. И в то время [403]одного дни[403] Скандербег дважды побивал турков и убито их на тех дву боях[404] 40 000, кроме раненых и живых поиманых.

Потом Скандербег послал войну в Тракию и в Македонию; оттоль много полону привели, и всякого богатства без числа принесли, и многия места пожгли.

Магомет, видячи [405]то, что людей его много побито,[405] в великую кручину впал. [406]И созвавши думных своих,[406] почал думать с ними,[407] что ему чинить с Скандербегом. И уложили все на то, *чтоб сам шел ко Албании* со всеми людми своими. И Магомет послал пред собою Балебана, а с ним послал 70 000 людей. А велел ему стать под Кроею — столным местом всеа Олбании. А сам Магомет за ним пошел недалеко, а людей с собою взял 78 000.

*Скандербег учинил в Крои воиводу Балдезера-влоха *и дал ему запасу на два года и людей, смотря по городу.

Пришедчи Магомет х Крое, послал х горожаном, чтоб город здали. И они ему отказали: [408]«Никоторыми делы того не смеем учинить без ведома Скандербегова».[408] И Скандербег собрал людей своих всех 20 000, и приходя на турки со всех сторон, и побивал их.[409] И утеснили их так, что не могли нигде из станов своих выехать.

Стоячи[410] Магомет [411]под Кроею,[411] наговорил дву турчанинов,[412] чтоб они Скандербега убили или чем окормили. И они от Магомета утекли[413] к Скандербегу и крестилися — [414]прибежали к нему для того,[414] что их не береглись. Бог, милуючи Скандербега: побранились меж собою и сказал один на другаго. И Скандербег велел обеих повесить, приведши блиско войска Магометева.

Стоял Магомет под Кроею не малое время, а на всякой день людей у него [415]убывало. А *не чаял ни которыми делы, чем бы мог взять город и пошел прочь[415] в ночи.* А под городом оставил Балебана с людми, хотячи голодом выморить кроян.

И Скандербег почал о том мыслить, как бы[416] Балебана убить или поимать. И *поехал к Павлу,*к папе римскому, и х кардиналом. И, приехав, почал им говорить сими словесы:

«Святый папа и [417]братия моя,[417] кардиналы римские!

Ведаете вы и сами, что нет у меня целого места на теле моем, где б быть[418] новым раном, ни здоровые крови — так есми изнемог, страждучи за християны по всяк час. А помощи ни от кого нет мне. А толко б не аз стоял и оборонял всех християн — давно б мы и мест себе не познали от турков».

И *папа дал ему помочь, а иные кардиналы и сами поехали с ним до Албании.* И многие окольние княжата приехали с людми своими к Скандербегу. И собрав Скандербег войско свое, и розделил их на двое: половину дал Леху Дуказину, а себе взял другую. И пошел на турки. И уведал, что *идет брат Балебанов Еним на помочь* к Балебану, а с ним многие люди. И Скандербег, шедчи, побил их, а Енима жива взял и сына Енимова.

А *Балебан,[419] приехав блиско к городу, почал говорить, чтоб город здали; и они убили его из ручницы з города.* И турки, которые были с Балебаном, послали к Скандербегу, прося его, чтоб отпустил из земли своей, а что у них[420] есть живота их — то [421]б велел у них все взять.[421] И Скандербег, созвав к себе думных своих, почал с ними думать, что ему чинить с турки. И они битись с ними думали,[422] а Скандербег того не похотел, говорячи:

«Ныне те люди не чают себе помощи ни от кого, кроме бога.[423] И о том вся мысль их, как им собою[424] отходить.[423]

А как станут насмерть, хотя их мы и побьем, а у них никаков даром не умрет. Пустим их волно, толко б, идучи, не утесняли земли нашей».

А турки в нощи, вставши, и пошли прочь. *Люди Скандербеговы со всех сторон приходили на них и побивали их без ведома Скандербегова* и немного турков ушло к Магомету [425]до турков.[425]

И Магомет [426]для смерти Балабановой[426] и людей своих побитых[427] впал в великую тоску. И на весне собрав людей своих 30 000, и *пошел к Дырахыму — городу венецкому,* а к городом Скандербеговым не пошел, ведаючи, что крепки. Венеты и Скандербег многижды на него приходили и побивали. И для того не мог им ничего учинить. И *стоял Магомет под городом венецким не малое время — с великим[428] убытком отшел прочь.* И, идучи мимо, стал под Кроею и почал бить по городу. И, стоячи под Кроею, много людей потерял. И ничего не учинивши пошел прочь [429]из Албании. *И[429] взял у Скандербега городок Хирна,[430]* что сам иво Скандербег недавна построил. И оставя тут воеводу своиво Алия со многими людми, для приходу людей Скандербеговых и для береженья украин своих.

И *Скандербег, собрав войско свое, и, шедчи, взял в Македонии город Валм* и вскоре потом впал в немочь. И *видячи Скандербег немощь свою, розослал к соседом своим и учинил сейм* свой в Лысии, или в Лысом, городе венецком.

А как съехались к нему, объявил им смерть свою и просил их, чтоб стояли против недруга своего, как он стоял. И *дал в мочь и в береженье венетом сына своего Иоанна осми лет и жену свою.* [431]А приказал им, рекучи:[431]

«Скоро тело мое погребите, чтоб жена моя отъехала до Апулии жить в те городы, *которыи дал мне король Алфонс».*

А венеты б обороняли Олбанию, доколь сын его дорастет до лет своих полных.

И, оборотясь, почал называть [432]сына своего,[432] говорячи с великим плачем:

«Сыне мой, сыне мой Иоанне!

Естьли тебе даст бог приити на отчину твою, помни, сыну мой, науку мою и бери слова мои на память себе.

Наперед всего, сыну мой милый, буди любить правду — та есть выше всех дел на свете. Не горди[433] людми — люби убогаго, как и богатаго ж. Где тебе будет добро — и ты познавай[434] меру, а где будет недобро — и ты не падай в мысль и буди терпелив. Не буди ленив, пиров не добре люби, войны не откладывай [435]на пришлые часы[435] — для того царства погибают, того же и ты бойся, чтоб тя зло не постигло.

Злости и немилосердья от себе не показуй, также мякок не буди — все то в себе[436] мерно ублюди.[437] Чюжем земцам[438] не много верь — болши своих прироженых слуг люби. [439]Взгордись дары и похлебством;[439] не токмо царю или какову правителю — и всякому человеку добро правда. Разумные и бывалые люди себе отбирай, которые б тя к доброму делу приводили. Сребролюбив не буди — больши люби людей, [440]а не злата:[440] никакова богатство людей не стережет, ни обороняет — всё люди стерегут ево. Добро злато в людех, а не в сокровищах.

Могл бы яз тебя, сыну мой милый, всему доброму[441] научить, а разума[442] части тебе не могу дати — то дар божий есть. А от доброго разума и счастье бывает.

И ты, милый сыну мой, помни науку и наказ мой. Чем[443] меня отец научал, и я их всегда любил и помнил. И великая корысть и честь и похвала мне от них была. Прошу и ты их тако ж люби, как аз любил их, и не погинешь николи».

И как то Скандербег изговорил, *пришла к нему весть, что турки идут* ко Албании, а стоят блиско Скодры, держав венецких. И Скандербег услышал то, [444]а хотя руки, и ноги, и голова тряслась[444] — не мог терпеть. И велел к себе конь привести. И послал людей своих перед собою, а сам за ними шел. *И, пришедчи, прогнал турков.*

А оттоль воротясь, *Скандербег немного жив был и умер[445] вскоре в лето по рождестве Христове 1466.* *Живота его всего было 73 лета, а на княжестве Олбанском был 23 лета.* А было у него с турки 30 боев, кроме того, что где бывал против иных государей.[446] А везде он побивал, а его толко одинова под Белым городом побили.[447] *А колько Скандербег ни бывал на боях, и никаковы раны

ни от кого не принял* — толко всего, что конь под ним ранили, коли бился с Шереметем и с Магометом. А в другом месте под ним конь пал, коли бился з Балебаном и ногу маленко потиснули ему.[446]

О том счастье Скандербегове списатели писали за [448]великую дивность.[448] *А то счастье дано было ему с молодых лет от бога во Иерусалиме, [449]в церкви святая святых, что Соломон создал. И для того там ныне[450] никого не пущают[451] — христиан, ни турков.[449]*

По смерти Скандербегове *Лех Дукаин велиим гласом учал вопити,* плачучи во все люди, и говорил:

«Послушайте, послушайте все княжата и люди!

Ныне городы наши и стены повалились, ныне сила и слава наша вся упала, ныне надежда наша вся миновалась, ныне дорога чиста и пространна турком к нам стало — что у нас Скандербега не стало. То была княжества Олбанского крепкая[452] защита и оборона [453]всех христиан и надежда наша!»[453]

Слышачи то [454]беспрестанно плакали, не чаючи себе впредь никакия утехи.[454]

Жена Скандербегова и сын его, погребши Скандербега в Лисии, или в Лысом, городе венецком, с великою честию и с плачем неутешимым и отъехали до Апулии по иво приказу и там скончали живот свой.[455]

Магомет уведал то, что Скандербег умер — ино безмерно тому рад бысть. В тот же час,[456] не ждучи ничего, ни откладываючи ни зачем,[456] послал все люди свои и *побрал Олбанию и Македонию всю Иллирик.* А как *турки взяли тот город, где лежал Скандербег, выкопав кости его, и кто что ухватил, тот то и взял и[457] при себе носили:* чаяли того, каков был Скандербег счастлив, чтоб и они таковы же счастливы были.[457]

А потом скоре и Махомет, царь турский, умер. А всего живота его было 48 лет. А на царство сел по смерти его Боязет — сын его.[458]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Георгий Кастриот Скандербег.

Гравюра XVI в. из собрання Д. А. Ровинского (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде).

БОРЬБА АЛБАНСКОГО НАРОДА ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ СКАНДЕРБЕГА ПРОТИВ ТУРЕЦКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

I. Над Албанией с конца XIV в. нависла зловещая угроза турецкого нашествия. Героическая столетняя борьба албанского народа против захватчиков была частью исторических событий мирового значения и вписала славные страницы не только в историю албанцев, но и в историю всей Европы, особенно в период, когда эта борьба достигла под руководством национального героя Георгия Кастриота Скандербега наивысшего напряжения.

Маркс имел полное основание назвать турецкое нашествие XV—XVI вв. вторым изданием арабских завоеваний VIII в.: как тогда в битве при Пуатье и позже — в эпоху татарского нашествия — в битве при Вальштадте, так и теперь опасность угрожала всей европейской цивилизации.[1] Поэтому победоносная борьба Албании, продолжавшаяся двадцать пять лет, прославила во всем мире и албанский народ и его вождя.

Память албанского народа сохранила славные деяния этого времени в богатейшей традиции устных преданий о подвигах Скандербега. Предания о нем усвоила и вся Европа, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные биографии Скандербега, в особенности же произведения его соотечественника скутарийца Марина Барлетия. С начала XVI в. биография Скандербега издавалась повсеместно — от Рима, Парижа и Лиссабона, Мадрида, Франкфурта и

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, **VII**, стр. 276.

Загреба до Клужа, Литомышля и Белостока.[1] Слава албанского героя дошла и до России, как о том свидетельствуют два русских издания XVIII в., а до того ряд рукописей XVII в.;[2] к числу последних принадлежит и «Повесть о Скандербеге», публикуемая ныне как литературный памятник выдающегося значения и в то же время как памятник давней дружбы албанского народа с великим русским народом.

Было бы интересно проследить последовательное распространение по Европе известности албанского народного героя. Его слава нашла широкий отклик именно в ту пору, когда война с турецкими захватчиками стала жизненной задачей для европейских народов. При этом образ Скандербега в исторической и художественной, в том числе устной народной, литературе получил особое назначение: вдохновлять народы на борьбу с захватчиками, стать знаменем в борьбе за освобождение. Прежняя феодальная и буржуазная историография не в состоянии была правильно осмыслить это явление, как не понимала она и всего значения данной эпохи в истории албанского народа. Рассматривая фигуру героя вне общественных условий, прежняя историография то занимала панегирическую позицию, то, впрочем реже, впадала в скептическую недооценку, но при этом неизменно изощрялась истолковать замечательные деяния эпохи необыкновенными качествами вождя (Ноли, Гегай и др.)[3] или же вмешательством иноземных сил, вроде папства, Неаполитанского королевства, Венеции (Иорга, Маринеску и др.).[4] Буржуазные историки, не отличаясь в этом отношении от своих предшественников, всю заслугу сопротивления туркам приписывали стоявшим у власти фео-

[1] G. Pétrovitch. Scanderbeg, Georges Castriota. Essai de bibliographie raisonnée. Paris, s. a.; F. Pall. Marino Barlezio, uno storico umanista. Mélanges d'histoire générale, II. Cluj, 1938, стр. 151—161.

[2] Н. Н. Розов. Повесть о народном герое Албании в древнерусской письменности. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., XII, вып. 6, 1953, стр. 508.

[3] F. S. Noli. Historia e Skenderbeut. Boston, 1921, стр. 282—284; A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque au XV-e siècle. Paris, 1937.

[4] N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, II. Gotha, 1909, стр. 137; C. Marineskou. Alphonse V, roi d'Aragon et de Naples et l'Albanie de Scanderbeg. Mélanges de l'École roumaine en France. Paris, 1923, стр. 110.

далам. В представлении этих историков народные массы были только «грубой» силой, которая в лучшем случае вдохновлялась примером героя для совершения подвигов. Фашистская историография, с целью оправдать агрессию, шла еще дальше: во время турецкого нашествия, утверждала она, «народ пребывал в роли зрителей, занимая большей частью пассивную и выжидательную позицию, а порою даже, не скрывая своего удовлетворения, народ не понимал истинного смысла, огромного исторического значения этой войны».[1]

Историк, стремящийся научно, по-марксистски, осмыслить исторический процесс, неизбежно отвергнет подобные точки зрения, как явно искажающие и фальсифицирующие исторические факты. Подобные точки зрения закрывают путь для правильного понимания важнейшего периода албанского средневековья, когда возникли совершенно новые явления в хозяйственной, политической и духовной жизни страны. Задача историка-марксиста состоит в освещении подлинной исторической картины, которая показывает, что именно народным массам пришлось выносить на себе всю нестерпимую тяжесть турецкого нашествия и что именно они, проявляя редкостный патриотизм, и стали в действительности той основной силой, которая долго и успешно боролась за свободу и тем самым внесла существенный вклад в дело противодействия феодальной раздробленности своей страны и одновременно в дело спасения всей Европы от турецкого ига.

II. К середине XIV в. албанские феодалы совместно со славянскими уничтожили последние следы анжуйского господства на восточном побережье Адриатики, а также ликвидировали наконец многовековое господство Византии на Балканах и, в частности, в Албании. Это имело положительные следствия. В Албании после быстрого падения сербской державы возник ряд независимых княжеств: северная Албания с центром в Шкодере, управляемая родом Балшей; меж реками Мати и Шкумби — княжество Арберское с центром сперва в Круе, а позже в Дурресе, под господством династии Топия; на юго-западе — деспотат Влорский, на юго-востоке —

---

[1] M. Braun. Die Slawen auf dem Balkan. Leipzig, 1941, стр. 126.

владения рода Музаки с центром в Берате. Владетелю Шкодера, Балше II, воевавшему по преимуществу со своим главным противником Карлом Топия, удалось объединить под своим скипетром бóльшую часть современной Албании, присоединив также и южные области с Бератом, Влорой и другими городами, сведя территорию противника к небольшому клочку земли, вклинившемуся между его владениями. Обзор общественных и экономических условий этого периода красноречиво свидетельствует о том, что события эти никоим образом нельзя приписывать каким-либо случайным причинам.

Нет необходимости ставить вопрос о характере производственных отношений в Албании XIV—XV вв.[1] Не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с феодальными отношениями, и это полностью относится даже к более или менее обширным горным областям, не занимавшим, впрочем, главенствующего или особо важного положения в стране, несмотря на то, что там сохранялась крестьянская община с преимущественно скотоводческим характером («катун»), в которой еще поддерживались кровные родственные связи. Эти районы точно так же вовлекались в орбиту феодальной экономики, хотя каждый член общины оставался лично свободным. Как правило, община подчинялась феодальному владетелю, подвергаясь эксплуатации в форме всякого рода налогов.[2] Так же точно не выходит из феодальных рамок и прония — род временного феодального владения, довольно распространенного в Албании. В. Макушев представил нам существенные сведения о жестокой феодальной эксплуатации в litпрониях, исключающие малейшую возможность их идеализировать, тем более, что он подчеркивает факт постепенного стирания в конце XIV и в начале XV в. граней между этой формой владения и типической формой феодальной земельной собственности «баштиной».[3]

[1] Как то сделал Ф. С. Ноли в своей второй книге: George Castrioti Scanderbeg. New York, 1947. — Ср. рецензию А. Буда в изд.: Buletin i Institutit të Shkencavet, № 3—4, 1951, Tiranë, стр. 139—164.

[2] F. Cordignano. Il catasto di Scutari 1416. Shkodër, 1943, стр. 16.

[3] В. В. Макушев. О пронии в древней Сербии. Журнал министерства народного просвещения, № 9, 1874.

Несмотря на все особенности Албании, мы можем утверждать, что XIV в. (особенно его вторая половина) ознаменован для Албании развитием производительных сил и существенным подъемом экономики, характерными для всей Европы того времени. Расчищаются новые земли для сельского хозяйства, более четким становится разделение труда, растут ремесло и торговый обмен, города становятся рынками, расширяются связи по морским путям и по суше. Все это привносит новый, дотоле неизвестный фактор. Денежно-торговые отношения, постепенно развивавшиеся в рамках феодализма, охватывают теперь также крестьян и феодалов, правда, еще в ограниченных размерах, но явственно и недвусмысленно. В результате замечается ослабление экономической обособленности отдельных областей, и имя одной из них — Арбанум. Это название, обозначавшее некогда довольно ограниченную территорию, отныне распространяется на значительную часть Албании.[1]

Торгово-денежные отношения усиливают притязания, предъявляемые феодалами к городам; вместе с тем растет и эксплуатация крестьянства. Обострение классовой борьбы происходит одновременно с усилением распрей между феодалами за новый передел владений. Политическая раздробленность и ее следствие — постоянные столкновения и феодальная анархия — в целом оказываются уже серьезным препятствием для дальнейшего роста производительных сил. При этом попытки вроде тех, которые предпринимал Балша II для расширения своих владений путем захвата земель, селений и городов, принадлежавших его противникам, оказываются до известной степени выгодными патрицианской верхушке городов и мелким феодалам, стремящимся найти опору во все обостряющейся классовой борьбе; в особенности же эта политика удовлетворяет потребности городов в более сильной власти, которая обеспечила бы условия, необходимые для хозяйственного процветания. Отнюдь не случайно поэтому под властью Балши II оказались города, расположенные вдоль реки Дрин, по берегам озера Шкодер и до самой Влоры; даже в Дурресе, столице главного противника Балши, вре-

[1] Illyrisch-Albanische Forschungen, I. Zusammengestellt von L. Thallóczy, C. Jireček, E. Sufflay. München—Leipzig, 1916, стр. 153.

менно тоже подпавшей под его власть, имелась сильная партия его сторонников.[1] Интересно отметить, что память об этой первой попытке объединить страну сохранилась у потомков и что на нее опирались все те, кто в дальнейшем предпринимал то же самое, вплоть до Скандербега.[2]

Обрисованные здесь процессы были только началом, наметившим абрис будущего объединения, мало связанный с дальнейшим развитием, но сильно — с предшествующим.[3] Воображаемая прямая линия привела бы при таких условиях, как и повсюду, к созданию централизованного феодального государства, если бы на нормальное течение этого процесса не воздействовали отрицательные факторы: враждебная политика Венеции, а затем турецкое нашествие.

Принято считать, что именно феодальная раздробленность, царившая в Византийской империи и на Балканском полуострове, облегчила туркам столь быстрое распространение по юго-восточной Европе. Действительно, не прошло и пятнадцати лет с момента их водворения в восточной части полуострова, как османские орды очутились уже в западной его части, у ворот Албании. Уничтожив Болгарию и сербские феодальные княжества во Фракии и Македонии, они в 1379 г. захватили Касторию, в 1380 г. — Монастырь, еще через несколько лет — Скопле (Ускюб) и превратили эти укрепленные места в трамплины для завоевания западных территорий, начиная с Албании. Албанские владетели присоединились к обеим коалициям балканских феодалов, пытавшихся задержать турецкое наступление: в 1371 г. на Марице и в 1389 г. в героической битве на Коссовом поле. Тем не менее не подлежит сомнению, что именно партикуляризм феодалов расчистил путь турецкой агрессии. Примером может служить Карл Топия, который, ведя с Балшей II борьбу за Дуррес, лишь с помощью турецкой армии одолел своего

---

[1] Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia. Ed. L. Thallóczy, C. Jireček, E. Sufflay, II. Vienna, 1918, док. 481.

[2] N. Jorga. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XV-e siècle. Revue de l'orient Latin, III, 1902, Paris, стр. 33.

[3] F. Engels. Über den Verfall des Feudalismus und das Aufkommen der Bourgeoisie. (Kleine Bücherei des Marxismus—Leninismus). Moskau, 1941, стр. 5.

противника на равнине Савры (у подступов к Лушне) в 1385 г. — в первой битве, где столкнулись турки и албанцы. Пример не единственный не только для Албании, но и вообще для Балкан. Очень скоро османы распространили сферу военных действий, на сей раз выступая в своих собственных интересах, на всю территорию Албании. Точно так же, как это было на всем пространстве от Валахии до Греции, албанские феодалы принуждены были терпеть то тут, то там турецкие гарнизоны и турецкий контроль в своих собственных замках и городах (в 1395 г. в Шкодере, Даньо, Ширгьи, Круе и т. д.), платить дань и посылать свои войска в помощь султану вплоть до отдаленной Анкары,[1] где османское воинство потерпело в 1402 г. свое первое поражение от Тамерлана. Следствием же этого поражения было то, что давление турок на Албанию ослабело.

В связи с историческими условиями албанские феодалы оказались стесненными между двумя могущественными силами своего времени — военно-феодальным Османским государством и не менее опасной мощью золота, накопленного венецианскими патрициями. Албанским владетелям, раздираемым междоусобиями, вечно нуждавшимся в деньгах, в условиях турецкой угрозы венецианское золото нанесло не меньший урон, чем напор османов. Они распахнули двери перед венецианцами, даровали им привилегии в своих землях, наконец, продали им свои главные города (Георгий Топия — Дуррес в 1392 г., Балша II — Шкодер, Дришти и т. д. в 1396 г., Прогон Дукадьин — Леш). Завладев в Албании важными позициями, венецианцы подвергли население хищнической эксплуатации. Венецианский сенат пускал в ход тайные дипломатические интриги и пользовался деньгами, чтобы сеять рознь между албанскими феодалами, подчинить их своему влиянию на правах вассалов, затрудняя их самостоятельную внешнюю политику, — и все это с целью воспрепятствовать образованию крупных политических объединений, которые могли бы представлять опасность для венецианских владений в Албании. В. Макушев указывает, что венецианское господ-

[1] Acta et diplomata res Albaniae. . ., док. 535.

ство стало главным препятствием для общественного развития стран Адриатики. Венеция стала настоящим хищником, высасывающим все соки из подчиненных ей стран.[1] Сенат, не колеблясь, прибегал ради своей выгоды к прямому сотрудничеству с турками, как то было во время длительной войны с Балшей III — опасным соперником венецианцев в северной Албании, против которого Светлейшая республика восстанавливала не только его соседей, но и турок, владевших Скопле.[2] Венецианская политика в Албании была сильным подспорьем для турецких захватчиков: вызывая раздоры между албанскими феодалами, она препятствовала объединению их сил против главного врага как раз в самый подходящий для этого момент — после 1402 г. Немного лет спустя османы начали новое наступление с тех опорных пунктов, которые они сохранили в Македонии.

От зажатых между двумя жерновами наиболее могущественных феодальных государств Албании в первое двадцатипятилетие XV в. сохранились только остовы. Дробление шло все интенсивнее. Очень скоро албанские феодалы осознали печальную истину, а именно, что отныне их османские «союзники» — просто-напросто захватчики и что отныне их так называемую «помощь» придется оплачивать. В промежутке между 1414 и 1423 гг. в замках и главных городах снова засели турецкие гарнизоны и губернаторы — на юге, на севере и на востоке, от Аргирокастро, Влоры и Канины, от Берата до Круи, Даньо и Светиграда все князья один за другим подчинились султану. Первоначально захватчики не лишали их власти, довольствуясь лишь принятием ряда мер, ограничивавших им свободу действий. Но нетрудно было понять, что дальнейшим шагом окажется полная ликвидация их господства, как это произошло в соседней Македонии и в Болгарии.

Как же повел себя господствующий класс феодалов, очутившись в таком положении? Он не проводил единой для всех линии пове-

---

[1] В. Макушев. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варш. унив. изв., № 5, 1871, стр. 146—147.

[2] S. Ljubić. Listine o odnošajih izmedju južnoga slavenstva i mletačke republike, VI. Zagreb, 1878, стр. 5, док. 7.

дения. Одни стали на путь открытой измены, с самого начала телом и душой предались захватчикам, чтобы, войдя в качестве ренегатов в состав османского господствующего класса, обрести возможность уже в иных формах продолжать феодальную эксплуатацию. Иоанн Музаки в своих «Воспоминаниях» сопровождает имена многих дворянских родов Албании кратким замечанием: «si a fatto turco» («потурчился», стал турком).[1] Но большинство владетелей еще пытались как-то маневрировать, избегая принять одно из двух решений: беспощадную борьбу или ренегатство. Господствующий класс был не в состоянии объединиться и призвать народные массы к открытой борьбе с захватчиком. Он боялся народа. Но в то же время он не желал уйти с политической арены, не попытавшись оказать хоть какое-то сопротивление. Представители его вступали в схватку поодиночке, используя свои конные отряды, но враг неизменно одерживал верх. Феодалы вынуждены были принимать турецкие гарнизоны в свои собственные замки и города, платить дань, идти со своими войсками на службу к султану, отдавать своих детей или же сами отправляться в качестве заложников к его двору, а оказавшись в безвыходном положении, делать вид, будто изменяют своей вере.

Не было недостатка и в случаях, когда такие феодалы благодаря поддержке султана присваивали себе земли, прежде им не принадлежавшие. В то же самое время они выжидали какого-нибудь поворота, изменения обстоятельств, могущего прийти из-за рубежа. А на всякий случай хлопотали об обмене угрожаемых владений на более надежные и обеспечивали себе права гражданства в каком-либо итальянском или далматинском городе.

Таким-то образом в пределах возможного и лавировали в течение первых тридцати лет XV в. род Зеневисси в Чамурии, Георгий Арианити Комнен Топия в центральной и южной Албании, семейство Дукадьинов на севере и северо-востоке и Иоанн Кастриот в Мати и Дибре.

---

[1] K. Hopf. Chroniques greco-romaines inédites ou peu connues. Berlin, 1873, стр. 267.

III. Род Кастриотов происходил от мелких феодалов области Хази на северо-востоке Албании.[1] Документы впервые упоминают в 1368 г. одного из Кастриотов в качестве владетеля («кастеляна»), или «кефали», влорской Канины.[2] Изгнанные из своих земель, вероятнее всего вследствие расширения владений Балши, Кастриоты вновь обретают могущество после гибели его государства. Один из Кастриотов был в рядах союзного войска, сражавшегося на Коссовом поле в 1389 г. вместе с другими албанскими владетелями.[3] После 1402 г. появляется на сцене Иоанн, чье имя связано с расширением владений Кастриотов по всему течению Дрина и Мати до морского побережья. Поскольку архивные документы не упоминают Круи в числе унаследованных Иоанном земель, весьма вероятно, что он получил ее в ленное владение от султана уже значительно позже 1415 г. По данным одного торгового соглашения с городом Дубровником (1420 г.), земли, относящиеся к владениям Иоанна Кастриота, на западе начинались на побережье в окрестностях города Леша и доходили до окрестностей Призрена, т. е. включали области к югу от реки Дрин — Мирдиту и Луму.[4] Эти данные дополняются другими документами: в состав владений Иоанна входила также область Риека (к востоку от Дибры), а на западе — побережье к северу от мыса Родони, где проходила граница с венецианскими владениями в районе Дурреса.

Мы склонны предполагать, что, вопреки обычной раздробленности феодальных территорий, владения Иоанна Кастриота по занимаемому пространству представляли собой одно из крупнейших и значительнейших феодальных княжеств Албании в первой половине XV столетия. Население занималось земледелием и скотоводством; в устьях рек велась оживленная для той эпохи торговля хлебом,

---

[1] E. Fermedzin. Acta Bosnae. Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, **XXIII**. Zagreb, 1892, стр. 132.

[2] Acta et diplomata res Albaniae. . ., док. 249.

[3] J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, **I**. Pest, 1827, стр. 177.

[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег и Арбанија у XV веку. (Историска грађа). Српска краљевска академија. Споменик XCV, други разред, 74. Београд, 1942, док. 2.

просом, лесом; строились суда; по торговым дорогам, соединявшим побережье с внутренними областями, с Сербией и Македонией, шли караваны, перевозившие кожу, меха, шелк, воск, соль и другие товары.[1] От таможен, а также от соляных промыслов на побережье, зависимых от их владений, Кастриотам шли значительные доходы. Понятно, почему в венецианских документах Иоанн Кастриот упоминается как «могущественный албанский сеньор, почетный гражданин Венеции и Рагузы»,[2] который в случае необходимости мог выставить в одних лишь своих владениях 2000 всадников, и почему Венеция старалась перетянуть его на свою сторону и держать под своим влиянием как раз во время своего длительного конфликта с Балшей III.[3] Но и сам Иоанн Кастриот нуждался в венецианской поддержке. Нажим турок, которые хотели проложить себе путь к морю через земли Иоанна Кастриота, стал ощущаться гораздо сильнее. В 1410 г. последний уже был вынужден дать султану в заложники одного из своих сыновей.[4] В 1417 г. он обращается к Венеции с просьбой защитить его от непрекращающихся нападений со стороны турок, но, как и в 1410 г., Республика, заключившая соглашение с султаном, не пожелала вмешаться. В 1421 г. отряды Иоанна под началом одного из его сыновей, несомненно с одобрения турок, помогли сербскому деспоту Стефану Лазаревичу, тоже вассалу султана, выступившему против венецианцев, окружить Шкодер.[5] В 1428 г. при дворе султана («mio signor» — «моего повелителя», как его называет Иоанн Кастриот) еще находится один из сыновей Иоанна, «ставший турком и мусульманином» и принимавший участие в нападениях турок на венецианскую территорию, за какове действия отец его снимает с себя всякую ответственность; напротив, он стремится сохранить добрые отношения с Республикой,

---

[1] Illyrisch-Albanische Forschungen. . ., стр. 153.

[2] S. Ljubić. Listine. . ., **VI**, стр. 51.

[3] S. Ljubić. Listine. . ., **IX**, стр. 175—176.

[4] S. Ljubić. Listine. . ., **VI**, стр. 51.

[5] K. Hopf. Griechenland im Mittelalter und in der Neuzeit. Allgemeine Encycl. d. Wissensch. u. Künste, **86**. Herausg. von Ersch und Gruber, Leipzig, 1868, стр. **100**.

у которой в случае нового разрыва с султаном он надеется найти право убежища.[1] Это не заставило себя ждать, и в 1430 г. султан снарядил новый грабительский поход на Албанию. Земли Иоанна Кастриота были захвачены, четыре его замка — срыты до основания, в двух других — размещены османские гарнизоны. Но даже и на этот раз он помирился с султаном, сохранив часть своих земель, тогда как другая часть их была присоединена к владениям Исаак-бея из Скопле, командовавшего победоносной турецкой экспедицией.[2] Через несколько лет, в 1438 г., Венецианский сенат, принимая во внимание свои «добрые отношения» с Иоанном, по его просьбе распространил привилегии, которыми он пользовался в качестве почетного гражданина, на двух его сыновей, в том числе и на Георгия. В 1439 г. подобное же решение принято было и республикой Дубровник.[3]

Если к этим данным прибавить еще два документа, относящихся к 1426—1431 гг., согласно которым Иоанн Кастриот — в первом случае вместе со своими четырьмя сыновьями, а во втором только с тремя (но в обоих случаях фигурирует младший, Георгий) — дарит Хиландарскому монастырю на горе Афоне два поселка и покупает замок,[4] исчерпанными окажутся все данные архивных источников о правлении Иоанна и о юности того из его сыновей, которому суждено было впоследствии стать вождем албанского народа в борьбе за независимость. К сожалению, материал этот слишком недостаточен, чтобы на основании его отчетливо обрисовать юные годы героя, т. е. период до возвращения его на родину, являющийся наименее известным из всей его жизни и поэтому вызывающий нескончаемые споры между историками.

В качестве дополнения к кратким данным архивных документов мы можем также использовать литературные источники, особенно сочинения Барлетия, Лаоника Халкокондила, Иоанна Музаки и

1 N. Jorga. Notes et extraits. . ., I, стр. 475.
2 N. Jorga. Notes et extraits. . ., I, стр. 272.
3 Illyrisch-Albanische Forschungen. . ., I, стр. 249.
4 J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 3, 4.

псевдо-Франко,[1] не свободные от внутренних противоречий или же расходящиеся порой со скудными архивными данными. Эти противоречия вызвали сомнения, доходившие до полного отрицания той картины молодости Скандербега, которая рисовалась этими авторами, в особенности Барлетием, чье произведение, по мнению некоторых историков, питалось — по крайней мере в том, что касается юности героя — устными поэтическими преданиями, очень скоро распустившимися в Албании пышным цветом.[2]

Несмотря на все возражения, принять некоторые существенные факты за вполне достоверные нас вынуждает именно критическое рассмотрение названных литературных источников и их сопоставление с некоторыми материалами балканского или турецкого происхождения, доныне остававшимися в тени или даже и вовсе не привлекавшимися. Факты эти дошли до нас в сообщениях многих авторов того времени — византийских, сербских, турецких и итальянских; влияние их друг на друга или на них со стороны Барлетия исключено в силу того, что происходили они из самых различных областей, где никоим образом не могло в одно и то же время и так быстро распространиться албанское устное предание, и к тому же жили и писали они до издания произведений Барлетия.

Хотя дату рождения героя мы можем установить лишь косвенным путем (около 1405 г.?),[3] но никаких сомнений не вызывает главное событие раннего периода жизни Георгия — передача его с братьями в качестве заложников туркам, причем самого Георгия в очень раннем возрасте. Об этом, кроме самого Барлетия, дополняющего архивные источники, умалчивающие об именах, свидетельствуют также некоторые писатели второй половины XV в., пред-

---

[1] M. Barletius. Historia de vita et gestis Scanderbegi, Epirotarum principis. Roma, [1508—1510];

L. Chalcocondylas. Historiarum libri decem. Paris, 1650;

G. Muzaki. В кн.: K. Hopf. Chroniques. . .;

D. Franko -(pseudo-Franko). Gli illustri et gloriosi gesti, fatti contro i turchi dal signor don Giorgio Castriotto, detto Scanderbeg. Venetia, 1545.

[2] N. Jorga. Brève histoire d'Albanie et du peuple Albanaise. Bucarest, 1919, стр. 45.

[3] F. S. Noli. George Castrioti Scanderbeg. New York, 1947, стр. 17.

шественники Барлетия.[1] Мы не знаем, в каком точно году и при каких конкретных обстоятельствах это произошло, однако нам известно, что передача детей Иоанна в качестве заложников не была единичным случаем, как уверяет Барлетий. Передача детей-заложников осуществлялась неоднократно и при различных султанах, о чем свидетельствуют венецианские архивные материалы.

Мало конкретного дают сообщаемые Барлетием факты, относящиеся к пребыванию братьев Кастриотов при султанском дворе и к карьере Георгия в рядах турецкого войска. Но не может быть сомнения в том, что юный Георгий состоял в свите султана, включавшей, как указывает Халкокондил,[2] около 200 сыновей князей и владетелей, причем некоторые из них принадлежали к ближайшему его окружению. Что в их числе был и Георгий, засвидетельствовано также и другими источниками балканского и турецкого происхождения, подчеркивающими расположение султана Мурата II к юному Георгию Скандербегу (он получил это прозвище после перехода в ислам) за его величайшие достоинства; этими качествами объясняется и блистательная военная карьера, приведшая его к званию санджака.[3] Георгий и его братья были не единственными албанцами при дворе султана. Там находились также члены других правящих албанских родов, выданные в качестве заложников или же несшие военную службу вместе со своими отрядами в качестве султанских вассалов.[4] Но и помимо того, в турецкой столице Адрианополе было столько переехавших туда на жительство албанцев и славян, что, по утверждению одного современного путешественника, на улицах слышалась преимущественно славянская и албанская речь.[5] А это означает, что в Адрианополе Скандербег и его братья

---

[1] A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque..., стр. 42.

[2] L. Chalcocondylas. Historiarum libri..., стр. 119.

[3] Jan Loš. Pamiętniki janczara czyli kronika turecka Konstantego z Ostrowicy. Kraków, 1912, стр. 114—115; Дурсун-бег. В кн.: J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 248 и сл.; Donado da Lezze. Historia turcheska. Ed. J. Ursu, Bucureşti, 1910, стр. 15—16, 22.

[4] L. Chalcocondylas. Historiarum libri..., стр. 119—121.

[5] Spanduginos. В кн.: Monumenta historica slavorum meridionalium, **II**. Belgrad, 1882, стр. 374.

не были столь изолированы и лишены всякой связи с родиной, как это может нам казаться. Точно так же нет оснований считать, будто, отослав своих сыновей ко двору султана, балканские владетели тем самым отказывались от них и будто, покинув свою страну и переменив религию, те переставали иметь какое-либо отношение к событиям на родине. Сами султаны, в случае необходимости, не колеблясь, отправляли их туда, откуда они были родом, чтобы использовать в качестве послушных вассалов. Но нередко случалось, что те, кого считали «schiavi del signor» («рабами повелителя»), изменяли султану и сами ввязывались в борьбу против него.

Поэтому сомнения и возражения, выдвинутые сперва Макушевым и затем более подробно Ф. С. Ноли,[1] кажутся нам необоснованными. По мнению Ноли, выдача юного Георгия в качестве заложника вообще не имела места; родину он покидал якобы лишь от поры до времени уже в зрелом возрасте и притом вместе с албанскими отрядами, будучи во главе которых он покрыл себя славой на службе султана как его вассал.

После сказанного выше нам представляется неубедительным психологический аргумент, приводимый Ноли в поддержку своей гипотезы: он утверждает, будто невозможно поверить, чтобы юноша, давно оторванный от своей родины, не оказался ассимилированным османской средой, в которой он вырос. Точно так же и другие косвенные доводы Ноли мы склонны расценивать как неосновательные. Документ 1426 г. устанавливает лишь то, что упомянутое в нем благочестивое деяние Иоанн совершает также от имени своих сыновей, хотя бы они находились (а лучше сказать, именно потому, что они находились) в качестве заложников при султанском дворе и принуждены были переменить религию. Испрашивание венецианских привилегий в 1438 г. также указывает лишь на то, что Иоанн Кастриот пытался обеспечить своим сыновьям поддержку великой державы на случай, если благоприятные обстоятельства позволят им вернуться на родину, на что он никогда, повидимому, не терял надежды.

---

[1] F. S. Noli. George Castrioti Scanderbeg. New York, 1947, стр. 47.

Последний вопрос, относящийся к молодости Скандербега и вызвавший столько споров, — его возвращение на родину и обстоятельства его разрыва с турками. И об этом эпизоде архивные источники молчат, и мы вынуждены судить о нем по литературным материалам. По Барлетию, после смерти Иоанна Кастриота султан завоевывает его земли, и, питая сомнение в верности самого Скандербега, убивает его братьев.[1] Тогда Скандербег, воспользовавшись поражением, которое венгры и поляки нанесли туркам при Нише (1443), и орудуя подложным указом султана о назначении его командующим в Крую, вернулся к себе на родину и отвоевал отцовские земли. Рассказ Барлетия, повторяемый и другими авторами,[2] грешит вопиющими неточностями: так, из братьев Скандербега один умер до всех этих событий и был погребен на Афоне,[3] другой был еще жив в 1445 г.,[4] и лишь один из них мог найти свою кончину в Турции. Но гораздо важнее тот факт, что ряд источников, преимущественно восточного происхождения, рисуют нам возвращение героя на родину совсем иначе. По этим источникам, сам султан Мурат водворил Скандербега в отцовские земли, назначив его туда санджаком, и Скандербег лишь после этого восстал против султана. По нашему мнению, имеется ряд доводов в пользу этой версии, несмотря на то, что данные источников не позволяют еще окончательно решить вопрос. Возможно, что молчание западных и албанских источников о возвращении Скандербега на родину объяснимо тем, что между ним и восстанием, начавшимся в связи с битвой при Нише, прошло очень немного лет, вследствие чего события в памяти тех, кто их записывал позже, слились воедино.

Но как бы то ни было, события 1443 г., ознаменовавшие собой новый, более важный этап в борьбе албанского народа против турецкого нашествия и новый период в жизни Георгия Кастриота

---

1 A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque. . ., стр. 40.

2 G. Muzaki. В кн.: K. Hopf. Chroniques. . ., стр. 270; P. Luccari. Copioso ristretto degli Annali di Ragusa. Venetia, 1605, стр. 374.

3 Petković. Arbanaski pirg v Hilandare. Archiv za Arbanasku starinu. . ., I. Beograd, стр. 272.

4 J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 12.

Скандербега, не поддаются объяснению без учета событий 1430—1440 гг. в Албании и международных обстоятельств, оказавших на них влияние.

IV. От опустошительных вторжений османов особенно тяжело приходилось народным массам. Ко все усиливающейся эксплуатации со стороны албанских владетелей присоединились теперь притязания новых турецких господ. Дань, которую албанские князья и Венеция вынуждены были платить султану за свои владения, тяжело ложилась на плечи народа, ибо неслыханно увеличивались денежные налоги.[1] Но еще более гибельные последствия имели опустошительные набеги, систематически предпринимавшиеся турками не только на области, еще не покоренные, но подчас и на те, владетели коих давно уже объявили себя вассалами султана. Для устройства этих грабительских набегов — основной цели военно-феодального турецкого государства — в провинциях, граничащих с Македонией, располагались специальные отряды конников «акинджи», на которых возлагалась задача нападать на Албанию и опустошать ее. Добыча была их единственным вознаграждением, и самой ценной добычей являлись рабы (предпочтительно молодые), скот и т. д. Вслед за отрядами «акинджи» шли караваны торговцев, которые подбирали и скупали рабов, отдавая пятую их часть султанской казне. Похищенные таким образом албанцы уже с юных лет вливались в ряды турецкого войска.

Византийский писатель середины XV в. Дука весьма картинно описывает характер османских набегов и тактику, которой придерживались турки: «Едва лишь заслышат они возглас глашатая, призывающего их к набегу, на их языке — „акин", они тотчас же собираются, чаще всего без мешка или сумы, без копья и меча, иные даже пешком, чтобы хлынуть бесконечными волнами... Идут они со всех сторон, не только из Фракии, с Балкан, из пограничных сербских областей, но также из азиатских стран... жители Фригии... и даже Ликаоны у пределов Армении... пешком устремляются к Дунаю, чтобы пограбить... Ибо, нападая на какую-нибудь об-

[1] S. Ljubić. Listine..., **VI**, стр. 86.

ласть, ведут они себя, как разбойники, и уходят лишь после того, как все взяли. Так опустошили они всю Фракию до самой Далмации, так перебили они албанцев — племя весьма многочисленное, — так сокрушили валахов, сербов, румелийцев». И ниже: «Если сегодня они замирились с сербами, то завтра опустошат Аттику, если послезавтра они договорятся со страной румелийцев, страны сербов, болгар, а затем и албанцев снова ввергнуты будут в горе и плач».[1]

Эти набеги, продолжавшиеся десятилетиями, довели албанский народ до крайней нищеты. Целые области превращались в необитаемую пустыню, города лежали в развалинах. Голодные толпы народа покидали свою родину и убегали в соседние страны. Однако у османских летописцев того времени, хотя они с бахвальством расписывают эти набеги, есть немало указаний и на то, что захватчики встречали если не организованный, то во всяком случае чувствительный отпор со стороны народа. Оскорбительные выражения, вроде «лиходеи», «коварные», «бродяги», характеризующие албанцев у многих османских летописцев, показывают, как действенно было сопротивление народа захватчикам. «Проклятое племя неверных, — пишет об албанцах турецкий летописец дервиш Ахмед Ашик-пашазаде, — ... они объединялись и собирались, ускользая от нас обманом и сходясь все вместе на высоких горах и в глубоких ущельях... и так и остались непокоренным врагом».[2] Еще определеннее у Дурсун-бега: «Кто видел страну албанцев, тот знает, сколь она варварская. Тем же, кто ее не видел, достаточно сказать, что она кишит убийцами... самая порода албанцев была сотворена для того, чтобы спорить, не подчиняться и раздражать вас».[3]

В то время как албанские князья так или иначе находили все же какой-то modus vivendi с захватчиками, народ готов был бороться, защищая страну от опустошения, добро от расхищения, детей от рабства. Инициатива народа, давление снизу (во многих случаях несомненные, несмотря на скудость источников), заставили некото-

---

[1] M. Ducas. Historia Byzantina. Corp. script. hist. Byzant. Ed. Bekker, Bonn, 1834, стр. 135—136.

[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 243.

[3] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 249.

рых албанских князей возглавить восстания и мятежи, вспыхнувшие в Албании.

В 1432 г. турки впервые потерпели поражение в центральной Албании от повстанцев, вождем которых был Андрей Топия.[1] Восстание распространилось и на север. В 1433 г. повстанцы, руководимые братьями Дукадьинами, изгнали турок из Даньо, но затем вынуждены были оставить город и крепость, ибо венецианцы, жившие в Шкодере, объединились с турками.[2] Но более значительным оказалось восстание, вспыхнувшее в 1434 г. в центральной и южной Албании. Возглавил его Георгий Арианити, который «пребывал у повелителя (т. е. султана), прося и умоляя его о милости». В повествовании Халкокондила, в котором проскальзывают кое-какие крохи новых сведений об этом событии, отчетливо проступает инициатива, проявленная народом: «Поскольку соотечественники обещали ему (Арианити) восстать, если он к ним вернется, он тайком бежал из дворца (султанского) и возвратился на родину, где его приняли с радостью и... все восстали против повелителя».[3] Три турецкие армии были разбиты одна за другой в гористых районах княжества Арианити, в горах над долиной Шкумби.[4] Восстание распространилось и на юг. Тот же Халкокондил подтверждает, что восставший народ призвал князя Депу Зеневисси с Корфу, где тот нашел убежище у венецианцев, и, провозгласив его королем, принялся изгонять турок из страны.[5]

Победы албанских повстанцев прогремели и за пределами Албании: ведь это были первые победы после целого ряда поражений, понесенных от турок европейскими государствами. Первые надежды Европы на то, что она сможет противостоять варварским набегам турок, дававшим себя чувствовать даже во внутренних районах

---

[1] L. A. Muratori. Rerum Italicarum scriptores, **XXII**. Milano, 1733, стр. 163.

[2] N. Jorga. Notes et extraits..., I, стр. 182.

[3] L. Chalcocondylas. Historiarum libri..., стр. 119.

[4] Дурсун-бег. В кн.: J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 249.

[5] L. Chalcocondylas. Historiarum libri..., стр. 119.

Венгрии, Трансильвании и Каринтии, связаны были с борьбой, которую вел албанский народ. Сигизмунд венгерский отправил тогда в Албанию наследника последнего болгарского царя, а также одного турка, претендента на султанский трон, чтобы они, воспользовавшись албанским восстанием, организовали и широкое повстанческое движение балканских народов в тылу у османов.[1] Но волна восстаний спала, не дав ожидаемых результатов. Георгия Арианити оттеснили в горы, Депа Зеневисси был захвачен турками и повешен. Со столь варварским и могучим противником невозможно было успешно бороться, пока борьба велась разрозненными группами, пока не были организованы все экономические и военные ресурсы страны, мобилизованы и объединены народные массы, установлены связи с другими государствами, ведущими войну против того же врага. Все это стало делом Георгия Кастриота Скандербега, с которого начинается новый важнейший этап в истории борьбы албанского народа с турецкими захватчиками.

V. Выше уже говорилось, что нельзя представлять дело так, будто Скандербег жил при дворе султана, будучи совершенно оторван от важных событий, происходивших на его родине, и ничего не ведая о том, что творилось на границах Турецкой империи. Мы можем сомневаться в точности хронологических и цифровых данных, сообщаемых Барлетием, и в подлинной историчности его рассуждений, но это не дает нам права отбрасывать то ценное, что есть в его обильной информации, подтверждаемой архивными источниками. По данному же поводу он сообщает нечто весьма существенное и к тому же подкрепляемое сообщением Халкокондила относительно Георгия Арианити и князя Депы Зеневисси при подобных же обстоятельствах. По Барлетию,[2] посланцы народа неоднократно обращались к Скандербегу, прося его оставить двор султана и стать во главе восстания. Однако условия такого выступления были неблагоприятными (мы имеем в виду не столько внутренние, сколько внешние обстоятельства). Несмотря на непрерывный рост турецкой

---

1 N. Jorga. Notes et extraits..., III, стр. 167.
2 M. Barletius. Historia de vita..., л. 29.

опасности, главные государства Запада, и прежде всего папский престол, далеки были от того, чтобы серьезно помышлять о сколько-нибудь существенной помощи угрожаемому со стороны турок Востоку. Напротив, они старались использовать эту угрозу в своих целях, именно по поводу борьбы не на жизнь, а на смерть, которую восточные народы вели против турок. Таким образом, легко понять, почему сопротивление балканских народов, никем не поддержанное извне, обречено было на неудачу. Одна лишь Венгрия, находившаяся на пути турецких вторжений, неоднократно пыталась организовать эффективный широкий антиосманский фронт, но тщетно.

В первой половине XV в. под водительством Яноша Гуниади собраны были наконец значительные венгерские военные силы, которые успешно преградили путь захватчикам, в первую очередь в Трансильвании. Осенью 1443 г. венгерское войско, чьи ряды пополнялись также польскими, чешскими, румынскими и сербскими отрядами, возглавленное Яношем Гуниади, перешло через Дунай и начало победоносное продвижение вглубь османских территорий на Балканах (так называемую «Долгую войну»). Наступление венгерских войск вызвало мятежи среди угнетенных турками народов. К числу повстанцев, присоединившихся к этим войскам, принадлежали и албанцы.[1] Эти обстоятельства косвенно подтверждают то, что можно впрочем понять и из указаний Барлетия,[2] а именно — наличие предварительного сговора между Гуниади и Скандербегом еще до того, как последний сделал решающий шаг.

Хотя это и невозможно документально подтвердить за неимением источников, нельзя сомневаться в том, что именно благодаря венгерским победам во время зимнего похода 1443—1444 гг. наш герой сделал решительный в своей жизни шаг — возвратился на родину; при этом безразлично, имеем ли мы дело в данном случае с бегством от султанского двора, где он вырос, или с уходом из турецкого лагеря, где он находился в качестве вассала со своими военными частями. Венгерские победы, нанесшие первый чувстви-

---

[1] N. J o r g a. Notes et extraits. . ., **III**, стр. 175.

[2] M. B a r l e t i u s. Historia de vita. . ., л. 32 об.

тельный удар турецким завоевателям и приковавшие значительные военные силы к дунайским границам, явились, таким образом, тем основным внешним фактором, который столь благоприятствовал новому этапу борьбы албанского народа против османского владычества.

VI. Все, что сообщает Барлетий об обстоятельствах оставления Скандербегом в Нише турецкого войска (в составе которого он находился) с такими подробностями, как, например, то, что он силой заставил выдать подложный указ о передаче Круи под его начало, многим казалось чересчур мелодраматичным, чтобы быть достоверным. Однако сообщения эти подтверждаются самыми различными источниками.[1]

Возвращение на родину Скандербега, чье имя в Албании пользовалось уже великим почетом, явилось сигналом к восстанию. В течение краткого срока в руки его перешли главные крепости княжества Кастриотов, и прежде всего Круя.[2] Потрясающие успехи Скандербега уже в самом начале борьбы объясняются не только своевременными действиями вооруженных сил, имевшихся в его распоряжении, но также единодушным порывом народных масс, ожидавших только благоприятного момента, чтобы сбросить с себя невыносимо тяжкое турецкое иго. С этой точки зрения можно утверждать, что слова, приписываемые Барлетием герою, приобретают глубокий исторический смысл: «Не я принес вам свободу. Я сам нашел ее среди вас в ваших сердцах, в ваших помыслах, в ваших мечах».[3]

После первых побед сделалось неизбежным столкновение с главными силами турок. Необходимы были организационные меры, чтобы объединить все дотоле распыленные силы в войне за свободу и независимость. Эту задачу разрешало собрание, созванное Скандербегом в Леше весной 1444 г. Опыт и военный престиж Скандер-

---

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 34; G. Muzaki. В кн.: K. Hopf. Chroniques..., стр. 244.

[2] Chronica Ragusina. Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, II. Zagreb, 1893, стр. 290—291.

[3] M. Barletius. Historia de vita..., л. 39 об.

бега, равно как и приготовления к предприятию международного масштаба, на этот раз повидимому успешные и проводившиеся с ведома албанских князей,[1] убедили последних в том, что положение стало благоприятным и что возникла возможность освободиться от турецкого вассалитета. Поэтому на съезде в Леше приняли участие все князья Албании и, кроме того, черногорский владетель Стефан Черноевич, которого с албанскими князьями связывали не только узы родства, но и интересы совместной борьбы за освобождение. Используя указание Барлетия, приводящего также имя Гимара,[2] можно прийти к заключению, что на съезде присутствовали также представители свободных крестьянских общин, что неудивительно, если принять во внимание их значение в тот момент.

На съезде создан был Союз (Лига) как постоянный орган, обладающий военной казной и общим войском, причем каждый член Союза сделал свой, соответствующий его возможностям, вклад людьми и деньгами. Вражеское нашествие привело к тому, что на некоторое время албанские феодалы позабыли характерные для их класса раздоры и создали в качестве более прочной политической базы этот орган совместной обороны, за которым стояли широкие народные массы, решившиеся на борьбу. Надежда, что к Союзу примкнет и Венеция — одна из причин, почему съезд был созван в городе, находившемся под властью венецианцев, — не осуществилась. Венеция заняла уклончивую позицию, вскоре сменившуюся открытой враждебностью, хотя не преминула использовать возникновение Союза, для того чтобы оказывать давление на турок и вырвать у них несколько завоеванных ими в Албании городов.[3]

На средства, собранные в Леше, начали снаряжать войско, усовершенствовать укрепления многих замков. Таким образом и было создано ядро постоянного войска, состоящего из военных людей во главе с их сеньорами, образовавшими Военный совет при Верховном полководце.

---

[1] N. Jorga. Notes et extraits..., **III**, стр. 160.
[2] M. Barletius. Historia de vita..., л. 38.
[3] K. Hopf. Griechenland..., стр. 121.

VII. Вскоре представился случай испытать вновь созданное войско. В продолжение трех лет, 1443—1446 гг., крупные силы османских «акинджи» нападали на Албанию из турецких баз Скопле и Охриды. Во-время предупрежденный отлично поставленной разведывательной службой,[1] Скандербег преградил им путь вглубь Албании. В пограничных областях на востоке и юго-востоке, у Дибры и Мокры, албанское войско перерезало дорогу захватчикам, опираясь на свое знание местности, дававшее ему возможность использовать все природные условия, устраивая западни и захватывая противника врасплох. Так албанцам удалось разгромить силы османов.[2] Победы, одержанные над врагом, почитавшимся непобедимым, укрепили в сердце албанских воинов веру в свои собственные силы и в своего вождя. Они привлекли также внимание некоторых европейских держав, особенно Венгрии. В архивных источниках мы, правда, не находим подтверждения тому, что говорит Барлетий, а именно, что начиная с 1444 г., т. е. еще до злополучного похода на Варну, между Владиславом — королем венгерским и польским — и Скандербегом было заключено соглашение, предусматривавшее участие Албании в великом походе европейских государств. Но поскольку имеются документальные данные о подобных же соглашениях с Георгием Арианити, мы отнюдь не отвергаем того, что их могли заключить и со Скандербегом. Сомнительно лишь, чтобы именно в трудных условиях первых лет войны последний взял на себя столь ответственное дело.[3] Однако другие вполне надежные источники упоминают лишь несколько позднее договор между Гуниади, с одной стороны, Скандербегом и Арианити, с другой, который завершился Союзом для согласованных по единому плану действий против турок.[4]

---

[1] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 47.

[2] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 23—28.

[3] F. Pall. В кн.: Revue historique du Sudest Européen. Bucarest, 1937, стр. 65—67.

[4] Bonfinius. Dekades. В кн.: J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 229.

Победы албанского Союза, упрочение власти венгров, сербского короля и Скандербега в Албании были для «господ венецианцев» «нож острый»,[1] ибо в этом новом политическом факторе они усматривали угрозу своим собственным владениям на албанском побережье Адриатики.

Убийство князя Даньо дало сенату возможность наложить руку на этот важный город, несмотря на протесты албанских князей, притязавших на него от имени Союза. Непримиримая позиция венецианцев вызвала в 1447 г. войну. Албанские вооруженные силы блокировали Даньо и Дуррес и проникли до подступов к Шкодеру.[2]

Попав в ловушку, венецианцы развили лихорадочную дипломатическую активность. В результате их подстрекательств, из Союза вышли некоторые из его членов, нанеся ему таким образом первый удар. Одновременно сенат открыто пообещал награду тому, кто возьмется убить Скандербега.[3] С другой стороны, венецианцы побуждали султана нанести албанцам, пока те заняты борьбой против Венеции, удар в спину.[4]

Крупные турецкие силы, на этот раз под водительством самого султана, осадили важную пограничную крепость Светиград. Город героически сопротивлялся штурмам, которые предпринимались осаждавшими, а Скандербег беспрестанно тревожил их своими нападениями. Но когда под конец османы обнаружили и отвели канал, снабжавший город водой, окруженный гарнизон вынужден был сдать крепость.[5] Однако султану не удалось использовать эту победу для проникновения вглубь Албании, ибо атаки албанского войска и поход, подготовлявшийся Гуниади, делали дальнейшее пребывание османских войск в Албании опасным.

---

[1] К. Маркс. Хронологические выписки, **II**. Архив Маркса и Энгельса, **VI**, стр. 200.

[2] S. Ljubić. Listine. . ., **IX**, стр. 268.

[3] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 177.

[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 179.

[5] Ашик-паша-заде. В кн.: J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 244.

Несмотря на трудности, неизбежные в войне на два фронта, Скандербег во главе части своих вооруженных сил, нанес в 1448 г. поражение венецианцам под Шкодером. Тем не менее он спешил заключить мир с Венецианским сенатом, чтобы развязать себе руки для участия в новом походе Гуниади. Наконец, 4 октября 1448 г. был заключен мир на тех условиях, что Даньо остается под властью Венеции, но сенат будет выплачивать Скандербегу за этот город ежегодную дань.[1] Переговоры с Венецией так затянулись, что участие албанских войск в походе Гунияди крайне затруднилось. Венгерская армия, дойдя до Коссова поля, но так и не соединившись с албанскими войсками, потерпела здесь поражение в октябре 1448 г.

VIII. Взятие Светиграда расчистило османам путь в Албанию. В 1450 г. султан Мурат II вернулся, чтобы на этот раз, как он рассчитывал, окончательно разгромить албанцев. Едва перебравшись через горный проход Кафа-Тханес, турецкая армия стала подвергаться беспрерывным нападениям со стороны албанцев, которым Скандербегом дан был приказ наносить врагу посильный ущерб, но не завязывать сражений. Войско султана — «армия всей Европы и Азии»,[2] грозная, но в то же время громоздкая — вынуждено было на каждом шагу обороняться от внезапных нападений, тревоживших ее и днем и ночью. Сёла, постройки, поля — все покидалось и сжигалось населением, чтобы врагу нечем было снабжаться и негде было найти кров.

Когда же наконец, после чувствительных потерь, турецкая армия оказалась на равнине Тираны, для нее возникли новые трудности. Крепость Круя была основательно укреплена, и защищал ее храбрый гарнизон под началом графа Ураны. А Скандербег с главными силами расположился вне крепости, на горе Тименишти (ныне гора Скандербега). Вскоре выяснилось, что войска, осаждавшие Крую, в свою очередь, окружены. Туркам теперь самим приходилось обороняться от яростных атак албанских сил, которые ни днем ни ночью не давали им покоя.[3] С другой стороны, и снабжение такой

[1] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 23.

[2] L. Chalcocondylas. Historiarum libri. . ., стр. 117—118.

[3] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 112—114.

огромной армии представляло величайшую трудность. На обозы, двигавшиеся из Македонии, по ночам совершались нападения, и только поставки венецианских купцов из Дурреса дали султанскому войску возможность продолжать осаду.[1] Так шли недели и месяцы; несмотря на непрекращающиеся массированные атаки турок, поддерживаемые тяжелыми пушками, отливавшимися тут же на месте, город Круя продолжал стойко сопротивляться. Наконец, после того как отвергнуты были предложения султана графу Уране и Скандербегу начать переговоры, османское войско с позором отошло от Круи, оставив на поле битвы тысячи убитых. Несколько месяцев спустя султан Мурат умер, по утверждению некоторых летописцев, от гнева и стыда, испытанных после поражения под Круей.[2]

IX. Военные действия неизбежно привели к нарушению территориальных границ феодальных владений. Для обеспечения их защиты Скандербег посадил в главных крепостях отряды, находившиеся под началом людей, подчиненных лично ему. Таким образом, с одной стороны, ограничивалась политическая власть крупных феодалов, а с другой, расширялась система «проний» (аллодов), которые Скандербег раздавал в пользование мелким феодалам за их военную службу.[3] Их ряды поставляли кадры военно-административного аппарата, который выполнял теперь многие функции, ранее находившиеся в руках феодальных владетелей. Позиции Скандербега усилил еще один фактор — войско, получавшее жалованье и находившееся под его началом. Теперь оно выступало не только против внешнего врага, но и против упорствующих феодалов. В течение десятилетия 1450—1460 гг. владения Скандербега увеличились за счет владений других феодалов, осужденных за измену. Его современник князь Иоанн Музаки писал в своих «Воспоминаниях»: «После того как Скандербег сделался среди албанских владетелей главнокомандующим... он решил наложить руку на всю страну... Он заключил в темницу владетелей Иоанна и Гойко Балша ... и захватил их

[1] Chronica Ragusina..., стр. 181.

[2] J a n L o š. Pamiętniki janczara..., стр. 112; M. B a r l e t i u s. Historia de v i t a..., л. 115.

[3] M. B a r l e t i u s. Historia de vita..., л. 79, 112, 125.

землю, находившуюся между Круей и Лешем; у владетеля Моиса Комнена забрал княжество, находившееся у Дибры... а после смерти моего отца отнял у нас Томорицу и Малую Музакию, и так же точно поступал он с другими владетелями... но те ничего не могли поделать, ибо в руках его было войско, а на них в любое время могли напасть турки...».[1]

Укрепление власти Союза дало возможность Скандербегу противостоять всевозможным придиркам, капризам и изменническим действиям крупных феодалов, подстрекаемых Турцией и Венецией как раз в то время, когда борьба вступила в самую трудную фазу. Новый султан Магомет II раструбил на весь свет о намерении соединить в своих руках управление Востоком и Западом. После падения Константинополя (1453 г.) его наступлению на Запад препятствовали два государства — Албания и Венгрия. На них и обрушились яростные атаки османов. Положение Скандербега затрудняло и враждебное отношение Венеции к Албании. Поэтому Скандербег заключил с Альфонсом, королем Неаполя, главным соперником Венеции в Италии, договор, по которому Альфонс обязался помогать Албании оружием, людьми и всевозможными материалами.[2]

Берат — самый передовой пункт турок в глубине Албании — был в 1455 г. осажден албанским войском, усиленным неаполитанскими частями. Окружение города шло очень успешно, и турецкий гарнизон попросил перемирия для переговоров о сдаче. Но на осаждающих внезапно из Македонии напали крупные турецкие силы и нанесли им тяжелое поражение.[3] Моис Голем, командующий войсками в Дибре, измена которого и дала возможность неприятелю подойти к Берату, перешел на сторону турок, а год спустя вступил в Албанию во главе неприятельской армии; но он наголову был разбит, раскаялся, сдался Скандербегу и с честью служил последнему до своей геройской смерти.[4]

---

[1] G. Muzaki. В кн.: K. Hopf. Chroniques..., стр. 277.
[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., док. 199.
[3] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., док. 265—268.
[4] M. Barletius. Historia de vita..., л. 139.

Другие трудности вызывались поведением более могущественного северного владетеля — Лека Дукадьина, которого то Турция, то Венеция побуждали ставить Скандербегу всевозможные препоны. Лишь в 1459 г. под нажимом различных сил достигается устойчивое примирение.[1] Но самый тяжелый удар политике Скандербега нанесла измена его племянника Гамзы Кастриота, потерявшего, после женитьбы Скандербега на дочери Георгия Арианити Донике и рождения у них сына Иоанна, всякую надежду стать его наследником. В 1457 г. Гамза с турецкой армией вторгся вглубь Албании, и венецианцы уже готовы были торжествовать, ибо Скандербег, охваченный, как всем казалось, паникой, отступил. Однако, выждав благоприятный момент, он напал внезапно на турецкое войско и совершенно разгромил его. Гамза был взят в плен и заключен в тюрьму в Италии.

После нового и безрезультатного похода, предпринятого султаном в 1459 г., в следующем 1460 г. Скандербег с Турцией заключил перемирие на три года. В 1462 г. перемирие было заменено миром, по которому обе стороны сохраняли занятые ими позиции.[2]

X. Турецкие набеги после падения Константинополя, вызвали в Европе панику. Победы же Албании над османским войском, считавшимся непобедимым, привлекали внимание народов. В ряды албанского войска вступали бойцы со всех концов Европы, считавшие за честь сражаться под началом такого блестящего полководца, как Скандербег.[3] Но несмотря на все это, положение Албании продолжало оставаться опасным. После бератского поражения договор с Неаполем был мертвой буквой, а между тем Венеция все еще занимала враждебную позицию и в 1458 г. едва не затеяла новую войну.[4] В течение этого периода дипломатические представители Скандербега изъездили в поисках союзников города Италии, Далмации и Венгрии. Скандербегу было ясно, что турецкой опасности можно противостоять лишь в том случае, если вести операции

---

[1] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 279.
[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 261, 272.
[3] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 125, 139.
[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 352.

в международном масштабе. Естественным союзником Албании была Венгрия, но она вела тяжелую оборону против турецкого натиска и, кроме того, ее связывали враждебные отношения с Австрией. На Балканах турки завладели последними, еще не захваченными ими странами — Сербией и княжеством Морейским. Республика Дубровник и города Далмации, которым тоже угрожало турецкое нашествие, оказывали албанскому народу в его борьбе с турками финансовую помощь.[1] Но всего этого оказалось недостаточно. Необходимость совместных действий общеевропейского масштаба против турецких захватчиков хорошо понимали наиболее просвещенные люди того времени, и эту идею поддерживали на многих совещаниях, происходивших в Германии, Австрии и Италии. Там настаивали, чтобы героической борьбе, которую вели албанский и венгерский народы, была оказана эффективная помощь.[2]

Угроза того, что с победой турок римско-католическая церковь потеряет свои последние позиции не только на Балканах, но и в Италии, вынудила папу Пия II возглавить это движение. По его инициативе конгресс в Мантуе решил предпринять международную экспедицию против турок. Осуществление подобного предприятия оказалось более необходимым с тех пор, как Турция превратилась во внушительную силу на Эгейском море. В Венецианском сенате одерживали верх сторонники войны, и как следствие этого с 1460 г. начали улучшаться и отношения с Албанией.[3] В Венеции и в Риме начали разрабатываться планы совместных действий албанских и французских вооруженных сил под командованием герцога Бургундского. На дунайском фронте должны были действовать венгры, а в Греции и на море — флот итальянских государств. Для облегчения операций устанавливается связь с туркменским султаном Узун-Гасаном, который тоже вел войну с Магометом II.[4]

---

[1] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 325.

[2] N. Jorga. Notes et extraits. . ., **III**, стр. 322; **IV**, стр. 134; L. A. Muratori. Rerum Italicarum scriptores. . ., стр. 176.

[3] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 365.

[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 388—390.

Перемирие с султаном дало Скандербегу возможность оказать помощь королю Неаполитанскому Фердинанду в борьбе с восставшими против него баронами. Легкая кавалерия Скандербега разгромила противников Фердинанда, дав таким образом яркое доказательство силы и доблести албанских войск, которым в будущих операциях предназначалась важная роль.[1]

В 1463 г., накануне сбора вооруженных сил для крестового похода, Скандербег, побуждаемый папой, денонсировал заключенный с султаном мирный договор и вновь начал военные действия, проникнув на вражескую территорию на подступах к Скопле и Охриде. Летом 1464 г. часть союзного флота была уже готова и в Италии начинали собираться люди, преимущественно выходцы из стран Центральной Европы, взявшиеся за оружие с тем, чтобы воевать против турок. Однако никаких приготовлений здесь не производилось. Добровольцы, которые оставались под открытым небом и голодали, вынуждены были распродать свое оружие и убраться восвояси. Соперничество между итальянскими государствами, подозрительность, которую участники предполагавшегося похода питали друг к другу, и в особенности всеобщее недовольство папой и венецианцами, привели к тому, что предприятие это так и не осуществилось. Наконец, смерть папы в августе 1464 г. дала повод к полному отказу от крестового похода, возвещенного с такой помпой.[2]

С лета 1467 г. в войну с турками вступила также Венеция, открывшая фронт на юге с целью отобрать у османов недавно завоеванную ими богатую Морею. По условиям заключенного в том же году с Венгрией и Албанией договора, Венеция брала на себя обязательство оказать военную помощь этим двум государствам; на деле же количество войск, посланных сенатом в Албанию, оказалось ничтожным. В Албании венецианцы преследовали лишь одну цель: создать в тылу у турок диверсию и облегчить военные действия в Морее. Король Венгрии Матиаш Корвин, который вел тяжелые бои с турками в Боснии, беспрестанно ставил на вид папе и Венеции

---

[1] F. Trinchera. Codice Aragonese, I. Napoli, 1866, стр. 219.

[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 370.

необходимость послать Албании существенную помощь, но тщетно. Отражать повторные яростные атаки турок, которыми руководил сам султан Магомет II, албанским войскам приходилось в одиночестве.[1]

После возобновления военных действий, турки совершали нападения ежегодно, а иногда и дважды в год. Речь идет не о мелких изолированных операциях, но о планомерных военных действиях, рассчитанных на то, чтобы измотать и уничтожить силы противника, опустошить страну и деморализовать население.[2] В этих сражениях с 1464 г. отличился в качестве турецкого полководца Балабан-паша — родом албанец, один из тех, кого еще в детстве турки увели с родины и воспитали в рядах янычар. Хотя Балабан-паша был разбит Скандербегом в ряде битв в Дибре, на равнине Валиказды, у Охридского озера, он искусно маневрировал и спасал свое войско от полного разгрома.

Весной 1466 г. Магомет II принял решение начать большой поход на Албанию, являвшуюся после падения Боснийского королевства в 1463 г. единственным непокоренным балканским государством, преграждавшим туркам путь на Запад. Собрав, как обычно при больших походах, своих военных феодалов из Азии и Европы, султан проник в Албанию через проход Кафа-Тханес и долину реки Шкумби. Албанские войска и на этот раз отступили, не завязывая сражения, но продолжая совершать нападения и внезапные налеты. Чтобы обеспечить тылы и снабжение войск, расположенных в долине Тираны, султан повелел восстановить старинную крепость Валми, стоявшую как раз в том месте, где река Шкумби вырывается из горного ущелья. Новую крепость, построенную на развалинах старой, снабдили сильным гарнизоном и населили людьми, согнанными туда по принуждению. Она получила название Эльбасан.[3]

В осажденной турками Круе Скандербег посадил сильный гарнизон, а главные албанские силы так же, как и во время первой осады,

---

[1] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 380.

[2] G. Muzaki. В кн.: K. Hopf. Chroniques. . ., стр. 275.

[3] Critobulos. В кн.: J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 222—227.

остались за пределами Круи и продолжали наносить осаждавшим тяжелые потери. Несмотря на большое количество войск, окруживших город, и на тяжелую артиллерию, туркам не удалось справиться с героическим городом. С приближением зимы султан снял осаду и удалился с главной частью армии, оставив в Эльбасане Балабана-пашу с достаточным количеством войск для того, чтобы продержаться зиму и обеспечить блокаду Круи.

Основание Эльбасана как опорного пункта, позволяющего держать Крую в постоянной блокаде, означало ухудшение военной обстановки для Албании. Необходимо было немедленно принимать какие-то меры. Албанские войска тотчас же начали действия против Эльбасана, а Скандербег выехал в Рим и Неаполь, отправив других послов в Венецию просить о помощи и прежде всего о предоставлении ему технических средств, необходимых для того, чтобы завладеть такой крепостью, как Эльбасан. Народные массы оказали Скандербегу в Риме восторженный прием, так как слава его гремела уже по всему свету.[1] Но ни Венеция, ни Неаполь не желали участвовать в предприятии, требовавшем крупных военных сил. Папа Павел II, который «был слишком скуп, чтобы дать ему деньги для вербовки солдат»,[2] ограничился суммой, о которой, по утверждению одного писателя того времени, «никакой христианин не может упомянуть, не краснея».[3]

Весной 1467 г. военные действия возобновились. Балабан-паша вновь начал осаждать Крую, а тем временем из Македонии шла ему на помощь новая турецкая армия. Но Скандербег опередил турок и разгромил их, не дав соединиться с войсками, осаждавшими Крую. Вооруженные силы Балабана, деморализованные этим поражением, разгромлены были в другом сражении, а сам Балабан пал под стенами Круи. Не бóльшая «удача» ожидала и Магомета II, который через несколько месяцев в третий раз осадил Крую.[4] Пока у города

[1] L. Pastor. Geschichte der Päpste, II. Freiburg, 1926, стр. 361.

[2] К. Маркс. Хронологические выписки, II. Архив Маркса и Энгельса, VI, стр. 208.

[3] F. Sansovino. Dell'historia universale dell'origine et imperio di Turchi. Venetia, 1564, стр. 479.

[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., док. 310.

происходили бои, султан опустошал окрестные районы, вплоть до подступов к Лешу, и совершил нападение на Дуррес и на крепость Псуриллу, на побережье, откуда снабжалась Круя. Но и на этот раз орлиное гнездо оказало геройское сопротивление и захватчикам пришлось с позором отступить.

Новые победы албанцев вызвали в Европе волну энтузиазма. Положение же Албании все продолжало оставаться серьезным. Опустошенная страна обнищала, силы народа иссякли. Помощь из-за границы, главным образом из Венеции (несколько сот солдат, включенных в гарнизон Круи), оказалась совершенно недостаточной. В начале 1468 г. неприятель начал атаки с другого направления, от Коссова и Черногории в сторону Шкодера.[1] С неутомимой энергией принимал Скандербег необходимые в связи с создавшимся положением меры. В Леше намечалось созвать новое собрание для принятия чрезвычайных решений. Но внезапно Скандербега настигла болезнь, и герой умер в 1468 г. в Леше, где и был погребен.

Смерть Скандербега глубоко опечалила албанский народ, ее ощутила также и вся Европа. Однако борьба продолжалась. Иоанн, сын Скандербега, был еще слишком молод, чтобы заменить отца. Вместе с матерью он покинул страну и нашел убежище в Неаполитанском королевстве. Во главе албанских вооруженных сил стал теперь Лек Дукадьин, чьи владения отныне находились под прямой угрозой турецких набегов, целью которых был на этот раз горный узел Севера, также крепости, защищавшие эту зону, Круя, Леш, Дришти, Шкодер.

Венецианцы понесли в Греции в 1470 г. тяжелые поражения от турок и продолжали борьбу в Албании лишь ради обеспечения себе лучших мирных условий. В Албании они держали незначительные силы, расположенные гарнизонами в оставшихся еще в их руках крепостях. Защищать эти крепости выпало на долю албанских войск, продолжавших борьбу до конца, несмотря на то, что Венеция ограничивалась в лучшем случае поддержкой. Пока продолжалась осада Круи, которую османы могли взять только измором, турецкое войско, поддержанное с моря флотом, направилось в 1474 г. к Шко-

---

[1] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 156.

деру.[1] Магомет II торопился сломить сопротивление Албании, чтобы приступить к осуществлению своей давнишней мечты — нападению на Италию. Но нападающие снова потерпели поражение.

Лето 1478 г. ознаменовалось падением еще державшихся албанских городов. Крупные военные силы турок, под командованием самых лучших полководцев, повели наступление на Албанию и стали лагерем под Круей, Лешем, Дришти и Шкодером.[2] Прибыл и сам султан. Круя, обессиленная многолетней осадой, была наконец сломлена, — но голодом, а не вражеским оружием. Защитники ее 16 июня 1478 г. приняли предложение султана и сдали ему крепость, выговорив себе право уйти свободными и с воинскими почестями. Но турецкие начальники не сдержали своего слова и предательски напали на героических защитников, покидавших город вместе со своими семьями, которых частично перебили, частично захватили и продали в рабство. Ненависть к Круе у турок была так сильна, что они хотели уничтожить даже имя города, тщетно пытаясь навязать ему новое — Акгиссар (Белая крепость).

Тем временем у Шкодера сконцентрировались очень крупные силы турок, замкнувших город в железное кольцо. Осаждающие отливали на месте орудия крупного калибра, одно из которых обстреливало город ядрами весом до 600 килограммов. Османская артиллерия могла выпускать на Шкодер более 178 ядер в день — это было дотоле неизвестное в Европе достижение военной техники. В стенах Шкодера пробивались бреши и через них осаждающие проникали в город, но всякий раз их оттесняли бесстрашно оборонявшиеся скутарийцы. Турецкой армии удалось завладеть лишь небольшими крепостцами, расположенными вокруг Шкодера. Тем временем венецианский командующий оставил Леш, предав его огню, но не начав борьбы. Там турки завладели могилой Скандербега: янычары извлекли его кости и наделали из них амулетов от пуль. Лишь с очень тяжелыми боями удалось туркам завладеть крепостями Дришти и Жабляк (на подступах к восточному берегу Скутарийского озера),

---

[1] G. Merula. Bellum Scodrense. Venetia, 1474.

[2] M. Barletius. De obsidione Scodrensi. Venetia, 1504, стр. 37.

которые до того прикрывали город Шкодер с флангов. Но время шло, и приближалась зима. Такая огромная армия не могла зимовать на равнине. С каждым днем все учащались нападения малиссоров (горцев) из горных районов Албании.[1] На военном совете султан решил увести из-под Шкодера бóльшую часть своего войска. Летописец того времени передает, что, уходя, султан воскликнул: «О, если бы мне никогда не слышать названия Шкодер!».[2] Под Шкодером оставалась лишь незначительная часть войска, чтобы зимой наблюдать за городом.

Тем временем, Венецианский сенат, видя, что продолжать войну стóит дорого, а выиграть ее нет никакой надежды, вступил в переговоры с султаном. 26 января 1479 г. был подписан мирный договор, по условиям которого Венеция отдавала туркам все города, которыми она владела в Албании, исключая Дуррес и Улькин. Так Шкодер, героически защищавшийся до самого конца, был вынужден сдаться, причем его защитники выговорили себе право свободно покинуть город с оружием и имуществом. Чтобы не стать рабами турок, последние жители города оставили его и перебрались в Венецию.[3]

---

[1] M. Barletius. De obsidione. . ., стр. 68—69.

[2] M. Barletius. De obsidione. . ., стр. 60.

[3] J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, II. Hamburg, 1840, стр. 432—441.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОВЕСТЬ О НАРОДНОМ ГЕРОЕ АЛБАНИИ И ЕЕ ИСТОЧНИКИ

I. Среди рукописных книг XVII в., хранящихся в настоящее время в крупнейших советских библиотеках и в архивных учреждениях, до сих пор не обращало на себя внимание исследователей литературное произведение, носящее название «Повесть о Скандербеге, князе албанском». В повести рассказывается о жизни и деятельности народного героя Албании Георгия Кастриота (1404/5—1468), пятьсот лет тому назад возглавлявшего в течение четверти века героическую борьбу албанского народа за свою свободу и независимость.

Имя Георгия Кастриота, прозванного турками Скандербегом,[1] было хорошо известно за пределами его родины: уже в XVI в. его биографию читали в Италии, Германии, Франции, Испании и во многих других странах Европы. Хорошо знали биографию Скандербега также народы соседних с Албанией славянских стран, принимавшие участие в борьбе с турецкой агрессией. Источниками сведений о жизни и деятельности Скандербега были устные народные предания, воспоминания и записки его современников, собранные в сочинениях албанских авторов — первых биографов Скандербега.

Наиболее ранним из этих сочинений считается книга анонимного автора, уроженца албанского города Антивари, по названию которого он обычно именуется «Антиварино». Книга Антиварино была найдена в середине XVIII в. итальянским священником из города Брешии Джиаммариа Биемми. В 1742 г. Биемми опубликовал свое со-

---

[1] См. комментарий, стр. 168.

чинение «История Георгия Кастриота Скандербега»,[1] в котором широко использовал книгу Антиварино и подробно описал ее. По словам Биемми, книга Антиварино была в очень плохом состоянии: без начала и конца, со многими утраченными листами. На титульном листе значилось: «История Скандербега, составленная в Венеции некиим албанцем, изданная стараниями и средствами Эрарда Радольта Аугсбургского в 1480 г. по рождестве Христовом 2 апреля в правление Иоанна Мочениго, знаменитого дожа».[2] Неизвестный автор этой книги сообщал, что он описывает все события со слов своего брата — одного из военачальников албанской армии, участвовавшего в боевых операциях Скандербега. Большинство исследователей считает, что автором книги является архиепископ города Дураццо (ныне город Дуррес, в Албании) Паоло Анджело, уроженец города Антивари, брат которого — Пьетро Анджело — служил в албанской армии. Сам Паоло Анджело также хорошо знал Скандербега и был расположен к нему, о чем говорится во всех версиях биографии Скандербега, в том числе и в публикуемой в настоящем издании древнерусской повести. К албанским источникам относится также краткая биография Скандербега, написанная его казначеем Деметрио Франко, сопровождавшим Скандербега во время его поездки в Рим и Неаполь в 1466 г. Книга Франко, написанная, вероятно, на латинском языке, дошла до нас лишь в итальянских переработках XVI в.[3]

Книга Антиварино, так же как и сочинение Франко, не раз вызывала сомнение в своей подлинности, так как кроме Биемми и

---

[1] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto, detto Scanderbegh. Brescia, 1742.

[2] Historia Scanderbegi, edita per quendam Albanensem, Venetiis, impressa industria atque impensa Erardi Radolti de Augusta, anno Domini 1480, die 2 mensis Aprilis, ducante Ioanno Mocenygo, inclyto Duce.

[3] Например: Gli illustri et gloriosi gesti, et vittoriose impresse, fatte contra turchi, dal sig. d. Giorgio Castriotto, detto Scanderbeg, prencipe d'Epiro. Venetia, 1591. — Названное издание имеется в Государственной Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. В научной литературе обычно цитируется другое, более раннее издание (см. статью А. Буда, стр. 69). Однако поиски этого издания в библиотеках Москвы, Ленинграда, Киева и других городов не увенчались успехом.

какого-то итальянского автора, впервые переработавшего книгу Франко, никто не видел этих изданий в подлинниках; однако события, излагаемые в них, и некоторые даты подтверждаются другими источниками, в том числе архивными документами. Поэтому почти все исследователи истории Скандербега ссылаются на книги Антиварино и Франко.[1]

Наибольшую известность получила монументальная биография Скандербега, написанная его младшим современником Марином Барлетием (1450—1512),— единственная из древних биографий Скандербега, дошедшая до нас в подлиннике — в издании, вышедшем при жизни автора. Поэтому на ней остановимся подробнее.

Барлетий был уроженцем албанского города Шкодера (отсюда его другое, более распространенное в средние века имя — Марин Скадранин). В 1479 г., после захвата турками его родного города, он эмигрировал в Италию. Здесь вышли его две книги: о завоевании турками Шкодера[2] и биография Скандербега.[3] Широкая известность и повсеместное распространение последней книги свидетельствуют о популярности имени Скандербега в странах Западной Европы. До

[1] Наиболее веские доводы против подлинности книги Антиварино, по которой писал свое сочинение Биемми, были выдвинуты в работах Ф. Бабингера и К. Оли. Последний обращает внимание на то, что ни в одном из довольно многочисленных каталогов итальянских библиотек не значится книга, найденная Биемми, который, по приводимым этим автором сведениям, был уже в XIX в. уличен в фальсификации двух брешианских хроник (F. Babinger. Ein erdichtetes Werk über Skanderbeg. Forschungen und Fortschritte, № 11, 1934; K. Ohly. Eine gefälschte Radoltinkunabel. Guttenberg Jahrbuch, 1933, стр. 53—61).

[2] M. Barletius. De obsidione Scodrensi. Ad Leon. Lauretanum, Aristocratiae Venetae principem. Conciones variae a Meumethe Turcarum principe et ab allis militiae praefectis artificiose compositae. Impressum Venetiis per Bernardinum Venetum de Vitabilis. Anno Domini 1504, die 10, mense Janyarii.

[3] M. Barletius. Historia de vita et gestis Scanderbegi, Epirotarum principis. Roma. — Это первое издание, в настоящее время чрезвычайно редкое, имеется в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в дальнейшем будет обозначаться ГПБ) в Ленинграде. Как указывает титульный лист, воспроизводимый в настоящем издании, книга посвящена внуку Скандербега Фердинанду Кастриоту. Она была напечатана в Риме, вероятно, между 1508 и 1510 гг.

конца XVI в. история Скандербега, сочиненная Барлетием, выдержала четыре издания в подлиннике[1] и была переведена в том же столетии на немецкий, итальянский, португальский, французский, кастильский, английский[2] и польский[3] языки.

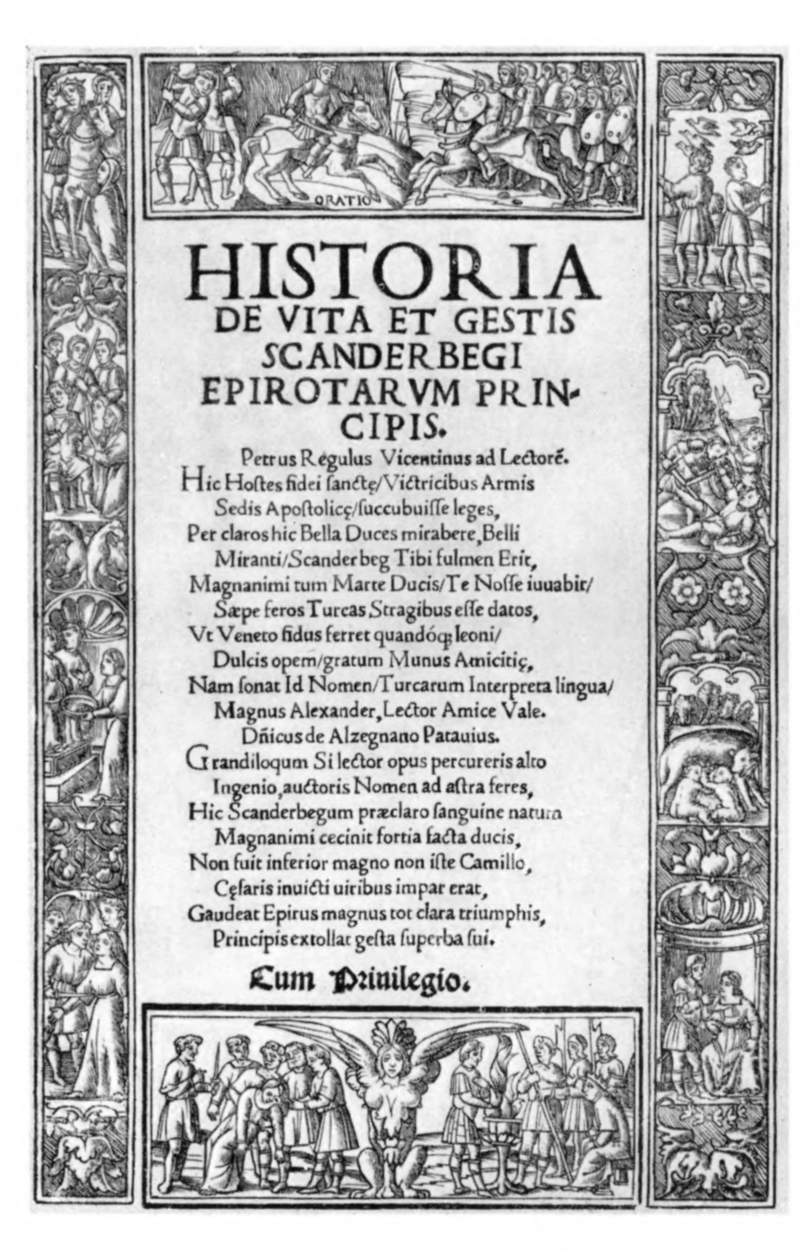
[1] Второе издание: M. Barletius. De vita, moribus ac rebus praecipue adversus Turcas gestis Georgii Castrioti, clarissimi Epirotarum principis, qui propter celeberrima facinora Scanderbegus, hoc est Alexander Magnus, cognominatus fuit, libri tredecim, nunc primum in Germania castigatissime editi Argentorati apud Cratonem Milium, mense octobri, anno 1537. — Оно имеется в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве и в ГПБ. Третье издание вышло в Страсбурге в 1557 г. (о нем см.: F. Manek, G. Pekmezi, A. Stolz. Albanesische Bibliographie. Wien, 1909; E. Legrand. Bibliographie Albanaise. Paris, 1912). В 1578 г. оба сочинения Барлетия были включены в последнюю часть трехтомной хроники Филиппа Леоницера, экземпляр которой имеется в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Книга озаглавлена: Chronicorum turcicorum in quibus Turcorum origo, principes, imperatores, bella, proelia, caedes, victoriae, reique militaris ratio et caetera huc pertinentia, continuo ordine et perspicua brevitate exponitur... et caet. Frankfurt a. Main, 1578. — Второе издание этой же хроники вышло в 1584 г.

[2] Перевод на немецкий язык, сделанный Иоганном Пиницианусом, был впервые издан в 1533 г. (Des aller streytparsten und theüresten Fürsten und Herrn Georgen Castrioten genannt Scanderbeg...) и затем неоднократно переиздавался. Он вошел также в некоторые из немецких хроник XVI в. (например: H. Müller. Türkische Chronica... Frankfurt a. Main, 1577; P. Albinus. Neue Meysnische Chronica. 1580). Сведения об итальянском переводе, сделанном П. Рокка и опубликованном в Венеции в 1554 г., имеются в указанных выше (стр. 96, прим. 1) библиографических справочниках. Португальский перевод, сделанный Франциско Дандраде, был опубликован в 1567 г. (Chronica do vileroso principe e invencivel capitão Jorge Castrioto, Senhor dos Epirenses on Albanenses... escrita em latim por Marino Barlecio...). С этого перевода Хуан Охоа де Ласалде в 1588 г. сделал перевод на кастильский язык (Chronica del esforçado principe y capitan Jorge Castrioto, Rey de Epiro, o Albania...). В 1576 г. в Париже впервые публикуется французский перевод истории Скандербега, сделанный Жаком Лаварденом (J. de Lavardin, seigneur du Plessis-Bourrot. Histoire de Georges Castriot...). До конца XVI в. перевод Лавардена издается еще два раза (1593 и 1597 гг.). С него же был сделан перевод биографии Скандербега на английский язык (L. I. Gentleman. The historie of George Castriot, surnamed Scanderbeg, King of Albanie... London, 1596).

[3] Перевод на польский язык, выполненный Киприаном Базиликом из города Серадза, вышел в 1567 г. (Historia o żywocie i zacnych sprawach Jerzego

Портрет Скандербега из 1-го издания книги М. Барлетия.

(Государственная Публичная библиотека в Ленинграде).



HISTORIA DE VITA ET GESTIS SCANDERBEGI EPIROTARVM PRINCIPIS.

Petrus Regulus Vicentinus ad Lectorẽ.

Hic Hostes fidei sanctę/Victricibus Armis
Sedis Apostolicę/succubuisse leges,
Per claros hic Bella Duces mirabere,Belli
Miranti/Scanderbeg Tibi fulmen Erit,
Magnanimi tum Marte Ducis/Te Nosse iuuabit/
Sæpe feros Turcas Stragibus esse datos,
Vt Veneto fidus ferret quandoq; leoni/
Dulcis opem/gratum Munus Amicitię,
Nam sonat Id Nomen/Turcarum Interpreta lingua/
Magnus Alexander,Lector Amice Vale.

Dñicus de Alzegnano Patauius.

Grandiloqum Si lector opus percureris alto
Ingenio,auctoris Nomen ad astra feres,
Hic Scanderbegum præclaro sanguine natum
Magnanimi cecinit fortia facta ducis,
Non fuit inferior magno non iste Camillo,
Cęsaris inuicti uiribus impar erat,
Gaudeat Epirus magnus tot clara triumphis,
Principis extollat gesta superba sui.

Cum Priuilegio.

Титульный лист 1-го издания книги М. Барлетия.

(Государственная Публичная библиотека в Ленинграде).

Книга Барлетия написана на основании сведений о жизни и деятельности Скандербега, почерпнутых из народных преданий и песен о Скандербеге, из рассказов современников последнего — очевидцев описываемых событий (например, из рассказов упомянутого выше Пьетро Анджело, с которым Барлетий встречался в Венеции) [1] — и, наконец, из некоторых письменных источников, не имеющих подчас прямого отношения к биографии Скандербега. Весь этот обильный фактический и легендарный, действительный и вымышленный материал Барлетий облек в обычную для своей эпохи форму исторического повествования, допустив при этом значительную вольность в трактовке событий и образов. Он переставляет и переосмысляет отдельные эпизоды,[2] стремится драматизировать свое

Kastriota, którego pospolicie Scanderbegem zową. . .). Эта книга, так же как и первое издание книги Барлетия, давно уже является изданием чрезвычайно редким, что помечено на ленинградском экземпляре этой книги ее владельцем еще в XVIII в.

Экземпляр книги Базилика, хранящийся в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, имеет преимущества в отношении полноты и сохранности перед экземпляром ГПБ, где нет некоторых листов в начале. В рукописном отделе Библиотеки Академии Наук СССР (БАН) в Ленинграде имеется рукопись перевода книги К. Базилика на русский язык (указана В. Ф. Покровской). Это объемистый том в 344 л., написанный несколькими крупными писарскими почерками первой половины XVIII в. Рукопись озаглавлена „Гистория о житии и славных делах Георгия Кастриота, его же всенародно Шкандербегом зовут, князя Албанского и Епиренского“. При сличении этого перевода с оригиналом оказалось, что в переводе отсутствуют: предисловие Базилика, выписки из различных авторов о Скандербеге, небольшое обращение Базилика к типографщикам в начале книги, а также вступление к 7-й главе и самый конец (соответствующий последнему листу оригинала). В рукописи имеются многочисленные поправки (в тексте и на полях) другим, более поздним и явно не писарским, почерком — это либо исправление ошибок переписчика, либо правка стиля по польскому изданию или по другому списку русского перевода (рукопись БАН 17. 2. 7).

[1] Ј. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег и Арбанија у XV веку. (Историска грађа). Српска краљевска академија. Споменик XCV, други разред, 74. Београд, 1942, стр. VII.

[2] Примеры см. в комментариях (стр. 182, 195).

изложение, сочиняя пространные и витиеватые речи и послания Скандербега, турецких султанов и даже некоторых второстепенных действующих лиц, заставляя их объясняться цитатами из античных авторов, клясться Геркулесом и т. п. Барлетий излагает также устами своих героев некоторые из имевших хождение в средние века политических теорий и исторических концепций. Так, например, в одном из своих писем султану Скандербег, в книге Барлетия, излагает популярную в средние века теорию «смены царств» и говорит о судьбе Вавилонского, Халдейского, Мидийского, Персидского царств и некоторых других мировых монархий древности. В тексте книги — масса отступлений от основного изложения, главным образом за счет подробного комментирования второстепенных эпизодов,[1] экскурсов по истории упоминаемых в книге стран, городов, крепостей (географическая терминология у Барлетия вообще обильна).

Однако все это не помешало Барлетию создать достаточно выразительные образы Скандербега, его союзников и врагов. Скандербег рисуется Барлетием прежде всего как идеальный «христианский монарх» и как защитник христианства против мусульманства. Такая трактовка образа главного героя подчинена основной идее книги Барлетия — изобразить Скандербега в борьбе с турками не как руководителя национально-освободительного движения албанского народа, а как участника стародавней борьбы христианских народов Европы с исламом. Поэтому Барлетий использует некоторые богословские и церковно-полемические произведения своего времени, главным образом римско-католического происхождения (последнее не является случайным, так как Барлетий был священнослужителем католической церкви). Так, например, он заставляет своего героя в качестве непременного условия мира требовать от турок поголовного принятия христианства. Эта идея пропагандировалась в многочисленных сочинениях римско-католических деятелей — современников Скандербега и, в частности, в посланиях упоминаемого

[1] Например, сообщая в первой главе своей книги о насильственном обращении Скандербега и его братьев в мусульманство, Барлетий подробно описывает этот обряд и приводит сведения о мусульманской иерархии.

в «Повести о Скандербеге» римского папы Пия II.[1] В другом случае, в одной из самых больших и значительных по содержанию речей султана Магомета, обращенных к его полководцам, отразилось отношение к народам Европы некоторых турецких и туркофильствующих византийских хронистов XV—XVII вв., характеризовавших их как сборище пьяниц, лентяев, бахвалов и совершенно неопытных в воинском деле людей.[2] Все это находится в явном противоречии с описанием блестящих побед албанцев, венгров и поляков над турецкой армией в той же книге Барлетия. Эти противоречия и домыслы не могут, однако, заслонить от читателя созданный Барлетием монументальный и величественный образ Скандербега — вождя и любимца своего народа, защитника и освободителя порабощенных турками народов Балканского полуострова. Объяснить это можно только тем, что Барлетий, вынужденный эмигрировать в Италию после захвата турками Албании, оставался горячим патриотом (что доказывает не только его книга о Скандербеге, но и книга об осаде Шкодера). Составленную Барлетием историю жизни Скандербега пронизывает струя народного творчества — отзвуки тех многочисленных сказаний, легенд и песен о народном герое Албании, которые до наших дней бытуют на его родине.[3] Произведения народного творчества дали Барлетию прежде всего материал для первых глав его книги, посвященных детству и отрочеству Скандербега (сведения об этом периоде жизни народного героя Албании до сих пор остаются весьма скудными). В книгу Барлетия попадает распространенный в фольклоре многих народов и стран сюжет вещего сна матери героя перед его рождением — сна, который, по словам Барлетия, растолковывают отцу Скандербега жрецы Аполлона. К таким же распространенным в фольклоре сю-

---

[1] Об этом см.: G. Voigt. Enea Silvio Piccolomini als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter, I—III. Berlin, 1856—1863.

[2] Так писали о европейских народах, и в первую очередь о славянах, некоторые византийские и турецкие хронисты — Критовул, Ашик-паша-заде, Саад ед Дин и другие (см. комментарий, стр. 215).

[3] Несколько эпических поэм и народных песен о Скандербеге было опубликовано в вышедшем в 1954 г. сборнике „Албанская поэзия“ (Гослитиздат, М.).

жетам относится упоминание о родимых пятнах на теле Скандербега, о признаках воинской доблести, проявленных им уже в младенчестве, о его необыкновенной физической силе и красоте.

В биографию Скандербега вводятся Барлетием не только эти общераспространенные фольклорные мотивы, но целый ряд легенд и преданий, связанных исключительно с именем народного героя Албании. К ним относится рассказ об отдаче в заложники турецкому султану Скандербега и его братьев, некоторые эпизоды пребывания Скандербега при турецком дворе, история его возвращения на родину.

В описании этих эпизодов, а также и в дальнейшем изложении биографии Скандербега постоянно встречаются образы, эпитеты и сравнения народно-поэтического происхождения. Таковы, например, сравнения Скандербега с натянутым луком при описании поединка с татарином, осажденных в крепости — с овцами, прячущимися от волка, турок — со змеей, которую не следует класть за пазуху, и многие другие. Из народного творчества заимствованы и некоторые приемы вещевой символики. Блестящим образцом такого приема является описание ответа Скандербега Балабан-паше, который был по происхождению албанцем и вассалом отца Скандербега. Когда Балабан, отправленный султаном во главе очередного похода в Албанию, пытался подкупить Скандербега, посылая подарки и обещая от имени султана «прощение» и возвращение прежних почестей, он получил от Скандербега ответные «дары». Последний послал ему соху, мотыгу и серп, советуя при этом не воевать на своей родине, но обрабатывать попрежнему ее землю. Наконец, в заключении книги Барлетий приводит целиком слова народного плача по Скандербегу и при этом, очевидно, настолько близко к подлинному плачу — жанру, весьма распространенному в албанском фольклоре,[1]

[1] Обычай оплакивать покойников сохранился в некоторых районах Албании до наших дней. О народном плаче по Скандербегу сообщает итальянский историк Антонио Сабеллико. Он пишет, что албанские девушки после смерти Скандербега каждый восьмой день собирались на городских площадях и пели песни, оплакивавшие его кончину. (A. Sabellicus. Historiae rerum venetarum ab urbe condita. Libri XXXIII in IV decades distributi. Basiliae, 1669, стр. 568).

что этот кусок текста по содержанию и языку не соответствует характерной для Барлетия манере изложения (об этом подробнее см. в комментарии, стр. 224—225).

Трактовка Барлетием личности Скандербега как идеального, по понятиям средневековых историографов, «христианского монарха» была подхвачена западноевропейскими интерпретаторами биографии народного героя Албании, которые в значительной степени исказили его образ. Ярким примером такого искажения является французская версия биографии Скандербега, посвященная ее автором — французским дворянином Ж. Лаварденом — королю и «благородному дворянству».[1] Здесь суровый и закаленный в боях воин Скандербег, деливший, по словам современников, со своими войсками все трудности непрерывных походов и боев, выступает перед читателями окруженным блестящей свитой и не лишенным даже черт галантности.[2] Однако Скандербег стал героем не только небольших аристократических, изящно оформленных книжечек, какой является книга Лавардена, и не только массивных фолиантов немецких или испанских хроник XVI в., порой прикованных цепями к своим местам в библиотеках замков и монастырей. В народе ходили по рукам многочисленные скромно оформленные брошюрки, посвященные борьбе европейских народов с турецкой агрессией, в которых часто рассказывалось о героических подвигах албанского народа и его вождя. Как и все популярные, ходившие по рукам среди самых широких читательских кругов издания, эти книжки сохранились в очень незначительном количестве и являются в настоящее время библиографической редкостью.[3]

---

[1] J. de Lavardin. Histoire de Georges Castriot... Paris, 1576.

[2] Биография Скандербега в интерпретации Лавардена получила в европейских странах не меньшее распространение, чем перевод книги Барлетия на немецкий язык. Она много раз переиздавалась в XVI и XVII вв., была переведена на английский и некоторые другие европейские языки, на которых также выдержала ряд изданий.

[3] Несколько таких брошюрок хранится в отделе редких книг Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. Например: 1) J. L. Vives. Wie der Türck die Christen halten so under im Leben. Strassburg, Balthasar Becken, 1532; 2) Beschreibung der kaiserlichen Statt Konstantinopol. Aus Italianischem verteutscht, 1543.

Популярность имени Скандербега в Европе, слава о нем, докатившаяся к концу XVI в. до далеких от Албании Британских островов, привлекла к книге Барлетия внимание исследователей, и уже в XVII в. вокруг вопроса о достоверности этой книги началась полемика, продолжающаяся до наших дней. Полемика вокруг книги Барлетия прежде всего заставила его критиков и защитников для подтверждения своих доводов заняться разысканиями архивных и документальных данных о жизни и деятельности Скандербега; эти материалы собраны в настоящее время в количестве, достаточном для того, чтобы не только проверить Барлетия, но и восстановить в общих чертах подлинную биографию народного героя Албании.

Первым критиком Барлетия выступил в 1680 г. французский историк церкви Анри де Спонд, выразивший сомнение в достоверности некоторых фактов биографии Скандербега, сообщенных Барлетием, особенно в первых главах его книги. Анри де Спонд первый назвал Барлетия восторженным панегиристом Скандербега, а его книгу — далекой от исторической действительности.[1] Его соотечественник Жан Дюпонсэ, не возражая против обвинения Барлетия в несоответствии некоторых из сообщенных им фактов биографии Скандербега с исторической действительностью, пытался объяснить это спешкой, с которой Барлетию пришлось писать свою книгу. Однако Дюпонсэ считает, что далеко не все в биографии Скандербега придумано Барлетием; в доказательство этого он приводит некоторые документальные источники, например письма папы Каллнкста III.[2]

Критика Барлетия, начатая де Спондом и некоторыми другими исследователями, была продолжена и развернута Биемми, который не только противопоставил Барлетию открытого им Антиварино, но и привлек значительный материал из сочинений современников

---

[1] H. Spondanus. Annalium ecclesiasticorum eminent, cardinalis Caes. Baronii Continuatio, II. Lugdunus, 1678, стр. 107 и сл.

[2] J. N. Duponset. Histoire de Scanderbeg Roy d'Albanie. Paris, 1709, стр. IX и сл.

Скандербега — его соотечественников (Франко), а также итальянских и византийских историков (Волатеррано, Понтано, Филельфо, Ринальди, Сагредо, Халкокондила и других).

Работы А. де Спонда, Дж. Биемми и некоторых других французских и итальянских ученых, наряду с распространением в европейских странах переводов книги Барлетия, привлекли к ней внимание еще более широкого круга ученых, среди которых появлялось все больше и больше критиков Барлетия. Его упрекали если не в сознательной подтасовке фактов биографии Скандербега, то в их чрезвычайном приукрашивании. Известный английский историк Э. Гиббон считал, например, что Барлетий «облек Скандербега в пышные и тяжелые одежды, разукрашенные многочисленными фальшивыми драгоценностями»,[1] т. е. сделал его скорее театральным, чем действительным героем. Еще дальше пошел немецкий ученый Фойгт, автор монументальной биографии папы Пия II, сыгравшего в борьбе Скандербега с турецкой агрессией весьма непривлекательную роль. Упоминая об итальянском походе Скандербега, Фойгт не только называет книгу Барлетия «лживой» и полной «хвастовства», но и характеризует воинов Скандербега, способных якобы успешно воевать только у себя на родине, как «шайку разбойников», угоняющих скот, нарушающих правила гостеприимства. Вопреки историческим фактам Фойгт утверждает, что вмешательство Скандербега вообще не оказало никакого влияния на исход борьбы за неаполитанский престол.[2]

Приведенные примеры показывают, как далеко заходили в своих выводах критики Барлетия и как далеки они бывали подчас от исторически справедливой оценки деятельности Скандербега.

В полемике вокруг книги Барлетия и ее героя значительное место принадлежит русским ученым, которыми был открыт и введен в научный оборот ряд новых документов о жизни и деятельности Скандербега.

---

[1] E. Gibbon. The history of the decline and fall of the roman empire, VIII. London, 1903, стр. 135, прим. 36.

[2] G. Voigt. Enea Silvio Piccolomini. . ., III, стр. 159, прим. 1.

Еще в 1844 г. профессор Казанского университета В. И. Григорович обнаружил в архиве сербского Хиландарского монастыря на Афоне важные документы, относящиеся к биографии отца Скандербега.[1] Больше же всего обнаружил и опубликовал документов о Скандербеге профессор Варшавского университета В. В. Макушев (1837—1883), работавший в архивах Милана, Венеции и других итальянских городов.[2]

В работах Макушева следует отметить, однако, один, но весьма существенный недостаток: так же как де Спонд, Гиббон и некоторые другие западноевропейские ученые, он скептически относится к значению борьбы албанского народа с турецкой агрессией, стремится принизить роль Скандербега в этой борьбе, «разоблачить» его биографов. Относительно последних В. В. Макушев вслед за Гиббоном пишет, что «сподвижники Скандербега создали из него какого-то мифического героя древности», а «писатели позднейшие... повторили без всякой критики басни, сочиненные в XVI в.».[3] Столь ярко выраженная тенденциозность в характеристике важнейших источников биографии Скандербега, какими являются сочинения о нем его современников и соплеменников, в большой степени снижают ценность выводов В. В. Макушева из собранного им обильного документального материала, значение которого для исследователей жизни и деятельности Скандербега трудно переоценить.

После В. В. Макушева историей Албании попутно занимался еще ряд других русских славистов (П. А. Ровинский, В. В. Каченовский, И. С. Ястребов, А. М. Селищев). Всем им свойственна в той или

---

[1] В. И. Григорович. Очерк ученого путешествия по европейской Турции. Казань, 1848.

[2] В. В. Макушев. 1) Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варш. унив. изв., № 5, 1871 (имеется отдельный оттиск); 2) Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. Сб. Отд. русского яз. и словесности Ак. Наук, VIII, № 4, 1871; 3) Исторические памятники. Monumenta historica slavorum meridionalium vicinorumque populorum, I. Varsava, 1874; 4) Историjски споменици jужних словена и околних народа. Гласник српског ученог друштва, II, 1882, Београд.

[3] В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 80.

иной мере панславистская (чаще всего просербская) тенденциозность, но их труды нельзя игнорировать из-за собранных ими ценных материалов о Скандербеге, как документальных, так и фольклорных.[1]

Полемика вокруг книги Барлетия, начавшаяся со спора о достоверности этой книги, в XVIII—XIX вв. перешла в спор об историческом значении борьбы албанского народа с турецкой агрессией, отразила отношение буржуазных западноевропейских и русских ученых к истории турецкого завоевания стран Балканского полуострова. Кровавый поток турецкой агрессии, несший народам юго-восточной Европы нищету, разорение и рабство, представляется некоторым из этих ученых «мирным врастанием» турок в завоеванные ими страны при отсутствии сопротивления со стороны покоренных народов. При этом обычно подчеркивается превосходство общественно- экономического строя Турецкой империи перед общественно-экономическим строем завоеванных ею народов. Эта антиисторическая и лженаучная концепция, получившая особенно широкое распространение в работах ряда современных реакционных ученых, не нова и не оригинальна. Еще византийские и итальянские историки XV в., напуганные падением Константинополя и крушением Византийской империи, страшась вторжения турок в Европу, пытались приуменьшить размер этой опасности, распространяя версию о «гуманизме» турок, об их чуть ли не «просветительной» миссии. Вот, например, какой «портрет» турецкого султана Магомета II, учинившего кровавую расправу над населением завоеванного им Константинополя, рисует очевидец этих событий — венецианский дипломат Николо Сангундино: «Нрава он

---

[1] И. С. Ястребов (Стара Сербия и Албания. Српска краљевска академиjа. Споменик XLI, разред 2. Београд, 1904, стр. 243), например, собирал материалы по истории Албании, знакомился в подлинниках с турецкими источниками для того, чтобы написать историю Скандербега, которому он успел только посвятить специальную главу в своей книге. Тем не менее в оценке сочинения Барлетия он — продолжатель Макушева. Не зная изданий книги Барлетия ранее 1573 г., Ястребов считает, что многие „противоречия, несообразности и очевидные басни“, встречающиеся, по его мнению, в этой книге, были внесены в нее после смерти автора издателями. Он считает, что всего этого Барлетий не мог сделать уже потому, что был священником.

меланхолического, роста среднего, вида почтенного. На лице его изображены свойственные ему человеколюбие и кротость, хотя он свирепствует против христиан из ненависти к ним. Ума он быстрого и проницательного... жизнь ведет воздержанную и умеренную до невероятности... не знает ни роскоши, ни чувственных удовольствий, ни чревоугодия, ни охоты, ни пляски, ни песен... не предается он по обычаям своего народа пирам и попойкам... Он находит возможным уделять время литературе и наукам... Его идеалы — Александр Македонский и Юлий Цезарь, описание подвигов коих он велел перевести на турецкий язык...» и т. д. и т. п.

И этот безудержный панегирик В. В. Макушев, по книге которого цитируется приведенный отрывок, считает «верным портретом» султана Магомета, не замечая даже такого вопиющего противоречия этой характеристики, как аттестация в одной фразе султана «человеколюбивым и кротким», а в следующей фразе свирепым ненавистником «христиан».[1]

Приведенный пример иллюстрирует методы исследования не только В. В. Макушева, но и ряда других буржуазных ученых — критиков Барлетия, которые стремятся всеми возможными средствами, вплоть до использования явно враждебных по отношению к Скандербегу источников, снизить значение его борьбы с турецкими захватчиками.

В числе таких источников критиками Барлетия привлекаются подчас свидетельства врагов Скандербега из числа албанских феодалов, итальянских, византийских и даже турецких историков. В этих источниках критики Барлетия стараются найти свидетельства, компрометирующие личность и дела народного героя Албании, возглавившего борьбу своего народа за свободу и независимость. Однако даже беглое знакомство с некоторыми источниками, используемыми критиками Барлетия, убеждает нас прежде всего в их крайней тенденциозности.

Как можно, например, верить некоему Иоанну Музаки — албанскому князю, написавшему историю своего рода, цель которого — до-

[1] В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 90—92.

казать исконные права дома Музаки на владение Албанией? Естественно, что Скандербег обрисован в этой книге как узурпатор.[1]

Еще более тенденциозны и несостоятельны сообщения турецких и туркофильствующих, а также и некоторых антитурецки настроенных византийских хронистов о Скандербеге, на которых также часто ссылаются критики Барлетия. В турецких источниках Скандербег выводится бунтовщиком и изменником, который восстал против воспитавшего его султана и за это был жестоко наказан.[2] Византийские историки, такие, как Георгий Франдзи из Константинополя, Критовул с острова Имброса, не скрывают своего презрения к «албанским дикарям», хотя и не могут скрыть своего удивления перед победами Скандербега,[3] а Лаоник Халкокондил из Афин, сочувствующий албанскому князю Георгию Арианити Комнену, тестю Скандербега, не скрывает своего враждебного отношения к последнему за его попытку ограничить права албанской феодальной знати.[4]

Несмотря на предубежденность всех этих авторов, на их явное стремление умалить значение борьбы албанского народа за свою свободу и независимость, турецкие и византийские источники биографии Скандербега нельзя игнорировать: они дают иногда важный фактический материал, в них встречаются сведения, отсутствующие в других источниках. Так, например, у Франдзи имеется точная дата смерти Скандербега, у Халкокондила — описание взятия турками албанской крепости Светиграда, изобилующее подробностями, отсутствующими в других источниках.

Несколько сложнее обстоит дело с оценкой итальянских источников биографии Скандербега. Сюда относятся сочинения целого ряда

---

[1] Генеалогию Иоанна Музаки см. в кн.: K. Hopf. Chroniques greco-romaines inédites ou peu connues. Berlin, 1873, стр. 270 и сл.

[2] См. публикацию материалов из турецких хроник в кн.: J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег...

[3] Critobulos Imbriotes. Libri quinque de rebus gestis Mechemetis II. Fragmenta historicorum Graecorum. Ed. Müller, Paris, 1870.

[4] L. Chalcocondylas. Historiarum libri decem. Corp. script. hist. Byzant. Ed. Bekker, Bonn, 1843.

его современников: Энея Сильвия Пикколомини (он же папа Пий II),[1] Джиованни Понтано, Паоло Джовио, Рафаеля Волатеррано, Антонио Сабеллико и некоторых других авторов. Все они сочувственно. а иногда и восторженно отзываются о Скандербеге, когда речь идет о его борьбе с турками; однако ни у одного из них не освещена двурушническая роль некоторых итальянских государств, в первую очередь Венеции и Неаполитанского королевства, в истории борьбы албанского народа с турецкой агрессией.

Перечисленные примеры достаточно убедительно показывают, что все попытки воссоздания биографии Скандербега, предпринятые некоторыми учеными на основании критики книги Барлетия, не достигли своей цели. Причину этого следует искать прежде всего в недооценке значения борьбы албанского народа с турецкой агрессией и в стремлении во что бы то ни стало и любыми средствами, вплоть до использования явно враждебных по отношению к албанскому народу и его вождю источников, «разоблачить» первых биографов Скандербега. Конечно, албанским патриотам — современникам и «самовидцам» героической и самоотверженной борьбы Скандербега с турками трудно было удержаться от восхваления своего вождя и полководца, слава о котором гремела по всей юго-восточной Европе; однако панегиристическая тенденция албанских источников биографии Скандербега, и в первую очередь Барлетия, внесла в биографию народного героя Албании гораздо меньше домыслов и искажений, чем многолетние и упорные усилия «разоблачителей» Барлетия в различных странах Западной Европы. Последнее доказывается исследованиями современных албанских ученых, в распоряжении которых находится много документальных источников сведений о жизни и деятельности Скандербега.

Изучение жизни и деятельности народного героя Албании на его родине началось очень давно. Еще в тяжелые времена двойного — феодального и национального — гнета первые албанские писатели и поэты, заложившие основы албанской литературы, посвятили свои

[1] Упоминается всеми биографами Скандербега, начиная с Барлетия и кончая неизвестным автором русской повести.

лучшие произведения Скандербегу. Среди них были и основоположник албанской филологии Бардзи, издавший в 1636 г. биографию Скандербега, и знаменитый собиратель албанского фольклора Героним де Рада (1814—1903), и зачинатель новой албанской литературы Наим Фрашери (1846—1900) — автор монументального поэтического сказания о Скандербеге, и многие другие.

Новые возможности для албанских исследователей жизни и деятельности Скандербега открылись после 1912 г., когда 28 ноября, в день взятия Скандербегом албанской крепости Круи, ставшей его резиденцией и городом воинской славы Албании, была провозглашена независимость страны. Албанские буржуазные ученые начали усердно разыскивать, систематизировать и изучать источники биографии Скандербега; и тут, конечно, также не обошлось без ошибок и натяжек. Так, например, албанский поэт, переводчик и историк Фан Стилиан Ноли отрицает наличие феодализма и классовой борьбы в Албании во времена Скандербега,[1] хотя приводимые им же документы свидетельствуют о существовании феодальных отношений и борьбы крестьянства с феодалами, на что указывает другой современный албанский историк — Алекс Буда, занимающийся историей Скандербега, так же как и Фан Ноли, не один десяток лет.[2]

Победа народно-демократического строя в Албании в 1944 г. открыла перед албанскими учеными еще бóльшие возможности для изучения жизни и деятельности Скандербега. Результаты этого изучения, основанного на правильном понимании социально-экономических отношений в Албании в XV в., подтверждают достоверность большинства фактов, сообщенных Барлетием. Эти факты дают историкам народно-демократической республики Албании основания для трактовки борьбы Скандербега как национально-освободительной борьбы, проходившей в труднейших условиях не только из-за огромного материально-технического преимущества противника, но и из-за постоянных измен и вероломства союзников Скандербега как внутри страны, так и за ее пределами.

---

[1] F. S. Noli. George Castrioti Scanderbeg. New York, 1947.

[2] A. Buda. Fytyra e Skënderbeut në dritën e studimeve të reja. Buletin i Institutit të Shkencavet, № 3—4, 1951, Tiranë, стр. 139—164.

Так, пользуясь в числе других источников сочинением Барлетия, современные албанские ученые восстанавливают подлинную биографию Скандербега, в течение трех веков искажавшуюся западноевропейскими интерпретаторами книги знаменитого шкодрийского историографа.[1]

II. Жизнь и деятельность Скандербега были хорошо известны народам соседних с Албанией славянских стран, принимавших участие в его борьбе с турецкой агрессией, и для них книга Барлетия не была единственным источником сведений об албанском народном герое, чем она до XVIII в. являлась для западноевропейских историков. В памяти народов славянских стран — в их преданиях, легендах и песнях — сохранился живой образ Скандербега; песни о нем бытовали, например, в соседних с Албанией районах Черногории еще в конце прошлого столетия.[2] Что касается книги Барлетия, то в существующих библиографических справочниках нет сведений об ее переводах на какой-нибудь из славянских языков ранее середины XVIII в.[3]

---

[1] Большое значение для изучения биографии Скандербега имеет собирание и запись произведений народного творчества. В настоящее время этой работой занят сектор фольклора Института наук в Тиране, подготовляющий публикацию собранных легенд и преданий о Скандербеге (об этом см.: W. Steltner. Zum Geschichtsbild des albanischen Nationalhelden Georg Kastriota genannt Scanderbeg. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, IV, 1956, стр. 1042).

[2] Две такие песни были записаны русским ученым-славистом П. А. Ровинским и опубликованы в его книге: Черногория в ее прошлом и настоящем, II. СПб., 1905, стр. 218—258. — Значительное количество славянских песен о Скандербеге было опубликовано в вышедшей в 1839 г. в Дубровнике книге: A. Kačić-Miošić. Razgovor ugodni naroda slovinskoga... — Подлинность этих песен вызывает, однако, сомнение. И. С. Ястребов (Стара Сербия и Албания..., стр. 243—244) считал, например, эти песни „буквальными переводами Барлетия". Песни, записанные П. А. Ровинским, хоть и отражают те же моменты биографии Скандербега (рассказ о вещем сне его матери, о пребывании его у турок), но значительно отличаются и от песен, опубликованных Кашичем-Миошичем, и от изложения этих эпизодов у Барлетия.

[3] E. Legrand. Bibliographie Albanaise, Paris, 1912; F. Manek, G. Pekmezi, A. Stolz. Albanesische Bibliographie. Wien, 1902. — Любопытно отметить, что в обоих этих справочниках нет указаний на польский перевод книги Барлетия, о котором говорилось нами выше (стр. 96, прим. 3). К сожалению, нам не удалось познакомиться со специальной библиографией литературы о Скан-

Однако это вовсе не значит, что в славянских странах сочинение Барлетия не было известно: здесь оно распространялось в рукописной книжности, в сочетании с местными преданиями и легендами. При этом книга Барлетия на славянской почве также подверглась переработке — и переработке основательной, но только совсем не так, как за Балканами и по другую сторону Адриатики.

Тесные взаимосвязи албанского и славянских народов существовали еще в глубокой древности. Эти народы издавна вместе отражали натиски иноземных завоевателей. В IX и X вв. Албания приняла на себя основной удар походов византийских императоров, будучи составной частью Болгарского царства; в составе Сербского королевства Стефана Душана албанцы в конце XIV в. вступили в длительную и жестокую борьбу с турецкими захватчиками — борьбу, прославившую на века мужественный албанский народ. Во времена Скандербега наиболее тесная связь у Албании установилась с небольшим славянским княжеством Зетой, расположенным у северной границы Албании. Владелец Зеты Стефан Черноевич — сверстник и близкий родственник Скандербега (он был женат на его сестре Маре) — являлся его союзником. Слава Скандербега, обаяние его личности и популярность его имени среди народов Албании и соседних с ней славянских стран, естественно, в какой-то степени отразились и на его соратниках. Следствием этого явилось отождествление Скандербега с Черноевичем в фольклоре Черногории, а позднее и Сербии. Следы этого отождествления обнаруживаются в южнославянской версии биографии Скандербега, на которой следует остановиться подробнее.

Впервые сведения относительно «Повести о Скандербеге-Черноевиче» были опубликованы в 1888 г. П. А. Ровинским в его монумен-

---

дербеге (G. Pétrovitch. Skanderbeg, Georges Castriota. Essai de bibliographie raisonnée. Ouvrages sur Scanderbeg écrits en langues française, anglaise, allemande, latine, italienne, espagnole, portugaise, suèdoise et grecque et publiés depuis l'invention de l'imprimerie jusqu'à nos jours. Paris, 1881). Это редкое издание, вышедшее тиражом всего в 150 экземпляров, отсутствует в библиотеках Москвы и Ленинграда. Но перечень языков в заглавии этой книги дает основание предположить, что ее автор не называет вообще сочинений о Скандербеге на славянских языках.

тальном труде о Черногории,[1] на который мы уже ссылались. Эта повесть была известна П. А. Ровинскому в двух списках: в составе хронографа XVII в. из собрания епископа Порфирия (Успенского), хранящегося в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде,[2] и в сборнике конца XVIII в., находившемся тогда в городе Цетинье (Черногория).[3]

[1] П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, I. СПб., 1888, стр. 704—706.

[2] Шифр этой рукописи — Q IV-341. На ее первом (чистом) листе написано следующее: „Сия летопись куплена архимандритом Порфирием в ските монастыря св. Ксенофонта на св. горе Афонской у монаха Артемия, родом болгарина, языком — заики, у которого один глаз болезненен, в 1846 году в июне месяце". В начале рукописи вплетена тетрадь, написанная мельчайшим полууставом южнославянского письма, содержащая статью „От летописца от Адама и о царех иудейских и римских. Сочинено вкратце" (это заглавие написано киноварью, вязью, после изящной миниатюрной заставки). Далее следует хронограф (лл. 10—283), заканчивающийся статьей „О чешском королевстве кроника". (Этот список хронографа привлекался в качестве варианта к его изданию в Полном собрании русских летописей, т. XXII). Вслед за последней статьей, даже не с новой строки, переписана „Повесть о Скендербегу-Чрноевику, а в святем крещении нареченном Гиоргу". Текст повести, так же как текст всего этого хронографа, изобилует киноварными заметками на полях, комментирующими текст. Среди листов, на которых написана повесть, много пропущенных и перебитых, что значительно затрудняет чтение рукописи. Заканчивается повесть (на листе 302) словами: „Писал о нем (т. е. о Скандербеге, — *Н. Р.*) сия Марин Скадранин — словенин родом, али у латинском языку велми учоный". После „Повести о Скандербеге-Черноевиче" следует статья „О Сасской земле", содержащая краткие сведения по истории Саксонии и ее отдельных городов. Далее — краткие сведения по истории некоторых немецких княжеств, а также по истории Дании, Голландии, Норвегии, Швеции и других западноевропейских стран. Кончается сборник небольшой выпиской „О рыбах и о чудах моря сиверного". (Подробное описание этого сборника имеется в кн.: Отчет Публичной библиотеки за 1883 г. СПб., 1885, стр. 44—46). Важно отметить, что все эти, идущие вслед за повестью статьи в том же порядке приведены и во „Всемирной хронике" М. Бельского издания 1564 г. Последнее наводит на мысль: не имел ли Бельский, составляя свою хронику, в качестве одного из источников какой-то хронограф южнославянского происхождения, по составу близкий к хронографу Порфирьевского собрания, откуда он заимствовал не только одну историю Скандербега?

[3] Более подробно П. А. Ровинский описал эту рукопись в своей публи-

Через два года сербский ученый Чедислав Миятович сообщил сведения еще об одном списке «Повести о Скандербеге-Черноевиче», находившемся в Народной библиотеке в Белграде. Как указывает Миятович, это была отдельная рукопись, переписанная в 1778 г. в сербском Хиландарском монастыре на Афоне, по словам ее писца иеромонаха Феодосия, «с древнего рукописа российского». Однако Ч. Миятович, приводя многочисленные выписки из этой рукописи, вполне убедительно доказывает, что ее оригиналом явился переписанный кем-то из русских текст сербской повести. Последнее подтверждается орфографией, языком, а главное — особенно ярко выраженной в этом списке просербской тенденциозностью. Источниками «Повести о Скандербеге-Черноевиче» Миятович считает сочинения известных уже нам авторов — современников Скандербега: Паоло Анджело, которого Миятович отождествляет с Антиварино и цитирует по публикации Биемми, Франко и, главным образом, Барлетия. К ним составитель сербской повести, по мнению Миятовича, прибавил от себя многочисленные сведения по истории Сербии, стараясь всемерно подчеркнуть роль своего народа в борьбе Скандербега с турецкой агрессией.[1]

П. А. Ровинский в своей книге высказался за необходимость издания «Повести о Скандербеге-Черноевиче» по списку Публичной библиотеки с восполнением имеющихся в нем многих пропусков по цетиньскому списку, и это было сделано в 1906 г. П. А. Лавровым в приложении к его рецензии на труд П. А. Ровинского.[2]

кации: Записка Венецианскому сенату о заслугах черногорцев перед Венецианской республикой. Памятники древней письменности, издаваемые Обществом любителей древней письменности, № 33, СПб., 1882, стр. IV.

[1] Ч. Мијатовић. Српска рукопис о Скандербегу. Српска краљевска академија. Глас XXII, 1890, стр. 13—50. — С Миятовичем согласен современный сербский исследователь И. Радонич (Ј. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. VIII—IX).

[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского „Черногория в ее прошлом и настоящем". Сб. Отд. русского яз. и словесности Ак. Наук, **81**, 1906, стр. 63—112. (Имеется отдельный оттиск). — При сравнении этой публикации с рукописью Публичной библиотеки оказалось, что текст ее передан П. А. Лавровым с исчерпывающей полнотой и точностью. Поэтому в дальнейшем, говоря

Следует заметить, что отождествление Скандербега с Черноевичем проведено в этой повести чрезвычайно поверхностно, непоследовательно и запутанно, что бросается в глаза уже в заглавии: «Повесть о Скендербегу-Чрноевику, а в святем крещении нареченом Гиоргу». Здесь явная несообразность: современником и участником борьбы Скандербега с турками был, как указывалось выше, Стефан Черноевич, а не его внук Георгий — последний из светских правителей Черногории (после его удаления страна стала управляться духовными лицами — своими православными митрополитами). Ни с султаном Магометом II, ни тем более с его отцом Георгий Черноевич воевать не мог, так как родился гораздо позднее. Путаница произошла, очевидно, из-за совпадения имен Скандербега и его внучатого племянника.

В дальнейшем изложении «Повести о Скандербеге-Черноевиче» следы поверхностного и поспешного отождествления этих двух лиц обнаруживаются без особого труда и в значительном количестве. Так, например, в перечне языков, которые изучал Скандербег, наряду с «словенским» указан «арбанашский», т. е. албанский; изучать его Скандербегу, природному албанцу, было так же излишним, как Черноевичу — славянский язык.[1] В посланиях и грамотах Скандербег последовательно называет себя «князем арбанашским», т. е. албанским, кем никто из Черноевичей никогда не был. При перечислении городов, отвоеванных Скандербегом у турок, говорится, что большинство из них принадлежало его отцу; однако ни один из этих городов никогда не принадлежал Черноевичам.[2] Наконец, свою предсмертную речь к сыну Скандербег начинает так: «Сыну мой возлюбленный Иване! Аще господь бог даст тебе отечество твое, землю нашу Албанию...».[3] Такую фразу также не мог произнести кто-

---

относительно „Повести о Скандербеге-Черноевиче“, мы будем ссылаться на эту публикацию (с соблюдением орфографии подлинника, но с раскрытием титлов, с заменой не существующих в современном русском алфавите букв древнеславянского алфавита и с введением пунктуации).

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 64.

[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 68.

[3] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 110—111.

нибудь из Черноевичей, так как Албания никогда не была их отечеством.[1]

Все эти явные натяжки при приспособлении биографии Скандербега к какому-то из Черноевичей не снижают, однако, выдающейся историко-литературной ценности южнославянской версии биографии народного героя Албании. Ценность эта заключается в том, что на славянской почве книге Барлетия была придана прежде всего определенная и достаточно ярко выраженная публицистическая направленность, бросающаяся в глаза с первых же строк этого произведения: «О неразумнии грци и несовршении разумом на последныа дни! О преждьних своих разумех и храборствиих хвалящеся над другие народи, в последок неразумнейших от всех язык явилися есте сущих на земли. . .».[2] Так резко упрекает автор южнославянской повести греков за то, что они в свое время помогли султану Мурату в его борьбе за престол и тем самым вырастили его «на свою погибель».

Выраженная с самого начала тенденциозность южнославянской повести, отсутствующая у Барлетия, не случайна: она может быть объяснена только тем, что это произведение создавалось в условиях жестокой борьбы с турками, в состоянии которой находились народы Балканского полуострова, за исключением греков, еще долго спустя после завоевания турками Албании. Барлетий же издал свою книгу в Италии, связанной с Турцией довольно сложными взаимоотношениями, в которых преобладал страх перед турками и опасение чем-либо раздражить султана. Отсюда та заметная сдержанность, которую проявляет Барлетий не только в отношении к грекам, но и в описаниях турецких нашествий, сопровождавшихся в действительности

[1] Интересно отметить, что в списке Публичной библиотеки оказались даже выскобленными, очевидно, кем-то из читателей-сербов, отдельные слова, слишком уж противоречащие общей и довольно ощутимой просербской тенденциозности этого произведения. Так, например, выскоблено слово, указывающее на болгарское происхождение матери Скандербега (рукопись ГПБ, Q IV—341, л. 248; цетиньский список восполняет этот пробел), а также указание на не совсем благовидный поступок сербского деспота Георгия Бранковича, оказавшего помощь туркам (там же, л. 288 об.) и упоминание о сербах — солдатах турецкой армии (там же, л. 292 об.).

[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского. . ., стр. 63.

грабежом, насилием, истреблением и массовым угоном в Турцию не только пленных, но и мирных жителей. Обо всем этом Барлетий — очевидец захвата турками Шкодера и других городов — не мог не знать.

Еще меньшие возможности были у Барлетия для показа в своей книге двурушнической, подчас прямо предательской политики итальянских государств, особенно Венеции, по отношению к Албании: ему, нашедшему приют в Италии, об этом также говорить было неудобно.

Наконец Барлетий, служитель католической церкви, совсем уже не мог показать соответственно исторической действительности отношение к Скандербегу высшего католического духовенства; эти отношения отмечены стремлением римских пап использовать национально-освободительную борьбу албанского народа в интересах католической церкви. Для этого папский престол постоянно обещал материальную поддержку Скандербегу, но, как правило, не выполнял своих обещаний.

Все эти причины, заставившие Барлетия быть умеренным в характеристике агрессивной политики Османской империи и умолчать о подлинном отношении к Скандербегу итальянских феодалов — духовных и светских, не существовали для автора южнославянской повести о народном герое Албании. Поэтому он не только акцентирует и разъясняет некоторые намеки Барлетия, но многое добавляет от себя. Эти добавления автора южнославянской повести, его трактовка борьбы албанского народа с турецкой агрессией и образа Скандербега отличаются от добавлений западноевропейских авторов к книге Барлетия не только своей антигреческой и антитурецкой направленностью, но и использованием иных источников. К этим источникам относятся прежде всего рассказы и предания славянских народов о некоторых исторических событиях времен Скандербега, о некоторых лицах, его окружавших или ему противостоящих. Отсюда в южнославянской повести более четкая, чем у Барлетия, характеристика турецких султанов, их полководцев, союзников Скандербега и, наконец, его самого. Кроме того — и это главное — в славянской повести дана более четкая и более соответствующая действительности картина

общего соотношения сил в борьбе народов Балканского полуострова с турецкой агрессией.

Все сказанное лучше всего иллюстрируется одним примером — описанием в южнославянской повести осады и взятия Константинополя турками в 1453 г.

Отсутствие описания этого события в книге Барлетия и в ее западноевропейских переработках весьма показательно. Для Барлетия, как и для большинства его современников — итальянских историков — падение Константинополя не являлось ни неожиданным, ни особенно крупным событием, так как было, по их мнению, уже давно предрешено и являлось «божьей карой схизматикам», т. е. отступникам от «истинной веры», какими считали католические писатели все народы православного вероисповедания.

Совсем иной отклик нашло это событие среди народов славянских стран: можно прямо сказать, что падение Константинополя потрясло весь славянский мир. И не только потому, что пал центр православной церкви и резиденция ее главы — патриарха: рушилась последняя, хотя и слабая преграда на пути турецкой агрессии в страны Балканского полуострова. Впечатление, произведенное на славян падением Константинополя, нашло свое отражение в славянских повестях о падении Царьграда, получивших широкое распространение и в древней Руси. Из этих источников составитель южнославянской версии и мог почерпнуть материал для описания осады и взятия Константинополя, сделанного в сжатых, но ярких штрихах.[1]

Это описание прежде всего свидетельствует о хорошей осведомленности автора в подробностях осады и взятия турками Константинополя. Все несомненно написано если не участником, то со слов участников описываемых событий. Важно также отметить отношение автора к факту падения Константинополя и объяснение им причин этого события. Все это выражено буквально в двух фразах, но с исчерпывающей ясностью и определенностью: в первой из них говорится о неспособности населения Константинополя к обороне своего города («Царь Константин Палеолог цариградский аще имел люди

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского. . ., стр. 91—92.

много во граде и богатства, но люди страшливы и к воиньственым борбам не привыкли»), что заставило императора Константина просить помощи у «латинских государей». Последние, как прямо и говорится в сербской повести, не только не дали помощи, но и обрадовались беде константиноградцев.

В этих двух скупых, но характерных замечаниях автора южнославянской повести о Скандербеге отразилась общая направленность его произведения: скептическое отношение к грекам, проявившееся буквально с первых же слов повести, которые приведены выше (см. стр. 115), и резко отрицательное отношение к католическому Западу, игравшему в борьбе народов Балканского полуострова с турецкой агрессией весьма непривлекательную роль.

Все это постоянно подчеркивается в южнославянской повести, для чего иногда вводятся новые эпизоды, а чаще расшифровываются некоторые намеки, имеющиеся в книге Барлетия, или упоминаются некоторые обстоятельства и детали, о которых умолчал шкодрийский историограф. Так, например, рассказывая о том, что султану удалось перебросить войска из Азии и таким образом обеспечить разгром польско-венгерских войск под Варной, автор южнославянской повести прямо говорит: «како су отдавно латыни сребролюбци, и тут показали — взяли от турак дар и не стали на своем слове... Такожде родошане (родосцы, — *Н. Р.*) сългали и царь цариградский — вси издали Владислава краля на свое зло и вечну погибель».[1]

Отмечая где только можно свое отрицательное отношение к «латыням» и скептическое — к грекам, автор южнославянской повести

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 75. — Барлетий в этом месте отступает от свойственной ему многоречивости и глухо отмечает, что „если верна молва“, то туркам помогли „christiani quidam“, т. е. „какие-то христиане“ (M. Barletius. Historia de vita..., л. 27). Интересно отметить, что автор южнославянской повести не упустил случая еще раз напомнить об этом эпизоде своим читателям. В конце повести, когда папа римский уговаривает Скандербега нарушить перемирие с турками, советники Скандербега высказываются так: „... знамо, како су латини приje Варни и издали краља Владислава Угарского и мир с Турци расторгнул. Посем сам погинул са васеми воин своими“ (П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 100).

всячески старается подчеркнуть значение участия славянских народов в борьбе народного героя Албании. Для этого он, в явном противоречии не только с Барлетием, но и с исторической действительностью, окружает Скандербега «славянскими князьями», которые еще тогда, когда Скандербег находился на турецкой службе, будто бы убеждали его начать борьбу с турками. С тремястами «сербов» Скандербег, по словам южнославянской повести, бежит из турецкой армии через Сербию, где к нему присоединяется «много витязев добрих и великих и славных», и только достигнув границ Албании, Скандербег заручается помощью своих соотечественников.[1] Активное участие «славянских князей» в борьбе Скандербега подчеркивается и в дальнейшем изложении, для чего многие албанские князья переименовываются автором южнославянской повести в славян. В конце повести славянином объявляется и сам Барлетий (см. стр. 112, прим. 2).[2]

Просербская тенденциозность автора «Повести о Скандербеге-Черноевиче» заставила его много потрудиться над реабилитацией одного из действующих лиц этого произведения — сербского деспота Георгия Бранковича, союзника турок и одного из виновников поражения польско-венгерских войск под Варной (он не пропустил через свою территорию армию Скандербега, шедшую на соединение с этими войсками). Но все усилия автора южнославянской повести скрыть участие Бранковича в борьбе Скандербега с турками на стороне по-

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского. . ., стр. 67. — В устной традиции повести о Скандербеге, бытовавшей в Черногории еще в начале прошлого столетия, об этом говорилось еще более определенно: план возвращения Скандербега на родину предлагает Черноевич; он же в дальнейшем удерживает Скандербега, когда тот, поддавшись уговорам турок, хотел было вернуться к султану, и спасает Скандербега после поражения под Белградом (L. C. Vialla de Sommières. Voyage historique et politique au Montenegro. Paris, 1820, стр. 265—333). Все это не соответствует исторической действительности и свидетельствует об усилении просербской тенденциозности „Повести о Скандербеге-Черноевиче“ по мере распространения ее в устной традиции.

[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского. . ., стр. 112. — Славянское происхождение Барлетия отмечается также и в некоторых западноевропейских био-библиографических словарях (например: B. Fabricius. Bibliotheca medii aevi; U. Chevalier. Répertoire des sources historiques du moyen âge).

следних не достигли своей цели. Интересно отметить, что автор южнославянской повести, реабилитируя Бранковича, действует теми же методами, что и Барлетий, когда последнему приходится говорить о вероломных и предательских поступках итальянских феодалов и Ватикана. Он кратко, скороговоркой, упоминает о фактах, компрометирующих Бранковича, и опускает очень меткую характеристику его, имеющуюся у Барлетия. Но факт остается фактом, и составителю южнославянской повести, хоть вскользь, но несколько раз приходится упоминать об участии сербских войск в войне со Скандербегом на стороне турок.

Таким образом, автору южнославянской повести не удалось до конца реализовать в этом произведении свою концепцию об активном и постоянном участии сербов в борьбе Скандербега, так же как не удалось ему отождествить Скандербега с Черноевичем.[1]

Все это не уменьшает, однако, заслуги автора южнославянской повести, заключающиеся прежде всего в том, что из громоздкого и несколько рыхлого произведения Барлетия он создал компактную и по-настоящему интересную повесть. При этом неизвестный писатель-славянин обнаружил не только хорошее знание книги Барлетия, но и достаточную осведомленность в других источниках биографии Скандербега: как уже отмечалось выше, сербские исследователи — Миятович, Радонич, а также Вулич[2] и некоторые другие — достаточно убедительно доказывают, что в «Повести о Скандербеге-Черноевиче», кроме книги Барлетия, использованы сочинения Франко, Антиварино

---

[1] Просербская тенденциозность „Повести о Скандербеге-Черноевиче", как уже отмечалось, особенно ярко выражена в списке, которым пользуется Миятович. Между тем среди многочисленных выписок, приводимых в работе этого автора, нет ни одной, где бы более или менее подробно говорилось о Бранковиче. Последнее дает основание предполагать, что и в этом списке Бранкович был аттестован не совсем лестно, хотя данная рукопись и находилась в монастыре, которому сербские деспоты, а в том числе и Георгий Бранкович, оказывали большую поддержку (об этом см.: Леонид. Славяно-сербские книгохранилища на святой горе Афонской в монастыре Хиландаре и Св. Павла. Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 1, 1875, стр. 27).

[2] Н. Вулић. Ђурађ Кастриотић Скендербег. Историјска расправа. Београд, 1892.

Конец южнославянской «Повести о Скандербеге-Черноевиче».

Рукопись Q IV-341, л. 302 (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде).

wie przygrodek od morza puſzczáć / a do miaſta ſie ciſneli bronić / tam w fortce
Ceſarz vgnieciony vmart. Lud poſpolity / iáko rzemieſnicy / niewiaſty / wlazßy
na mury mieyſkie bronili kamieńmi do kilká dni. Thurcy obaczywßy iż obrona
mdleie a ſlabieie / tym mocniey dobywali / aż gdy głoſem niewiaſty iely nárze-
káć / płákać / Turcy z drabinkami rzucili ſie / przez mury ze wßytkich ſtron leźli
do miaſta / lud od máłych do wielkich poſiekli / kościoły połupili / świathości
nieućcili / y wiele rzeczy przeciw Bogu czynili / ktore wſtyd y grzech brom piſáć
abo mowić. W ßeśćidzieſiąt dni od obleżenia miaſto wzięli Turcy láta 1452.
mieſiacá Sierpnia / by byli ty ſkarby ná ſłużebny lud wydáli ktore w ziemię po-
Konſtantinopolim wzietho. chowali / mogliby ſie byli obronić Turkom. Po tey fortunney ſprawie Macho-
met thak był z hardział / aż iuż był vmiemił wßytkę Europę wziać zá rok / ale
tho Pan Bog ináczey odmienił / bo wziął ßpatnie w czapkę gdy dobywał Bi-
łágrodu w Węgrzech / gdzie wziął wielką ßkodę na ludziech / y ſam ranion od
Krzyżakow ktorzy byli z Kápiſtranem w Węgrzech. Ten thez Machomet Hi-
drunt we Włoßech wziął y Trapezunt.

Stym thez Máchometem Skánderbeg wiele czy-

nił broniąc ſw[illegible]ey wolności w Albániey / bo ſłał do niego o trybuth kthorego
mu niechćiał dáć. Przeto Máchometh poſłał do Epiru przodkiem ſwego he-
thmaná Ameze [illegible] trzydzieśći tyſiąc ludzi / przyiawßy przymierze z Perſy / a-
Amezá porażon. by Skánderbegá trápili. O kthorym gdy ſie dowiedział Skánderbeg / zaiechał
mu w gory gdzie był Skánderbeg zá łożył miaſteczko nowe ná ßlaku nieprzyia-
cielſkim / ná gorze Modrzyß / ſkąd dawano znáć ſtrzelámm z dziáła kiedy nie-
przyiaćiel ćiągnął / záſadziwßy lud w thaiemnym nieyſcu w dolinach pod go-
rą / nad nadzieię ich / przypárł ie w ciaſne kathy / tak iż muſieli zſiadáć z koni a
pießki ſie bronić. Skánderbeg pießy lud k nim wyſadził / ktory Turki iáko ptá-
ki ſtrzelał / drudzy tákież z tyłu ie zaßli zbili ie do końcá / drugich wiele poimá-
li / ktore Máchomet wykupił wielkiemi pieniadzmi. Debreas Hethman drugi

Лист главы о Скандербеге из «Всемирной хроники» М. Бельского.
(Государственная Публичная библиотека в Ленинграде).

и других авторов — современников и соратников народного героя Албании. Наконец — и это главное, — составитель южнославянской повести проявил незаурядное мастерство, сокращая книгу Барлетия за счет уменьшения количества и объемов речей действующих лиц, описаний множества деталей и эпизодов. Он в значительной степени снял также религиозно-дидактическую окраску книги Барлетия и придал ей определенное публицистическое звучание. Все это обусловило достаточно широкую популярность «Повести о Скандербеге-Черноевиче» в Сербии; она, очевидно, часто переписывалась (за это говорят довольно крупные разночтения между ее тремя известными нам списками) и перешла, как указывалось выше, в устную традицию, распространилась с Афона, где в кругах сербских монахов-книжников она скорее всего могла быть создана, по всей Сербии, за что говорит местонахождение ее списков (Белград, Цетинье).[1]

Трудно предположить, чтобы такое произведение, как «Повесть о Скандербеге-Черноевиче», не оставило следа в литературе других славянских народов: против этого говорит и содержание произведения, написанного на столь актуальную тему для народов славянских стран в течение XVI и XVII вв., как история завоевания турками стран Балканского полуострова, и его занимательный сюжет, а главное — огромная популярность имени Скандербега во всей Западной Европе. И действительно, следы южнославянской повести обнаруживаются в хронике Мартина Бельского и в русском хронографе начала XVII в.

III. Историографические труды знаменитого польского публициста и сатирика Мартина Бельского (1495—1575) внесли значительный вклад в литературу славянских народов, особенно в русскую историческую литературу XVII в., и получили широкое распространение за пределами его родины. Его «Польская хроника» издавалась в XVI—XVII вв. пять раз, а «Всемирная хроника» выдержала в XVI в. три

[1] После захвата Сербии турками афонские монастыри стали прибежищами сербских книжников, которые привезли туда множество книг и организовали их переписку. К XVII в. Афон стал значительным центром южнославянской письменности, и его библиотеки славились во всех славянских странах (Леонид. Славяно-сербские книгохранилища. . ., стр. 25—28).

издания. В последнем и самом полном издании своей «Всемирной хроники» М. Бельский специальную главу, значительную по объему, посвятил истории Скандербега.[1]

С первого же взгляда на эту часть хроники Бельского обнаруживается большое сходство ее с южнославянской повестью о Скандербеге: начинается она тем же резким выпадом против греков и описывает тот же круг событий (в том числе и взятие Константинополя турками). В самом же конце, где в южнославянской повести упоминается Барлетий в качестве единственного источника этого произведения, у Бельского названы еще три автора (итальянцы из числа современников Скандербега) — Эней Сильвий Пикколомини, Паоло Джовио и Волатеррано. Внимательное изучение изложения истории Скандербега в хронике Бельского и сравнение ее с южнославянской повестью убеждают нас в том, что близость ее к тексту последней постоянно нарушается вставками из книги Барлетия. Вставки оказываются как раз в тех местах, где автор южнославянской повести из-за своей просербской тенденциозности отклоняется от Барлетия. Кроме вставок из книги Барлетия, попадаются дополнения и из других источников, которые каждый раз называются, — это в большинстве случаев ссылки на сочинения итальянских авторов. В одном месте — при описании битвы польско-венгерских войск с турками на реке Мораве в 1443 г. — Бельский ссылается на какую-то «венгерскую хронику».[2] Отсюда он черпает отсутствующие у Барлетия и в южнославянской повести подробности битвы и оценку ее значения, причем всячески подчеркивается роль венгерского полководца Яноша Гуниади. Бельский, например, пишет, что король Владислав «по совету Гуниади и папы Евгения» (у Барлетия здесь упоминается только папа) послал войска, «чтобы деспота вернуть на свое место» (в южнославянской повести и у Барлетия здесь говорится просто о помощи Бранковичу). Далее еще несколько раз подчеркиваются заслуги Гуниади, который, по словам Бельского, «перед этим уже несколько

[1] M. Bielski. Kronika, tho jest historia świata. Kraków, 1564, лл. 241 об.—258. — Эта часть озаглавлена: „O Skanderbegu Makedonie Albanskim Książeciu".

[2] M. Bielski. Kronika. . ., л. 243.

раз побивал турок».[1] Все это дает возможность Бельскому, с помощью привлеченного им нового источника венгерского происхождения, нарисовать более подробную и более яркую картину победоносной битвы соединенных польско-венгерских войск.

Более подробно, чем в южнославянской повести, описана Бельским и другая битва польско-венгерских войск с турками при Варне, закончившаяся поражением первых. Здесь Бельский вставляет на свое место все то, что исключил в своей переделке книги Барлетия автор южнославянской повести, в том числе краткую, но четкую характеристику двурушнической политики Георгия Бранковича, целиком перешедшую в русскую повесть о Скандербеге. Эта вставка, дополняющая и исправляющая изложение событий в южнославянской повести, как и все последующие, сопровождается ссылками на Барлетия. Так, например, говоря о причинах сдачи туркам албанской крепости Светиград, Бельский, явно полемизируя с автором южнославянской повести, который не упустил случая сделать в этом месте очередной антикатолический выпад, заявляет: «Пишет тот историк Маринус о другой причине сдачи крепости и города, что там не один народ был и не одной веры люди... одни других опасались, одни хотели быть над другими...».[2]

В южнославянской же повести здесь всячески акцентируются религиозные распри между сербами и «римлянами», причем подчеркивается хвастливость последних и что они любой ценой, вплоть до унижения перед турками, старались быть «выше» славян.[3]

Иногда М. Бельский только ссылается на свои источники, но не приводит из них выдержек. Например, описывая битву Скандербега с турецкой армией, возглавлявшейся его племянником — Гамзой, он ссылается на Барлетия и Волатеррано и заявляет, что у них эта битва описана подробнее.[4]

Следует отметить, что в исправлениях и дополнениях М. Бельским текста южнославянской повести, почерпнутых из названных

---

1 M. Bielski. Kronika..., л. 243.

2 M. Bielski. Kronika..., л. 249.

3 П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 86.

4 M. Bielski. Kronika..., л. 252.

выше источников, предпочтение отдается Барлетию, как наиболее авторитетному источнику. Так, например, описывая смерть султана Мурата II в Албании, Бельский говорит: «Пишет Волатерранус; что он живым был привезен в Андрианополь и там умер, но Маринус все это писал по свежей памяти (в тексте: «z ojcowskiej pamięci», — *Н. Р.*) и поэтому более точен».[1] Но на самом деле здесь более точным оказывается не Барлетий, а Волатеррано, сведения которого единодушно подтверждают византийские и турецкие источники (об этом подробнее см. в комментарии, стр. 195—196).

Приведенные примеры показывают творческий метод М. Бельского, подробно разобранный автором монографии о нем польским ученым И. Хжановским. По мнению последнего, вся хроника Бельского в целом является «компиляцией из компилятивных источников», список которых приводится Хжановским (в том числе «Kronika węgrów», изданная в Польше в 1534 г.), причем на ряде примеров с применением параллельных цитат доказывается использование этих источников М. Бельским.[2]

---

[1] M. Bielski. Kronika..., л. 251.

[2] I. Chrzanowski. Marcin Bielski. Studium literacke. Warszawa, 1906, стр. 55—102. — К сожалению, И. Хжановский не разбирает подробно вопрос об источниках части „Всемирной хроники" Бельского, посвященной жизни и деятельности Скандербега; он только указывает на книгу Барлетия, а также на „Космографию" Себ. Мюнстера, „Описание Европы и Азии" Энея Сильвия Пикколомини и сочинение Б. Георгиевича „О нравах турок". За исключением книги Барлетия все эти источники не имеют прямого отношения к истории Албании и к биографии Скандербега (например, в маленькой, всего в 81 л. книжечке Георгиевича последний даже не упоминается). А между тем в Польше во времена Бельского имелись сочинения еще двух авторов, младших современников Скандербега, в которых описываются события, отразившие жизнь и деятельность народного героя Албании. Это были: итальянский историк Ф. Каллимах, эмигрировавший в Польшу (в 1519 г. вышла его книга о поражении польско-венгерских войск при Варне: Historia de rege Vladislao seu clade Varnensi), и серб Константин Михайлович из Островиц — янычар, перешедший на службу к польскому королю и написавший в 1496—1501 гг. свои воспоминания (о нем см.: J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 234—235). Вопрос об использовании Бельским этих источников должен стать предметом специального исследования. Следует отметить, что „Записки янычара" К. Ми-

Компилятивный характер «Всемирной хроники» М. Бельского отразился и в литературном оформлении этого произведения, прежде всего в его стиле, который не отличается ни оригинальностью, ни единообразием: в манере изложения отдельных частей чувствуется заметное влияние источников. В лексике хроники Бельского отчасти также отразилось разнородное и разноязычное происхождение отдельных частей этой книги. Все это в наибольшей степени относится к изложению истории Скандербега, объем, композиция и язык которой заметно отличается от остальных частей книги. По объему это — одна из самых крупных частей «Всемирной хроники», особенно резко выделяющаяся на фоне изложения 4-й главы, в которую входит рассказ о жизни и деятельности Скандербега; все остальное — описание царствования отдельных турецких султанов, рассказ о цыганах — изложено чрезвычайно кратко, в виде небольших отрывков (вся глава занимает 23 листа, из которых 17 уделено Скандербегу). Изложение истории Скандербега отличается распространенностью, обусловленной обилием подробностей, множеством речей действующих лиц; хотя Бельский и сократил количество речей, имеющихся в книге Барлетия, и некоторые из них изложил в третьем лице, все же в таком количестве их нет ни в одной из остальных частей «Всемирной хроники». Наконец, в изложении истории Скандербега Бельский особенно широко и последовательно употребляет просторечную лексику, фольклорные образы и сравнения. Мы не будем приводить примеров этих просторечных выражений и оборотов, равно как и народно-поэтических образов и сравнений, так как все они целиком перешли в русскую повесть и будут рассмотрены нами ниже; отметим лишь, что в подавляющем большинстве случаев все эти особенности стиля и языка изложения истории Скандербега в хронике Бельского обнаруживаются и в южнославянской повести.

хайловича имели, очевидно, значительное распространение в рукописной книжности: имеются сведения о 12 списках этого произведения, находящихся в польских рукописных сборниках преимущественно XVI в. Об этом подробнее: Jan Łoś. Pamiętniki janczara. Rozprawy Wydzienia filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie, **51**, 1912, стр. 16—51 (имеется отдельный оттиск).

Чем же объяснить сходство содержания, а также стиля и языка этих двух произведений?

Ответа на этот вопрос мы не нашли в известной нам литературе о славянской версии биографии Скандербега. Сербские исследователи южнославянской «Повести о Скандербеге-Черноевиче» не упоминают о хронике Бельского, а биографы последнего, так же как упоминавшиеся выше историки польской литературы, молчат и, очевидно, не знают о существовании сербской повести.[1] Вопрос о соотношении южнославянской повести о Скандербеге и рассказа о нем в хронике Бельского может быть решен только в специальном исследовании; здесь уместно будет лишь высказать некоторые соображения в пользу предположения об использовании Бельским южнославянской повести.

Кто произвел сокращение и переработку книги Барлетия — Бельский или составитель южнославянской повести? Если это сделал Бельский, то, во-первых, чем объясняется тогда, что, сократив и переработав книгу Барлетия, он постоянно потом ссылается на нее и вставляет из нее в свое изложение целые эпизоды, используя тем самым эту книгу дважды? Во-вторых, чем объяснить ту явную полемику Бельского с автором южнославянской повести, примеры которой были приведены выше? В-третьих, если считать южнославянскую повесть заимствованной из хроники Бельского, то прежде всего возникает вопрос: почему в конце повести в качестве ее источника назван только «Марин Скадранин», а не Бельский и те авторы, на которых он ссылается?

Если же предположить обратное и считать, что Бельский знал и использовал южнославянскую повесть, то это будет прежде всего еще одним, в дополнение к приведенным Хжановским, примером «компилятивного использования компилятивного источника», каковым является южнославянская повесть, составленная, как отмечалось выше (стр. 120), по книге Барлетия с привлечением других источников. Из последних в южнославянскую повесть попал ряд мелких и крупных

[1] Объяснение следует искать, по нашему мнению, в том, что и сообщение П. А. Ровинского о южнославянской повести и публикация ее текста П. А. Лавровым прошли незамеченными.

добавлений, уточняющих некоторые обстоятельства отдельных эпизодов жизни и деятельности Скандербега, — добавлений, которых нет у Барлетия (некоторые из таких подробностей отмечены в комментарии). Эти подробности и уточнения отсутствуют также у Бельского, что можно объяснить следующей гипотезой: имея под рукой текст южнославянской повести, в конце которой в качестве биографа Скандербега назван Барлетий, М. Бельский сравнил текст повести с книгой Барлетия и, не изменяя композиции южнославянской повести и не расширяя круга описанных в ней событий, вставил в свое произведение многое из того, что исключил при переработке книги Барлетия автор южнославянской повести, но исключил ряд подробностей, добавленных последним в отступление от Барлетия.[1] В результате глава о Скандербеге в хронике Бельского получилась совпадающей по охвату событий и композиции целиком с южнославянской повестью, но наполненной подробностями, заимствованными из ее источника.

Наконец, просто трудно представить себе, чтобы такой автор, как Мартин Бельский, мог проделать значительную работу по сокращению и основательному переосмыслению книги Барлетия.

В историю литературы своей страны Бельский вошел как автор первого сочинения по всемирной истории на польском языке. Но исследователи истории польской литературы единодушно отмечают, что как историограф М. Бельский был автором несамостоятельным, использовавшим некритически и в подавляющем большинстве случаев без переработки, без ассимиляции в своем творчестве огромное количество самых разнообразных по своему происхождению и содержанию источников. Последнее дает основание, например, тому же Хжановскому заявить в его «Истории литературы независимой Польши», что «Всемирная хроника» Бельского не имеет научного значения.[2] Автор

---

[1] Книга Барлетия была для Бельского источником гораздо более авторитетным, чем рукописная повесть: историки польской литературы, характеризуя метод сочинения М. Бельским его „Всемирной хроники", отмечают, что он слепо доверял и некритически использовал многие попадавшиеся ему в руки печатные источники, так как считал, что из-под печатного станка не может появиться ничего, кроме правды.

[2] I. Chrzanowski. Historja literatury niepodleglej Polski. Warszawa, s. d., стр. 98—99.

современного курса истории польской литературы называет эту книгу «полуварварским продуктом средневековой культуры», но одновременно отмечает в ней следы новых, гуманистических веяний.[1] Оба автора признают тем не менее за Бельским заслугу первого польского историографа, создавшего труд по всемирной истории на своем родном языке, — труд, пользовавшийся в свое время значительной популярностью, будивший интерес к истории среди широких читательских кругов, которым до него такие книги, написанные по-латыни, не были доступны.

Однако если даже Бельский не является автором истории Скандербега, изложенной в его «Всемирной хронике», за ним остается заслуга одного из первых историков, популяризовавших биографию народного героя Албании в восточнославянских странах. «Всемирная хроника» Бельского, лежащая в основе публикуемой в настоящем издании древнерусской «Повести о Скандербеге», продолжала служить источником сведений о жизни и деятельности последнего в русской историографии до XVIII в., в конце которого на русском языке появились первые книги о Скандербеге, переведенные с французского.[2] Из хроники Бельского почерпнуты сведения о Скандербеге составителем Густинской летописи середины XVII в.[3] и русским

[1] J. Krzyżanowski. Historja literatury Polskiej od średniowiecza do XIX w. Warszawa, 1953, стр. 116.

[2] Сокращенное описание жизни и дел Скандербега, короля Албанского и князя Эпирского. СПб, 1782; История о Кастриоте Албанском. М., 1788. — Эти две небольшие книжки являются более или менее вольным переводом истории Скандербега (Le grand Castriotto d'Albanie, Histoire. Paris, 1779), написанной для германского императора Иосифа II, автор которой, не открывая своего имени, называет себя „несчастным потомком великого Скандербега". К этому же источнику восходит глава о Скандербеге в анонимных „Цареградских письмах" (СПб., 1789). В 1812 г. известный Евгений Булгарис сделал перевод анонимного издания 1779 г. с французского на греческий язык; перевод книги Булгариса на русский язык вышел под названием: „Искандер-бей. Эпизод из истории Албании. Перевод с греческого А-ра Л-ва" (М., 1852). Эта книга, в которой образ Скандербега чрезвычайно искажен в духе „верноподданнических" монархических идей николаевского времени, является до сих пор единственной полной биографией Скандербега на русском языке.

[3] Полное собрание русских летописей, 2. Изд. 1, СПб., 1843, стр. 355 и 358.

историографом конца того же столетия Андреем Лызловым. Последний, отмечая, что «о сем Скандербеге много славных мужественных воинских дел повествуется в историях воинских», не считает возможным говорить о нем в своей книге «ради ее краткости», так как по мнению Лызлова «о таковом знаменитом победнотворце лучше совершенно молчати, нежели мало писати».[1]

IV. Имя Скандербега становится известным в нашей стране по крайней мере за двести лет до того, как появились на русском языке первые печатные книги о нем. Источниками сведений о его жизни и деятельности в древнерусской литературе явились не переводы книги Барлетия или ее западноевропейских переделок, а памятники историографии народов юго-восточной Европы, народов славянских стран.

Вскоре после своего выхода в свет «Всемирная хроника» М. Бельского была переведена на русский язык, о чем имеются сведения в известной описи царского архива 1575—1584 гг.[2] Несколько позднее литовский шляхтич Амброжей Брежевский перевел ее по приказанию польского короля Сигизмунда Августа «на науку и поучение русским людем», как говорится в приписке к спискам этого перевода.[3] Перевод Брежевского не получил, очевидно, широкого распространения и известен всего лишь в нескольких списках.[4]

---

[1] Андрей Лызлов. Скифская история. М., 1787, стр. 149—150.

[2] Акты археографической экспедиции, I. СПб., 1836, стр. 353.

[3] Эту пространную, но не совсем понятную приписку, в которой указан 1584 г., когда названного короля уже не было в живых, А. И. Соболевский толкует так: при короле Сигизмунде Августе был сделан перевод хроники Бельского с польского на „западнорусское наречие", а в 1584 г. в Москве с него был сделан перевод на „великорусское наречие" (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 53—54). Сличение этого перевода с польским оригиналом, при котором выясняется значительная разница, подтверждает толкование А. И. Соболевского: у Бельского нет, например, разбивки на главы и тех пропусков, искажений собственных имен и географических терминов, которыми изобилует русский перевод. Последний производит впечатление скорее пересказа, чем перевода книги Бельского.

[4] О них подробнее см.: А. И. Соболевский. Переводная литература. . . стр. 53—56; А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 93—94; С. Л. Пташицкий. Западнорусские переводы хроник

Гораздо бо́льшее распространение получили выдержки из обеих хроник М. Бельского, вошедшие в состав русских хронографов различных редакций. Одной из таких выдержек считается глава из хронографа 2-й редакции, озаглавленная: «О албанской стране и княжестве их».[1] Однако П. А. Ровинский в своей книге о Черногории, на которую мы уже ссылались, считает эту статью «коротеньким изложением» южнославянской повести о Скандербеге-Черноевиче.[2] Два противоречивых мнения могли появиться потому, что статья хронографа об Албании имеет точки соприкосновения с обоими этими произведениями, но в целом не похожа ни на одно из них.

Статья хронографа «О Албанской стране и княжестве их» прежде всего совершенно иначе, чем оба эти источника, охватывает материал биографии Скандербега: в ней излагается только первый период жизни и деятельности народного героя Албании, до смерти султана Мурата. Второй период биографии Скандербега, которому и у Барлетия, и у Бельского уделено не меньшее внимание, чем первому, охарактеризован в этой статье одной только коротенькой фразой: «И паки Магмет с Скандабергом сотворяет брань не единожды или дважды, но многажды».[3] После этой фразы сообщается, как и во всех версиях биографии Скандербега, о смерти и погребении Скандербега и о разграблении турками его могилы.

Что же касается некоторых подробностей жизни и деятельности Скандербега, имеющихся в статье русского хронографа, то их можно найти и в южнославянской повести, и в польской хронике, а чаще всего — в обоих источниках; в то же время попадаются детали, которых нет ни в одном из этих произведений. К последним относится,

---

Бельского и Стрыйковского. Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905, стр. 372—384.

[1] Опубликована А. Н. Поповым в его кн.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 156—159.

[2] П. А. Ровинский. Черногория. . ., I, стр. 705. — П. А. Ровинский замечает далее, что ему „не удалось" сличить статью из хронографа с хроникой Бельского; если бы он это сделал, вывод его вряд ли был бы столь категоричным.

[3] А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений. . ., стр. 158—159.

например, следующая, отмеченная П. А. Ровинским как отсутствующая в южнославянской повести, фраза: «Слышав же угорский король и писал Скандабергу грамоты, что он роду христианскаго и он бы помнил свою веру и пришел бы в Албанскую землю в свою отчину, стоял бы на поганых содново с верными».[1] Здесь обнаруживаются следы еще какого-то источника, быть может венгерского происхождения: дальше прямо говорится, что Скандербег «... учинил по воле короля угорского» и вернулся на родину.[2]

Самое же главное, что отличает статью об Албании из русского хронографа от польской хроники и сербской повести, заключается в ее стиле и языке. Статья о Скандербеге в хронографе изложена языком, типичным для русских историографических произведений начала XVII в., связанных своим происхождением с посольским приказом: в ней просторечная лексика уживается рядом с тяжеловатыми оборотами деловой письменности, что больше всего сказывается в речах действующих лиц. Приведем два примера.

«Кто ратного дела устрашается, — говорит Скандербег своим воинам, — тот бы со мною не ходил, а турскых бы людей слышачи многое число не боялися: в малых людех бывает крепость велика, а во многих — гордость, и таковым бог противится. И сего ради всегда бывает от малых победа на великия».[3]

«И воевода осадной Петр Пернатой[4] отказал: мы своему государю не изменники, а что нам сулишь, то и так у нас будет. Что еси к нам привез, того от нас не отвезешь».[5]

---

[1] А. И. Попов. Изборник славянских и русских сочинений..., стр. 156—157. — У Бельского здесь кратко отмечается, что к Скандербегу писали и звали его на родину „княжата славянские" (M. Bielski. Kronika..., л. 242 об.).

[2] Венгерская хроника могла быть известной составителю русского хронографа в польском переводе, о котором упоминалось выше (стр. 124).

[3] А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений..., стр. 157.

[4] Здесь любопытно осмыслено русским автором имя одного из албанских полководцев — Петра Перлата (об этом см. комментарий, стр. 190).

[5] А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений..., стр. 157. — Эти фразы являются хорошими примерами той лаконичности, сочетающейся с максимальной выразительностью и точностью передачи речей действующих лиц,

Все сказанное относительно статьи русского хронографа «Об Албанской стране и княжестве их» дает основание считать ее не просто вставкой из хроники М. Бельского, а самостоятельным произведением компилятивного характера. Автор последнего проявил хорошее знание доступных ему источников, содержащих сведения об описываемых им событиях, а также свою индивидуальную манеру в стиле и языке, чем и объясняется то обстоятельство, что статья об Албании не выпадает из всего изложения событий в хронографе 2-й редакции, являясь его составной и неотъемлемой частью.

V. Статья о Скандербеге в составе хронографа 2-й редакции, весьма распространенной в рукописной книжности XVII и XVIII вв., сделала имя народного героя Албании широко известным в нашей стране, — быть может, даже более известным, чем в западноевропейских странах, где выходили о нем печатные издания, далеко не всегда доступные широким читательским кругам. Она будила интерес русских читателей к истории далекой от России, но мужественно боровшейся с турками Албании и желание узнать подробнее о жизни и деятельности Скандербега. Этому же интересу и отвечало новое, наиболее полное и законченное произведение русской литературы о народном герое Албании — «Повесть о Скандербеге, княжати албанском», впервые публикуемая в настоящем издании.

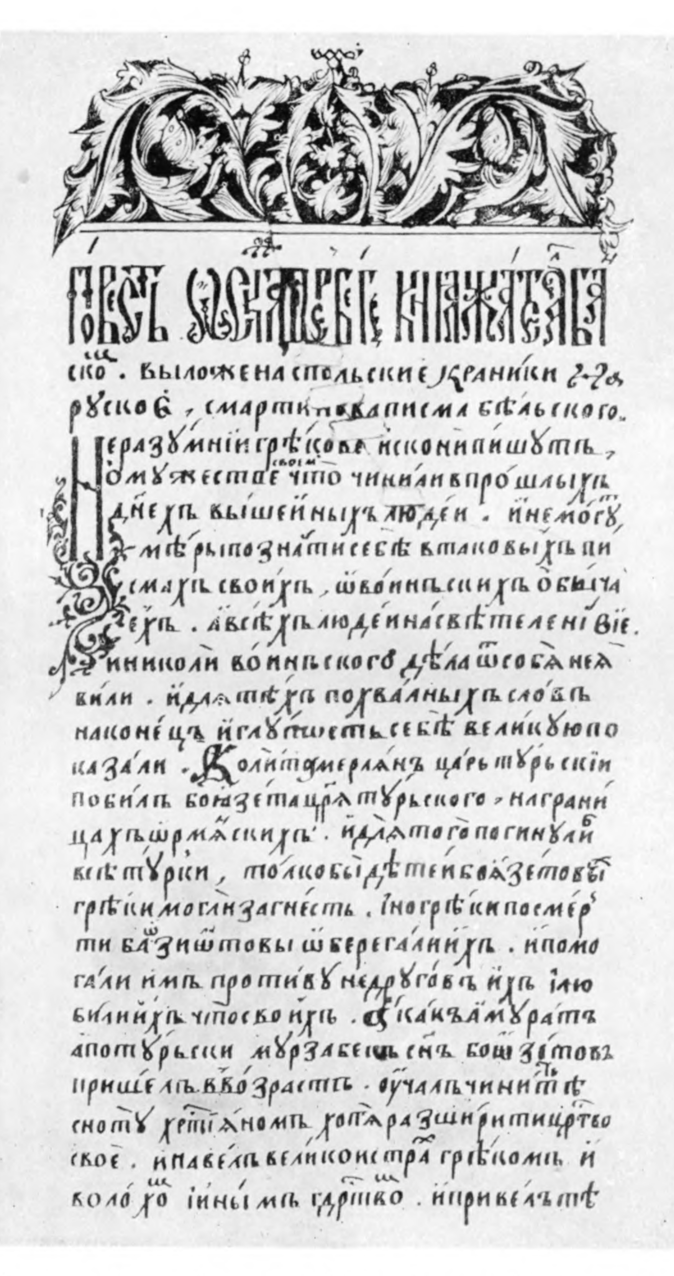
В заглавии этого произведения указано: «Выложена с польския кроники на руское с Мартинова писма Бельскаго». Однако следует сказать, что если это добавление принадлежит не кому-нибудь из переписчиков повести, заметившему ее сходство с главой из хроники М. Бельского, а ее составителю, то он явно приуменьшил значение своего труда: в русской повести налицо значительная переработка польского источника. В ней прежде всего в значительной степени переосмыслено идейно-политическое содержание биографии народ-

---

чем статья русского хронографа об Албании выгодно отличается от хроники Бельского и от сербской повести, в которых чувствуется тенденция к многословию (особенно в изложении речей действующих лиц), идущая от их общего источника — от Барлетия.

Лист из публикуемого списка русской «Повести о Скандербеге».

Рукопись Соловецкой библиотеки № 1495/36, л. 8 об. (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде).



Начало русской «Повести о Скандербеге» по Егоровскому списку.

Рукопись собрания Е. Е. Егорова № 862, л. 474 (Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве).

ного героя Албании, который выступает в русской повести не как средневековый феодал и «идеальный христианский монарх», а как настоящий вождь своего народа, возглавивший его борьбу за свою свободу и независимость.

Если у Бельского опорой Скандербега внутри страны является «рыцарство», т. е. албанская знать, то в русской повести в этой роли выступает весь албанский народ, и это постоянно подчеркивается. Лишь только Скандербег появился в албанском городе Круе, «как то уведали тутошние люди — большие, и середние, и малые — с великою радостию пошли к Скандербегу, радуясь тому, что его милостивый бог привел на вотчину иво, и государем иво учинили на княжестве Олбанском».[1] Так описывает автор русской повести начало правления Скандербега в Албании. И только после того, как Скандербег с помощью местных жителей овладел Круей и поставил на турецкой границе крепкий заслон из двух тысяч своих «лучших людей» — продолжает свой рассказ автор русской повести, — к нему явились соседние феодалы, которые пока что только «прославили его ж выизволителем отчины своей из неволи» (об оказании помощи Скандербегу со стороны этих «окольных княжат» в русской повести здесь еще ничего не говорится).

Все это рассказано автором русской повести не совсем по Бельскому: у того ничего не говорится, например, ни о «людях средних и малых», т. е. о простых албанских пастухах и земледельцах, ни об избрании ими вместе с «большими людьми» Скандербега «на княжество Албанское», хотя для Бельского это не было бы необычным — в Польше исстари короли выбирались. Введение в биографию Скандербега такой весьма существенной детали (а момент его избрания всем народом в русской повести потом еще раз подчерки-

---

[1] Наст. изд., стр. 14. — Эту фразу см. также на фотографии с листа публикуемого (Соловецкого) списка повести. Достойно внимания следующее обстоятельство: во всех без исключения списках повести, привлеченных к настоящему изданию, эта фраза совпадает слово в слово и в ней не отмечается разночтений. Переписчики, очевидно, понимали значение факта всенародного избрания Скандербега для его биографии и переписывали это место особенно тщательно.

вается) говорит о несомненных демократических тенденциях автора русской повести.

Эти демократические тенденции в дальнейшем изложении биографии албанского народного героя в русской повести определяют многие моменты поведения Скандербега. Так, например, после первой победы над турками Скандербег, по словам автора русской повести, «за то людям своим кланялся» (у Бельского здесь сказано, что он обратился к съехавшемуся по его приказанию «рыцарству» с благодарственной речью), а в дальнейшем, после описания каждой победы албанцев над турками, автор русской повести не забывает отметить, что Скандербег всю военную добычу, кроме «наряда», т. е. вооружения и боеприпасов, раздает «людем своим». Ко всему албанскому народу, а не только к албанским феодалам обращены в русской повести и речи Скандербега, начинающиеся обычно фразой: «Милые соседи и люди мои». У Бельского Скандербег обращается с речами опять-таки только к «благородному рыцарству».

Наконец, демократическая тенденция автора русской повести сказалась и в описании отношения Скандербега к мирному турецкому населению освобожденных им албанских городов и к пленным туркам. Постоянно подчеркивая жестокость турецких султанов и их полководцев, беспощадно истреблявших не только пленных, но и мирное население захваченных ими городов, автор русской повести не забывает каждый раз отметить, что пленных Скандербег всегда возвращал на родину за откуп. Гуманное отношение Скандербега к турецкому населению албанских городов подчеркивается автором русской повести при описании возвращения его в Крую. И у Барлетия, и в южнославянской повести, и у Бельского здесь описан настоящий турецкий погром, когда албанские воины с криками: «Бейте! Бейте неприятелей наших!» — ночью врывались в дома турецких жителей и истребляли всех поголовно, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей.[1] Все эти подробности опущены в русской повести, автор которой, очевидно, заметил их несоответствие с его трактовкой образа Скандербега как народного вождя и полководца,

[1] M. Bielski. Kronika. . ., л. 243 об.

методы ведения войны которого не могут совпадать с методами турецких агрессоров.

Можно привести еще много примеров, как автор русской повести пытается создать новый, отличный от описанного в источнике его произведения — хронике Бельского — образ Скандербега, который в отличие от портрета Скандербега в западноевропейских версиях получился наиболее близким к тому образу народного вождя и полководца, каким он навсегда остался в памяти своего народа и народов славянских стран — в их песнях, сказаниях и преданиях, вдохновлявших и продолжающих вдохновлять албанских писателей и поэтов на создание многочисленных литературных и поэтических произведений о жизни и деятельности Скандербега, о чем уже говорилось в начале нашей статьи.

Новая трактовка образа Скандербега в русской повести дала возможность ее автору более логично и последовательно, чем в хронике Бельского, раскрыть смысл и значение борьбы Скандербега с турками, более убедительно мотивировать его успехи в этой борьбе. Читая Бельского, трудно поверить, что такой типичный правитель-феодал, каким выведен у него Скандербег, к тому же опиравшийся на албанскую знать, мог возглавить всенародное движение против иноземных захватчиков. Слишком хорошо известно, что албанские феодалы в тех редких случаях, когда они, на время прекратив междоусобные войны, пытались организовать отпор турецкой агрессии, боялись вовлекать в эту борьбу широкие народные массы, которые могли обратить оружие против своих местных поработителей и угнетателей. И только полководец, веривший в свой народ и не боявшийся его, полководец, пользовавшийся безграничным доверием и любовью своего народа, мог возглавить его национально-освободительную борьбу с иноземными захватчиками. Так и было в действительности.

Более того, общенародный характер борьбы Скандербега с турецкой агрессией обусловил всю его стратегию и тактику — тактику партизанской войны, которая только и могла быть успешной в борьбе с численно во много раз превосходящим, прекрасно вооруженным и снабженным всем необходимым противником. Опираясь

на поддержку местного населения, среди которого он набирал свои войска, Скандербег при каждой встрече с турками разделял свою армию на маленькие подвижные отряды. Отлично знавшие природные условия своей страны, знавшие каждую горную тропинку, отряды внезапно нападали на турок в таких местах, где турецкая армия не могла развернуться — в ущельях, на перевалах, в узких долинах бурных горных рек. Такая тактика деморализовала и изматывала силы турок, не давала им использовать свое численное и материальное преимущество. Инициатором и организатором всех этих смелых партизанских налетов на вражеские войска, заканчивавшихся, как правило, победой немногочисленных албанских отрядов над турецкими армиями, был всегда сам Скандербег. Его образ в русской повести — образ народного вождя и полководца — не только максимально соответствует своему прототипу, но — и это главное — становится неотделимым от всего содержания этого произведения, в ярких и впечатляющих чертах рисующего картину народно-освободительной борьбы албанцев с турецкой агрессией.

Более четко, чем у Бельского, показано в русской повести и международное значение борьбы албанского народа. Для примера рассмотрим два эпизода.

Первый из них — описание смерти султана Мурата — играет большую роль в изложении истории Скандербега еще у Барлетия. Выше уже отмечалось, что у него смерть турецкого султана в Албании осмыслена как возмездие за его враждебное отношение к христианам, которые нашли за себя мстителя в лице Скандербега. В славянской версии биографии народного героя Албании описанием смерти Мурата заканчивается первая часть произведения, четко разграниченного вставкой о взятии Константинополя на две части. Естественно, что здесь у Барлетия и в славянских повестях о Скандербеге подводится итог первому этапу его борьбы с турками. Наиболее четко это выражено в русской повести. Умирающий султан, завещая своему сыну и преемнику довести до конца борьбу со Скандербегом, признает, что последний помешал ему продолжить традиционную политику турецких султанов — политику непрерывных завоеваний новых земель и жестокого укрощения «сильных

царей, и королей, и великих княжат». Последним звеном этой политики, направленной на завоевание мирового господства, был захват Константинополя, который Мурат, по его собственным словам, не мог осуществить из-за постоянных войн со Скандербегом: «Уж бы яз в то время и Царьгород взял, толко б мне не тот Скандербег мешал».[1] Приведенной фразы у Бельского нет.

Так в русской повести формулируется международное значение борьбы Скандербега: эта борьба задержала турецкую экспансию в Европу, помешала султану Мурату захватить остатки Византийской империи. Тем самым борьба Скандербега с Турцией, начатая им как борьба за освобождение своего народа, переросла в борьбу международного значения.

То же обстоятельство подчеркивается и во втором эпизоде (в конце повести) — в речи Скандербега к римскому папе, одной из тех речей, которые в значительной степени сочинены автором русской повести. Речь — очень краткая, но выразительная — хорошо иллюстрирует творческие приемы автора русской повести. В начале ее дается буквальный перевод соответствующего места хроники Бельского: Скандербег жалуется, что нет у него на теле целого места, «где б быть новым раном». Здесь явная гипербола (в конце повести говорится, что Скандербег за всю свою жизнь «никаковы раны ни от кого не принял — толко... под ним конь пал... и ногу маленко потиснули ему»), гипербола народно-поэтического происхождения, примененная совершенно сознательно для усиления впечатления. Вторая часть речи целиком сочинена автором русской повести. Скандербег коротко, но твердо, с сознанием собственного достоинства и значения своей борьбы с турецкой агрессией заявляет, что, если бы не он «стоял и оборонял всех христиан — давно бы мы себе и мест не познали от турков». Таким образом, Скандербег в русской повести выступает не просителем, старающимся разжалобить своих собеседников, но человеком, сознающим свое достоинство и значение.

В борьбе Скандербега с турками принимали участие все народы Балканского полуострова за исключением греков; последнее обстоя-

[1] Наст. изд., стр. 32.

тельство дает повод автору русской повести местами акцентировать антигреческую тенденцию славянских повестей о Скандербеге.

Если сравнить строки, которыми начинается у Бельского глава о Скандербеге и начало русской повести, то при всем внешнем сходстве бросается в глаза их различие по содержанию. Бельский, отмечая «глупость» и недальновидность греков, лишь упоминает о том, что они «много пишут о своей мудрости и былом могуществе над другими народами»; автор русской повести переносит на это акцент и начинает свое повествование с резкого упрека грекам за их бахвальство. Для усиления акцента он вставляет фразу собственного сочинения о неумеренности бахвальства греков. Далее в русской повести греки объявляются не только «глупыми», но и самыми ленивыми людьми на свете, причем заявляется, что они «никогда воинского дела от себе не являли». На все это у Бельского нет даже намека.[1]

Таковы некоторые стороны содержания «Повести о Скандербеге», появившейся в результате переработки польского источника на русской почве.

Что касается литературного оформления русской повести, то и здесь в известной степени сказалась самостоятельность творчества неизвестного русского писателя.

«Повесть о Скандербеге» прежде всего несколько короче соответствующей главы из хроники Бельского. Сокращение произведено в основном за счет изложения событий первого периода жизни и деятельности народного героя Албании, когда он находился на турецкой службе. При этом эпизоды, в которых описывается личная храбрость, сила и ловкость Скандербега сокращены гораздо меньше, чем описание его походов и боев в рядах и во главе турецкой армии. Гораздо короче изложены в русской повести и описания награждения Скандербега турецким султаном; в ней, например, даже не упоминается о получении им турецкого воинского звания «санджака», о чем говорится у Бельского и в южнославянской повести. Цель

[1] Подробнее об этом см.: Н. Н. Розов. Повесть о народном герое Албании в древнерусской письменности. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., **XII**, вып. 6, 1953, стр. 505—506.

этих сокращений нетрудно предположить: отмеченные подробности опущены потому, что они плохо согласуются с трактовкой образа Скандербега как вождя своего народа, как непримиримого и последовательного противника турок.

Интересные наблюдения можно сделать над способами изложения речей и посланий действующих лиц в «Повести о Скандербеге».

Обилие и пространность речей является характерной особенностью книги Барлетия, послужившей одним из главнейших поводов для нападок на его произведение; в сочинении речей и посланий он действительно проявил значительную свободу и самостоятельность. Последнее, очевидно, почувствовал и Бельский: у него многие речи, как уже отмечалось ранее, сокращены или изложены в третьем лице. В русской же повести некоторые из речей оказываются вновь изложенными от первого лица. Понадобилось это автору русской повести, очевидно, для того, чтобы сделать свое произведение наиболее занимательным, наиболее доходчивым для широких читательских кругов. Такой прием для древнерусской историографии и литературы является традиционным: исстари было принято именно так разнообразить и популяризировать изложение летописей, хронографов, исторических повестей.

В речах и письмах действующих лиц автор русской повести местами стремится также более четко, чем в хронике Бельского, охарактеризовать взаимоотношения между своими героями. Так, например, в письмах Скандербега к турецкому султану автор русской повести, опуская в титуле султана имеющееся у Бельского слово «князь», подчеркивает разницу между законным властителем своей страны «князем албанским» Скандербегом и выскочкой, получившим престол в результате интриг и убийств, «турецким атаманом» Муратом. Со своей стороны, Мурат считал Скандербега своим мятежным вассалом. Последнее в русской повести подчеркивается тем, что все довольно многочисленные эпитеты, которые употребляет Мурат в хронике Бельского по отношению к Скандербегу («отступник», «злодей», «разбойник» и другие) заменены здесь одним словом — «вор». В XVII в. это слово чаще всего употреблялось в отношении «мятежников» против «законной власти».

Особенно интересны добавления, внесенные автором русской повести в последнюю, предсмертную, речь Скандербега[1] к своему сыну, заслуживающую особого внимания: в ней дается не только завершение образа Скандербега и излагается его политическое «кредо», здесь налицо попытка автора русской повести нарисовать портрет «идеального монарха» в духе своего времени. У Барлетия эта речь пространна, риторична, содержит ссылки на примеры из древней истории. В славянских повестях все это значительно сокращено; автор же русской повести в изложении этой речи не только сокращает, но и дополняет Бельского, что видно из сравнения речи Скандербега в польской хронике и в русской повести. При сравнении обнаруживается, что у Бельского отсутствуют следующие фразы, имеющиеся в русской повести: «Не буди ленив, пиров не добре люби, войны не откладывай на пришлые часы — для того царства погибают... не токмо царю или какову правителю — и всякому человеку добро правда». Автору русской повести принадлежит также рассуждение о сребролюбии с заключительной сентенцией, звучащей как пословица: «добро злато в людех, а не в сокровищах». Наконец, переосмыслена и одна из заключительных фраз речи Скандербега. У Бельского сказано: «Мог бы я тебе многое иное сказать, но счастья дать не могу, а счастье от добрых дел приходит»;[2] в русской же повести имеется следующее: «Могл бы яз тебя, сыну мой милый, всему доброму научить, а разума части тебе не могу дати — то дар божий есть. А от доброго разума и счастье бывает».

Не трудно заметить, что многие из мыслей, которые русский автор добавил от себя в монолог Скандербега, перекликаются с идеями, высказанными в некоторых произведениях русской литературы и публицистики конца XVI—начала XVII в., дающих оценку деятельности Ивана Грозного, Бориса Годунова, Василия Шуйского. Можно отметить почти буквальные совпадения некоторых выражений с фразами одного малоизвестного произведения русской публицистики начала XVII в., специально посвященного вопросам госу-

---

[1] Наст. изд., стр. 51—52.

[2] M. Bielski. Kronika..., л. 258.

дарственного устройства, в котором трактуются проблемы отношений между царем и его подданными.[1] Так при очевидном влиянии политических идей своего времени автор русской повести о Скандербеге сочинил последнюю и важнейшую по значению речь своего героя.

Для полноты характеристики метода использования автором русской повести своего источника в части изложения речей действующих лиц, следует еще сказать, что̀ получается, когда автор русской повести перестает критически относиться к своему источнику и перерабатывать его. Лучше всего это продемонстрировать на примере, который уже привлекался в начале настоящей статьи, когда говорилось о методах использования своих источников первым биографом Скандербега — Марином Барлетием. Последний допустил в сочиненном им от имени Скандербега письме к турецкому султану значительное искажение образа народного героя Албании, приписав ему идеи, принадлежавшие римскому папе Пию II.

В славянской версии биографии Скандербега начало письма сокращено и несколько переработано. И в южнославянской повести и у Бельского Скандербег прежде всего остроумно издевается над пышным и многословным титулом султана и заявляет, что он не имеет уже права на такой титул. Далее, вслед за Барлетием, от лица Скандербега излагается популярная в византийской историографии теория «смены царств». Все это целиком перешло и в русскую повесть (в ней только несколько сокращен список древних государств, последовательно сменявших друг друга), так же как и дальнейшее требование немедленного и поголовного принятия христианства султаном и его подданными.

Если можно еще поверить, что Скандербег изложил в письме к турецкому султану не принадлежащие ему, но популярные в то время идеи «смены царств», так как источники и, в первую очередь, сохранившиеся в итальянских архивах письма Скандербега, свиде-

---

[1] Произведение так прямо и названо: „Описание вин или причин, которыми к погибели и к разорению всякия царства приходят и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца". См.: Труды отд. древнерусской лит. Инст. русской лит. АН СССР, **X**, 1954, стр. 342—352.

тельствуют о его большой эрудиции (об этом см. комментарий, стр. 214), то уж никак нельзя представить себе, чтобы такой трезвый и здравомыслящий политик, каким изображен он у Барлетия и каким он и был в действительности, мог предложить туркам в качестве непременного условия мира поголовное принятие христианства. Здесь первый биограф Скандербега, а вслед за ним Мартин Бельский и автор русской повести допускают явное искажение действительности, искажение образа народного героя Албании. Это искажение особенно заметно в русской повести, где образ Скандербега как мудрого политика и народного вождя очерчен наиболее ярко.

Итак, значительно переосмыслив идейное содержание биографии Скандербега, несколько переработав ее композиционно, пересмотрев отдельные художественные приемы, переработав характеристики действующих лиц, неизвестный русский писатель создал по материалу хроники М. Бельского и по ее канве новое произведение, существенно отличающееся от своего источника.

Некоторые же языковые особенности обоих произведений сближают их. Язык русской повести о Скандербеге, так же как и язык ее источника — хроники М. Бельского, — характеризуется прежде всего широким использованием просторечных слов и выражений, употреблением фольклорных образов и сравнений.

Важно отметить, что многие из фольклорных образов и сравнений, перешедших в русскую повесть из ее источников, имеются уже у Барлетия и в южнославянской повести. Последнее обстоятельство увеличивает их ценность, так как в этих образах дошли до нас отголоски народных преданий и песен, которые сложили о Скандербеге его соратники и современники в Албании и соседних с нею славянских странах.

Приведем несколько примеров образов и сравнений народнопоэтического происхождения, отсутствующих у Барлетия, но имеющихся в «Повести о Скандербеге-Черноевиче» и в хронике М. Бельского, оставленных автором русской повести без изменения или же переосмысленных им.

К первым относится чрезвычайно выразительное, почерпнутое из повседневной практики сравнение боевого порядка албанских войск

с растянутым в воде неводом. Далее, только в славянских повестях имеется не менее выразительное сравнение султана Магомета со злой собакой. Таким сравнением подчеркивалась хорошо известная современникам жестокость турецкого султана, ярко проявившаяся в тех двух аналогичных ситуациях, при описании которых оно применено: во время долгих и безуспешных осад Круи и Константинополя.

Что же касается случаев переосмысления автором русской повести образов и сравнений из числа имеющихся в хронике М. Бельского, то для примера приведем уже отмеченное выше при разборе книги Барлетия сравнение осажденных в крепости с животными, прячущимися от волка. Составитель русской повести усиливает это сравнение жителей осажденного города с напуганными животными противопоставлением «целоумных людей» «бешеным», сравнивая последних с овцами. В результате сравнение получилось более выразительным, чем у Барлетия и у Бельского.

В русской повести, хоть и не очень часто, попадаются образы и сравнения, отсутствующие у Бельского. Приведем по этому поводу всего два примера, характеризующие творческий метод автора русской повести с разных сторон. Первый — просторечное сравнение, звучащее как пословица: «Хотя недруг с воробья, а ты ево ставь болши лебедя»;[1] второй — сравнение книжное, риторическое, в русской повести редкое и выпадающее из общего стиля ее изложения: «... притягаешь... гладкими словесы, что магнит железо».[2] Сравнениями первого типа русская повесть изобилует, причем часто они идут одно за другим, как бы нанизываясь друг на друга. Вот одна из таких «цепочек» сравнений, с помощью которой автор русской повести сделал максимально выразительной речь турецкого полководца: «... не то храбрость храбраго, что побивает много, — то храбрость храбраго, что может кто сердце свое утолить. Не то похвала твоя, Скандербеже, что многих побиваешь, — то похвала твоя...».[3]

В последнем примере нетрудно заметить еще одну особенность творческого метода автора русской повести: ритмическую структуру

[1] Наст. изд., стр. 23.
[2] Наст. изд., стр. 20.
[3] Наст. изд., стр. 36.

некоторых из сочиненных им речей действующих лиц, близкую к произведениям русского устного поэтического народного творчества. Близость эта усиливается постоянным употреблением парных словосочетаний, испокон веков бытующих в русских былинах и сказках: «добрый молодец», «злая смерть», «прямая правда» и многие другие.

Относительно лексики русской повести о Скандербеге необходимо еще отметить две особенности: обилие просторечных русских слов и выражений, а также значительное количество оставленных без перевода польских слов. Наряду с такими типично русскими народными словами и выражениями, как «почать», «зычать», «туды и сюды», «тутошние люди» и многие другие, употребляются польские слова: «тять» (рубить, сечь), «рушиться» (двигаться), «посесть» (овладеть), «место» (в смысле «город»), «прапор» (знамя), «шальный» (от польского «szalony») и другие.

Употребление польских слов дает основание сделать предположение относительно места создания русской повести о Скандербеге: она могла быть создана там, где издавна существовала живая связь родственных по происхождению славянских языков — польского и русского. Известно, что из пограничных с Польшей украинских и белорусских земель в русскую литературу пришли многочисленные произведения зарубежных литератур самых разнообразных жанров, начиная от нравоучительных «Великого зерцала» и «Римских деяний» и кончая остросатирическими «фацециями» и «жартами». Все эти произведения на русской почве подверглись настолько значительной переработке, что их никак нельзя считать произведениями заимствованными, переводными.

Следует отметить, выражаясь словами одного из современных исследователей древнерусской литературы, что материал западной повествовательной литературы скоро «обнародился», захватив гораздо бо́льший круг читателей, чем это мог сделать материал предшествующей переводной литературы.[1] То же относится и к публи-

---

[1] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 5, М., 1953, стр. 440.

куемой в настоящем издании «Повести о Скандербеге». В ней налицо и значительная переработка ее польского источника, и литературное оформление, выдержанное в лучших традициях русской литературы и публицистики, и просторечный, яркий, образный язык, делающий это произведение доступным самым широким читательским массам. Поэтому «Повесть о Скандербеге» должна встать в ряд таких перешедших в Россию через Украину и Белоруссию произведений зарубежной литературы, переработанных и ассимилированных русскими книжниками, как «Римские деяния», «Повесть об Аполлоне, короле Тирском» (встречающиеся, кстати сказать, в двух случаях в одном рукописном сборнике с «Повестью о Скандербеге») и многие другие.

Если литературное оформление «Повести о Скандербеге» дает основание для предположения о месте ее создания, то идейно-политическое содержание этого произведения, его направленность, дает право отнести его к определенному времени.

Отношение русских людей к туркам, точнее — к завоевательной политике османских султанов, отразившееся в древнерусской литературе и публицистике, развивалось в XV—XVII вв. в основном в следующих направлениях.

В первых откликах русской литературы на события 1453 г. — в цикле повестей о падении Царьграда — звучали отчетливые нотки сочувствия к грекам, скорби о судьбе «царствующего града», падение которого осмыслялось, однако, как «божья кара» за вероотступничество, за унию с католицизмом. «Безбожные турки» изображались в этих повестях самыми мрачными красками как клятвопреступники, убийцы, оскорбители и разорители святынь и т. п.

Через сто лет, когда уже изгладилось в памяти русских писателей и публицистов непосредственное впечатление от взятия и разорения Константинополя турками, в русскую литературу начинают проникать отголоски реакции западноевропейских, католических писателей и публицистов на эти события, о которых уже говорилось в начале настоящей статьи. Во второй половине XVI в. завоеватель Константинополя султан Магомет II оказался в русской литературе и публицистике уже настолько «реабилитированным», что создалась

возможность появления таких произведений, как сочинения Ивана Пересветова, в которых, хоть и в аллегорической форме, этот султан представлялся уже образцом политического деятеля.

Совсем другое отношение сложилось в России к туркам и к их знаменитому султану «Магомету-завоевателю» в начале XVII в. Теперь, когда волна турецкой агрессии, разлившись по Балканскому полуострову, подходила к границам нашей страны, трудно и невозможно было уже изображать турок носителями «порядка», законности, прогресса и культуры. Набеги крымских татар и турок на южнорусские земли, сопровождавшиеся грабежом, разорением, насилием и угоном в плен мирного населения, были у всех на виду.

История Скандербега, изложенная в хронике Бельского, была в такой ситуации настоящей находкой для русских писателей-публицистов. Она давала богатый, интересно и занимательно изложенный материал о героической борьбе албанского народа с турецкой агрессией, проходившей в условиях не только огромного материально-технического превосходства противника, но и в условиях почти полного отсутствия помощи со стороны соседних государств, в обстановке незатухавших феодальных распрей. Все это напоминало русским людям только что пережитые времена — времена героической борьбы нашего народа с боярской «смутой» и иностранной интервенцией, борьбы, проходившей также без помощи извне. Живые впечатления современника водили пером неизвестного русского писателя, когда он перерабатывал хронику М. Бельского в русскую повесть о народном герое Албании; отсюда — неподдельная взволнованность его рассказа, его публицистическая страстность, в весьма малой степени обнаруживающаяся у Бельского, который писал историю Скандербега как беспристрастный хронист, заботившийся больше всего о приведении в известную систему сведений, почерпнутых из самых разнообразных источников.

Предположение о появлении в русской литературе «Повести о Скандербеге» в первые десятилетия XVII в. подтверждает также и то обстоятельство, что старейший из известных списков повести — Соловецкий — относится к середине того же столетия.

Отнесение «Повести о Скандербеге» к началу XVII в. объясняет, наконец, и чрезвычайную яркость образов ее героев. Эти образы борцов за свободу и независимость своей родины, так же как и образы иноземных поработителей, были близки автору русской повести. Он не только знал их по произведениям русского былинного эпоса или древнерусской литературы, главным образом по историческим и воинским повестям периода татаро-монгольского нашествия, но и видел их вокруг себя среди многочисленных знаменитых и безымянных героев освободительной борьбы украинского и белорусского народов. Поэтому в русской повести, в отличие от западноевропейских версий биографии Скандербега, последний и предстоит перед нами как подлинный народный герой, каким великий воин Албании был и остается для своего народа до наших дней.

СПИСКИ «ПОВЕСТИ О СКАНДЕРБЕГЕ»

«Повесть о Скандербеге» известна нам в девяти списках.

1. Рукопись библиотеки Соловецкого монастыря (ныне в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), № 1495/36. Отдельная рукопись, 66 лл. в 4°. Скоропись середины XVII в. (По этому списку и опубликован текст повести в настоящем издании).

2. Рукопись собрания М. П. Погодина (там же), № 1604, лл. 355—414 об. Тетрадь в сборнике-конволюте в 4°, состоящем из 15 отдельных рукописей. Скоропись второй половины XVII в.

3. Рукопись собрания А. А. Титова (там же), № 2421 (по охранному каталогу), лл. 95 об.—152. Тетрадь в сборнике-конволюте в 4°, состоящем из трех рукописей. Скоропись второй половины XVII в. (заглавие — полууставом, киноварью).

4. Рукопись собрания Ярославского областного архива, № 124. лл. 120—180. Сборник в 4° нескольких почерков. Скоропись второй половины XVII в. (заглавие и заголовки отдельных частей — киноварью). В тексте — многочисленные исправления (по подчищенному) позднейшим почерком.

5. Рукопись собрания Вифанской духовной семинарии (ныне в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве), в двух томах, № 44 и 45, лл 443—461 (по старой сплошной пагинации). Сборник в 1° одного почерка. Беглый полуустав второй половины XVII в. (заглавие и заголовки отдельных частей — киноварью и красными чернилами, частично вязью; некоторые инициалы орнаментированы).

6. Рукопись собрания М. П. Погодина (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), № 1404, лл. 762 об.—790. Сборник в 1° нескольких почерков. Беглый полуустав второй половины XVII в. Некоторые инициалы и заголовки (в тексте) — киноварью и красными чернилами.

7. Рукопись фонда № 739 (Ф. Ф. Мазурина) Центрального Государственного архива древних актов в Москве, лл. 163 об.—221. Сборник в 4° различных почерков. Скоропись второй половины XVII в.

8. Рукопись собрания Министерства иностранных дел (ныне в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве), № 351/300, лл. 374 об.—

390 об. Сборник одного почерка в большой лист. Скоропись конца XVII в. (заглавие и заголовки отдельных частей — красными чернилами).

9. Рукопись собрания Е. Е. Егорова (ныне в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве), № 862, лл. 474—503. Тетрадь в сборнике-конволюте в 1°, состоящем из многих отдельных рукописей. Полуустав конца XVII в. (заставка, рисованная пером; заглавие — киноварью, вязью; в конце тетради — колофон).[1]

Наблюдения над текстом «Повести о Скандербеге» в перечисленных списках дают основания для следующих выводов.

Из девяти списков в одну архетипную группу входят семь, из которых наиболее близкими друг к другу являются шесть: Соловецкий, два Погодинских, Титовский, Вифанский и Ярославский.

Первый из них — наилучший по полноте и исправности текста.

В Погодинском № 1604 перебиты листы (в одной тетради) и есть небольшой пропуск в конце; однако в целом список довольно исправен.

Титовский список полнее этого Погодинского, но отличается значительной безграмотностью. Писец местами явно не понимал того, что писал: искаженными оказались не только собственные имена и географические термины,[2] но и целые фразы (например, вместо имеющейся во всех остальных списках фразы «... на все злое уклонились» в Титовском списке написано: «...на себе бы зло учинили»). Имеются также случаи переосмысления писцом отдельных, очевидно, непонятных для него слов. Так, столица Турции Адрианополь последовательно называется «Адрианово поле», причем оба слова склоняются самостоятельно, а польское слово «сейм» превратилось в русское слово того же общеславянского корня — «сонм». Переписан же Титовский список с хорошего оригинала: в нем почти нет пропусков и оказываются исправленными некоторые описки Соловецкого и Погодинского списков.

Что касается Ярославского списка, то он довольно близок ко всем трем перечисленным спискам; позднейшие поправки, имеющиеся здесь, свидетельствуют о сверке его со списком, особенно близком к Соловецкому. Ярославский список полон, исправен, написан вполне грамотно; по этим качествам он может быть поставлен среди списков «Повести о Скандербеге» на одно из первых мест.

Вифанский список по своим немногочисленным разночтениям с Соловецким занимает промежуточное положение: часть их совпадает с Ярославским, часть — со списком Министерства иностранных дел. Список полон, исправен, переписан с хорошего оригинала. В языке Вифанского списка отмечается тенденция к просторечию: последовательно выдерживается полногласие («соромота» вместо

---

[1] Списки «Повести о Скандербеге» автору настоящей статьи были указаны А. А. Зиминым (ЦГАДА и Егоровский), В. В. Лукьяновым (Ярославский) и М. А. Салминой (Вифанский).

[2] Например: «Раконт» вместо «Ураконт», «Отаняс» вместо «Танюс» и т. п.; имя римского папы вообще не было понято писцом, который вместо «папа Энеас Сильвиус» написал: „папа взял силу".

«срамота», «золото» вместо «злато» и т. п.), заменяются архаичные грамматические формы более современными (например, вместо «надобет» всюду пишется «надобно», вместо «деется» — «делается», слово «покаместо» заменено в одном случае словом «пакú», последовательно заменяется «аз» на «яз»).

Весьма близким к Вифанскому является Погодинский список № 1404 (в дальнейшем будет называться: «Погодинский 2-й»). Но в нем гораздо больше, чем в Вифанском списке, разночтений совпадает со списком Министерства иностранных дел. Совпадения идут главным образом по части лексики: Погодинский 2-й список почти полностью повторяет все полонизмы и белоруссизмы списка Министерства иностранных дел. В целом язык Погодинского 2-го списка, так же как и предыдущего, имеет тенденцию к сокращению архаических написаний отдельных слов и словосочетаний. Список этот полон, довольно исправен; в тексте имеется лишь несколько небольших пропусков [1] и описок (одна из них — в самом первом слове повести: вместо «неразумные грекове» написано «не разумевше грекове»).

Список собрания Министерства иностранных дел, хоть и относится к той же, что и предыдущие, архетипной группе, но отличается изобилием оставленных без перевода польских и белорусских слов. Так, например, несколько раз употребляется (в речах действующих лиц) слово «вашеци» (соответствует русскому обращению «ваша милость»), часто встречаются слова «любца», «надея», «обетница» и многие другие, а также целая фраза: «Для того Магомед с вашецы мировался, цобе ты не трапил на него з нами» (в других списках: «Для того Магомет с тобой помирился, хотячи тебя уловить, чтобы ты не стоял на него с нами»). Эти языковые реликты свидетельствуют о первоначальной переработке главы о Скандербеге из «Всемирной хроники» М. Бельского на белорусской или украинской почве, переработке, сделанной с сохранением (без перевода) большого количества польских слов. Все это дает основание предположить близость списка Министерства иностранных дел к первоначальному виду текста «Повести о Скандербеге».

Однако в настоящем издании текст повести публикуется по Соловецкому списку. Последний выгодно отличается от предыдущего тем, что не является одиноким среди других списков, но представлен целой группой — шестью списками. Это тот самый текст, который получил наибольшее распространение в древнерусской рукописной книжности. При этом он в значительной степени освободился от своих «родимых пятен» — полонизмов, максимально «руссифицировался» и может быть в настоящее время признан наиболее типичным списком «Повести о Скандербеге» для первой половины XVII в.

Остальные два списка «Повести о Скандербеге» — списки второй половины и конца XVII в. (Мазуринский и Егоровский) дают возможность представить себе дальнейшую историю жизни этого произведения на русской почве. Оба списка отличаются от остальных, представляющих собой архетипную группу,

[1] Эти же пропуски есть в списке МИД

списков в первую очередь по своему языку. При этом если Мазуринский список дает дальнейшее сокращение полонизмов по сравнению со списками архетипной группы, то в Егоровском списке чувствуется определенная тенденция к витиеватости, риторичности.

Так, например, несколько раз встречающееся в близких к архетипному тексту списках «Повести о Скандербеге» слово «шальный» или «шальной» (от польского «szalony» — бешеный, неистовый) заменено в Мазуринском списке словом «глупый», а в Егоровском — «безумный»; полонизированная форма «княже», «княжати» заменена русскими формами «князь», «князья»; переведенными оказались также слова «рушиться» (двигаться), «место» (в значении — город) и многие другие. Иногда эти переводы идут даже в ущерб смыслу того или иного места повести: например, словом «арцыбискуп» в украинском и белорусском языках называются иерархи католической церкви, и вовсе не нужно было его заменять титулом «архиепископ», применяемым исстари к служителям православной церкви.

Кроме польских слов, в Егоровском списке заменены все просторечные русские слова и обороты (например: «туды и сюды», «зычали крепко», «почали утекать», «сам на сам» и другие) на более книжные. Здесь появились такие характерные для религиозно-нравоучительной или деловой, приказной письменности слова и выражения, как «явились в бегуны», «били челом», «скорбию изнемогаючи», «преставися» и многие другие. Очень часто писцу Егоровского списка для замены одного-двух слов, которыми в повести метко характеризуется кто-либо из действующих лиц или описывается какой-нибудь поступок героя, приходится прибегать к описательным приемам; в результате, как правило, получается хуже, менее образно и метко, чем в публикуемом тексте. Так получилось, например, со сравнением султана Магомета со злой собакой, особый и не случайный смысл которого уже отмечался (см. стр. 143): вместо фразы «А Магомет — сын иво, — что злая собака...» в Егоровском списке сказано: «Магомет — сын его, — бесяся на город...». Или еще пример. Узнав о том, что европейская армия крестоносцев, на которую Скандербег возлагал большие надежды, разбежалась из-за плохой подготовки к походу на турок (об этом подробнее см. комментарий на стр. 215), он, по другим спискам, «ни пил, ни ел от жалости три дни и много плакал о том». В Егоровском же списке сказано совсем иначе — более гиперболично, но менее выразительно: «Скандербег бысть в великой печали и от великия жалости едва не предася смерти». Следует отметить, что в тех случаях, когда в «Повести о Скандербеге» говорится о «надежде на бога», или о «помощи божьей», писец Егоровского списка становится особенно многословным и заметно усиливает тем самым в общем довольно незначительный религиозно-дидактический элемент этого произведения.

Отмеченные особенности изложения «Повести о Скандербеге» в списке собрания Егорова, особенности, значительно отличающие этот список от остальных, позволяют сделать еще один вывод — о социальной принадлежности автора этой древнерусской повести.

а кто в ней «нача *жити*» (курсив наш, — *Н. Р.*). Содержание книги показывает, как выполнил свою задачу ее составитель. В ходе изложения событий русской истории он постоянно привлекает памятники русской литературы и публицистики, которыми буквально насыщен этот сборник. В нем есть и «Сказание о латынех», и «Послания Ивана Пересветова», и повести о Царьграде, и «Хождение Трифона Коробейникова», и повести о походах Ивана Грозного и Ермака, и еще многое и многое другое. Среди всего весьма обильного и разнообразного, но тематически однородного материала после «Повести о взятии Царьграда» находится тщательно и красиво, с киноварными заголовками переписанная «Повесть о Скандербеге». Присутствие этого произведения, отражающего историю далекой от России маленькой страны — Албании — в сборнике, посвященном истории нашей страны, может быть объяснено двумя причинами: во-первых, явным стремлением составителя показать историю своей страны не изолированно, а на фоне истории других стран, а во-вторых, тем интересом к истории самоотверженной борьбы албанского народа с турецкой агрессией, который, как указывалось в предыдущей статье, не случайно появился в нашей стране в середине XVII столетия.

Аналогичным по содержанию, но еще более объемистым (851 л.) и широким по диапазону отраженных в нем исторических событий является сборник Вифанской семинарии. На богато орнаментированном (в стиле старопечатных московских книг) титульном листе (в первом томе) написано: «Временник, сиречь Летописец о бытии всего мира вкратце избранно от пространного летописания». Сравнение названия этого сборника с предыдущим свидетельствует о том, что составитель Вифанского сборника поставил перед собой цель описать события не русской, а мировой истории. Однако материал сборника по периодам мировой истории распределен весьма неравномерно. Библейской истории, например, уделено в нем минимальное место; немного больше внимания уделено событиям истории Византийской империи. Основное содержание сборника посвящено русской истории: начиная с 66-го листа идет переписанный полностью текст Никоновской летописи со всеми ее экскурсами в историю зарубежных стран. Среди последних (на лл. 431—442) помещены повести о создании и падении Царьграда (последняя в двух вариантах — пространном и кратком), за которыми следуют выписки: «От космографии о турках» (лл. 442 об.—443), «От хронографа о схождении небесного огня в Иерусалиме на гроб господень» (лл. 443—443 об.) и о переводе султаном Магометом греческих книг на турецкий язык (лл. 443 об.— 444). Затем идут выписки из «Слова на звездочетцев» Максима Грека (лл. 444— 445 об.), из послания псковского старца Филофея к дьяку Мисюрю-Мунехину на ту же тему (последняя выписка озаглавлена: «От русския повести», а в начале ее сказано: «Есть же и зде, в преименитом государстве Российском, в повести написано Елизарова монастыря старца Филофея...»). Далее следует известное апокрифическое «Пророчество Данилово» о судьбе «Седмохолмого града» и несколько других мелких выписок о событиях византийской истории, выписанных из хронографа. Затем идет текст «Повести о Скандербеге», особенно четко раз-

битый в этом списке на две части: конец первой части переписан колофоном, а в начале второй имеется киноварный заголовок с разрисованными инициалами. Вслед за «Повестью о Скандербеге» переписано «Хождение Трифона Коробейникова», после которого сделана приписка, объясняющая включение в текст Никоновской летописи всех перечисленных выше статей: «Зде же сия повести того ради вписаны быша: аще и в наказание предано бысть греческое царство неверным, но не до конца отчаянно человеколюбие божие и милость. Его же бо любит господь наказует, понеже множицею преславными знамении неверных острашает, а в гонении православных утешает. И паки на предлежащее возвратимся». После этого продолжается текст Никоновской летописи (отмечаются русские события 1453 г.).

С Вифанским сборником сходен по своему составу Погодинский 2-й, в основе которого также лежит Никоновская летопись, добавленная многочисленными вставками из самых разнообразных источников — из «Польской хроники» М. Бельского, «Космографии», «Степенной книги», хронографа, различных «летописцев» XVII в. В непосредственной близости к «Повести о Скандербеге» расположены те же самые произведения, что и в Вифанском сборнике (только «Слово» Максима Грека перебивается целой тетрадью, неправильно вшитой при переплете, в которой излагаются события русской истории XVI в.). Следующее за «Повестью о Скандербеге» «Хождение Трифона Коробейникова» обрывается в самом начале (на последнем листе сборника); поэтому остается неизвестным, была ли в Погодинском 2-м сборнике приписка, имеющаяся в Вифанском сборнике и объясняющая включение в него всех окружающих повесть статей. Эта приписка дает ключ к пониманию тех соображений древнерусских книжников, по которым они включали повесть о народном герое Албании в сборники хронографического состава.

Все произведения, вставленные в Вифанском и Погодинском 2-м сборниках в непосредственной близости с «Повестью о Скандербеге», тематически связаны друг с другом: в них либо в виде «пророчеств» и «знамений», либо на материале исторических событий трактуется тема борьбы христианства и магометанства. «Повесть о Скандербеге» отражает эту тему в двух планах: в ней рисуются картины бедствий «христианских народов» от «неверных» и описываются неудачи турок в Албании, неудачи, которые, выражаясь языком приведенной выше приписки, «неверных устрашили», а «православных» утешили. Такое же «утешение», по мысли составителя сборника, очевидно, должно было доставить читателю и знакомство с «Хождением Трифона Коробейникова», где рассказывается об уцелевших в Царьграде и в Палестине христианских «святынях», от которых даже в условиях «владычества неверных» продолжают твориться чудеса (по этим же соображениям, несомненно, составитель Вифанского сборника включил в эту вставку и рассказ о «небесном огне»). Это достаточно ярко показывает отношение к «Повести о Скандербеге» русских историографов XVII в., составителей сборников хронографического типа. Для них она часто являлась необходимой частью

изложения событий времен конца Византийской империи, необходимым звеном в осмыслении исторического значения этих событий.[1]

Так, «Повесть о Скандербеге», являвшаяся, как отмечалось выше, в значительной степени «инородным телом» в составе религиозно-нравоучительных сборников типа «Великого зерцала» и «Римских деяний», нашла свое настоящее место среди памятников русской историографии XVII в. Место «Повести о Скандербеге» в сборниках хронографического характера XVII в. было, очевидно, настолько хорошо известно, что при составлении в конце XVII в., а может быть в начале XVIII в., из отдельных тетрадей Егоровского сборника она была вплетена также в ближайшем соседстве с повестями о Царьграде.

Несколько иначе составлен третий из московских сборников — Мазуринский: в нем содержится значительное количество материалов по истории зарубежных стран. Целые главы посвящены в этом сборнике, например, истории Римской империи, монархии Карла Великого, истории Чехии и Польши. Имеется также «Сказание о войне Троянской» и выписка из хроники М. Бельского на ту же тему, за которой непосредственно следует «Повесть о Скандербеге».[2]

Наконец, в одном случае мы находим «Повесть о Скандербеге» в сборнике «чисто литературном» — в Ярославском, где, кроме нее, находятся «История семи мудрецов», «Повесть о Стефаните и Ихнилате», басни и притчи Эзопа. Все это — произведения, лишенные религиозной дидактики и риторики, произведения светской древнерусской литературы.

Наблюдения над составом сборников, содержащих «Повесть о Скандербеге», дают основания для следующих предположений относительно ее судьбы в русской рукописной книжности XVII в.

«Повесть о Скандербеге», появившаяся, видимо, в сборнике переводных дидактических рассказов и повестей типа «Римских деяний», не удержалась в нем и в качестве самостоятельного произведения вошла в основной фонд памятников русской историографии и литературы того времени, распространяясь в составе сборников самого различного содержания. Причину этого следует искать прежде всего в идейно-политическом содержании «Повести о Скандербеге», к которому

[1] Такая функция «Повести о Скандербеге» в сборниках хронографического типа подчеркивает разницу между этой повестью и статьей «Об Албанской стране» в хронографе 2-й редакции: последняя является там придатком к статье об истории Сербии; поэтому в ней рассказана только первая часть истории Скандербега, когда Сербия еще сохраняла остатки независимости.

[2] Более подробное описание Мазуринского сборника см. в кн.: Сочинения И. Пересветова. Под ред. чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 87—88. — «Повесть о Скандербеге» в Мазуринском сборнике помещена после пространной выписки о Троянской войне, в конце которой сказано: «От того Юлисилвиюса (т. е. сына Енея Юла, — *Н. Р.*) почалось королевство Албанское. . .». Здесь составитель сборника, очевидно, принял малоизвестное название древнего города латинян Альбы-Лонги за хорошо знакомое название «Албания», что дало ему повод вслед за выпиской о Троянской войне переписать «Повесть о Скандербеге». Это — еще одно доказательство значительной популярности в русской письменности XVII в. повести о народном герое Албании.

не мог остаться равнодушным русский читатель XVII в. Кроме того, по своему литературному оформлению, главным образом по своему простому и выразительному языку, она была доступна самым широким слоям населения. Все это было причиной немалой популярности «Повести о Скандербеге» в русской рукописной книжности XVII в. Ее переписывали, читали и распространяли и среди дидактических повестей «Римских деяний», и в составе историографических сводов хронографического типа, и, наконец, в чисто литературных сборниках, каким является сборник Ярославского архива.

Кто же были переписчики, владельцы и читатели тех сборников, в которых дошла до нас повесть?

Некоторые сведения об этом дают сохранившиеся приписки. В Егоровском сборнике имеются приписки конца XVII в. трех владельцев: архимандрита Хутынского монастыря (под Новгородом) Пахомия, старца Троице-Сергиева монастыря Никифора Кавадаева и подьячего «приказу большия казны» Степана Иванова. На Мазуринском списке видна полустертая приписка почерком второй половины того же столетия: «Сия книга Летописец куплена в селе Павлове у Ивана Васильева Кузнецова... а купил Маркел Сергеев». Ярославский список также имеет полустертую надпись почерком конца XVII—начала XVIII в.: «Сия книга столника Семено...».

Таковы сведения о владельцах сборников, содержащих «Повесть о Скандербеге», в XVII в. Несмотря на свою отрывочность и случайность, они говорят о том, что повесть читали представители самых разнообразных слоев русского общества того времени.

О распространенности «Повести о Скандербеге» свидетельствует и местонахождение рукописей, содержащих это произведение, в XVIII—XIX вв. Ярославский список был подписан в 1751 г. инициалами «Г. Ч.» «в Санкт Петер Бурхе на Литейной улице». Мазуринский список попал в начале прошлого столетия в библиотеку купца Г. П. Медведкова в городе Устюге Великом, а Погодинские и Титовский — в собрания, составленные из книг, приобретенных на антикварных рынках Москвы и Поволжья.

Интересны сведения о судьбе Вифанского списка в конце XVIII—начале XIX в. и об одном из его читателей. Вифанский сборник был в 1792 г. препровожден при письме наместника Троице-Сергиевой лавры игумена Досифея московскому митрополиту Платону (Левшину).[1] Последний читал его, очевидно, долго и внимательно, а в 1807 г. распорядился: «сей Летописец, яко редкий и довольно исправный, хранить в библиотеке Вифанской семинарии».[2] Особое внимание Платона привлекла «Повесть о Скандербеге»: на полях много его собствен-

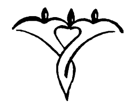
---

[1] Это письмо подклеено под переплет первого тома рукописи. В нем, между прочим, отмечается, что этот «Летописец» более исправен, чем те, о которых в Сергиевой лавре снимались копии для «государыни» (Екатерины II).

[2] Вифанская рукопись № 44, л. 1 (чистый) об., собственноручная приписка Платона.

норучных пометок, отражающих отношение знаменитого в свое время церковного деятеля и писателя к некоторым эпизодам истории Скандербега.

Приведенные сведения о рукописях «Повести о Скандербеге» дают все основания для утверждения, что это произведение, возникшее в начале XVII в. где-то в близких к Польше украинских или белорусских землях, распространилось по всей России, дойдя к началу XVIII в. до далеких Соловецких островов. Распространенность повести и интерес к ней русского читателя XVIII в. и даже начала прошлого столетия обусловили то, что до нас дошло значительное количество списков «Повести о Скандербеге».[1]



[1] Когда настоящая книга была уже сверстана, Л. А. Дмитриев сообщил нам сведения еще об одном списке «Повести о Скандербеге». Это — отдельная рукопись собрания И. И. Шляпкина (ныне в научной библиотеке Саратовского университета), в 1°, скоропись второй половины XVII в.

ВАЖНЕЙШИЕ РАЗНОЧТЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ[1]

[1—1] *Нет ПТ.* [2]*Нет М.* [3—3] *Нет МПТ.* [4—4]то есть безумных дело *Е.* [5]царем *Е.* [6]уметь *Е.* [7]*Нет ЕИПг.* [8—8]видя зло от него *Е.* [9—9]мертв *Е.* [19]люди мужеством *Е.* [11—11]*Нет ИПг.* [12—11] не смел дерзнути битися с ними *Е.* [13]Чаешь *ВППгТЯ*; час есть *Е.* [14]толкнуть *ВИПг;* торкнуть *ТЯ.* [15—15]и дал персианину саблею рану великую *Е.* [16]погибель товарища своего *Е.* [17—17]*Нет ВИПг.* [18—18]и хотячи помочь учинити другу своему *Е.* [19—19]*Нет Е.* [20]*Доб.* мертва на землю *Е.* [21—21] *Нет Е.* [22—22]и оказал Скандербег свое мужество и храбрость перед всеми *Е.* [23]*Доб.* и сильных *Е.* [24—24]от Амурата-царя великое жалование и честь прият и во всех бысть славен *Е.* [25]мудрость его *М*; храбрость *Е.* [26]пытал *П.* [27]опечалился *Е.* [28]скорби своея *Е.* [29]*Доб.* и за то *ИПг.* [30—30]опоил их смертным ядом *Е.* [32]*Нет ИМПЯ.* [31—31]Скандербега учал лестию ласкати *Е.* [33]*Доб.* лестию *Е.* [34]ничто *ПТ.* [35—35]прошу *ВПг.* [36—36]и своею службою *Е.* [37—37]ми *ВЛ*; ми ся *Я.* [38—38]*Нет Е.* [39—39]его смерти предати по зависти *Е.* [40]хотячи *ВЕППгТЯ.* [41—41]*Нет М.* [42—42]и нехотя *Е.* [43—43]только в своей мысли тайно имел, что тот самый малоумный *Е.* [43]глуп *М.* [44—44]свершить его не умеет *Е.* [45]достичь *ПТ*; достигнути *Я.* [46]*Доб.* Амурата *Е.* [47]*Нет Е.* [48]*Испр. по ИЯ; в рукоп. нет.* [49—49]*Нет Е.* [50]достальным *Е.* [51—51]не постоял было противу *Е.* [52]*Испр. по ЕИ; в рукоп.* как. [53—53]сошлися с Калибашем *Е.* [54]перемогает *ВПг.* [55]*Доб.* дерзко *Е.* [56—56]мужественно бьющихся *Е.* [57—57]гонили их *ВПг*; *нет Е.* [58—58]турок многи тысящи *Е.* [59]*Доб.* благополучно *Е*; *доб.* подобно *Я.* [60]мисара *И.* [61]*Нет ЕПТ.* [62—62]Амуратову *ВИПг.* [63]*Нет Е.* [64]надобна *ИПгЯ.* [65]многим *Е.* [66]нялися *Е*; реклися *М*; *доб.* еще *ВПг.* [67]*Доб.* и многие к нему в то время с людми приехали на помощь *М.* [68]*Испр. по ВЕМТЯ; в рукоп.* поход. [69]грады и веси *Е.* [70]*Нет ВИМПг.* [71]*Нет В.* [72—72]околичные многие княжата христианские *ВПг.* [73—73]*Нет Е.* [74—74]многословную речь *Е.* [75]*Нет ВПг.* [76—76]заневолил *Е.* [77]*Доб.* мои *ВПг.* [78]*Доб.* пошли *ВПгТ.* [79—79]и многие грады поимал у турского,

---

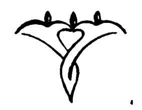
[1] Списки, по которым приводятся разночтения и исправления, обозначаются: *В* — список собрания Вифанской семинарии, *Е* — собрания Егорова, *И* — собрания Министерства иностранных дел, *М* — собрания Мазурина, *П* — Погодинского собрания № 1504, *Пг* — Погодинского собрания № 1404, *Т* — собрания Титова, *Я* — собрания Ярославского областного архива.

которые и не бывали за ним *Е.* [80]которые *М.* [81]*Испр.* по *ВПг; в рукоп.* Калишба. [82—82]*Нет ЕИМПгТ.* [83]немецком *ВИПг*; *нет М.* [84—84]*Нет Е.* [85—85]*Нет М.* [86]*Нет ЕИМПТ.* [87—87]быти и никоторого бы *Е.* [88—88]что они от разбоя и насилства научилися *Е.* [89—89]и ничим отверстаны были *Е.* [90—91]исперва они учали наезжать *Е.* [91]*Испр. по ВИМППгТЯ; в рукоп.* ни езживали. [92]глупых *М.* [93—93]*Нет Е.* [94]*Доб.* подобает *Е.* [95—95] от них многим людям тесно стало *Е.* [96—99]а всего больши яз мышлю *Е.* [97]*Доб.* милые соседи и люди мои *ВППгТЯ.* [98—98]*Нет М.* [100—101]вселюбно *ПТЯ.* [100—102]для того *Е.* [103—103]*Нет Е.* [104—104]*Нет ВЕППгТЯ.* [105—105]*Нет ВПг.* [106—106]то не буди того творити, но видячи турки *Е.* [107—107]*Нет ВПг.* [108]*Доб.* и за то *Е.* [109—109]*Нет М.* [110—109]божией *В.* [111]*Доб.* всегда *ВПгЯ.* [112—112]лежать *М.* [113—113]*Нет Е.* [114]*Испр. по ВИППгТЯ; в рукоп.* како. [115]*Доб.* на постели *Е.* [116—116]и положится страх в сердца их *Е.* [117]*Нет ЕИМПТЯ.* [118]*Испр. по ВПг.*; *в рукоп. нет.* [119—119]увещать их *Е.* [120]*Нет ВППгТЯ*· [121—121]*Нет ВЕППгТ.* [122—122]его что невод и закривил, как коли *ВИППгТЯ.* [123]*Доб.* Амесом *ИМПг.* [124]доколе *ВИППгТЯ*; до тех мест *Е.* [125]*Доб.* с места *В*; *доб.* с места на место *ППгТЯ.* [126]они *ВЕМППгТ.* [127—127]*Нет Е.* [128]*Нет ВППгТЯ.* [129]заводным *ВИПг.* [130]прыткой *ВЕ*; жестокой *ИПг*; крепкой *ПТ.* [131—132]*Испр. по ВИМППгТЯ; в рукоп. нет.* [131—133]*Нет Е.* [134]великою честию и *Е.* [135]*Доб.* в том *ВППгТ*; *доб.* во всем *Е.* [136—136]с деспотом учинился в недружбе *Е.* [137—137]*Нет ВПг.* [138—138]пошлю зло *М.* [139—139]что ми *ЕИМППгТ.* [140]*Нет ПТ.* [141—141]не малое дело шло ми на уме *ИПг*; нет *Я.* [142]*Доб.* учинил здорова да *М.* [143—143]*Нет М.* [144—144]*Нет ИМПТЯ.* [145]*Доб.* сем *ВМПг.* [146—146]вашец *ВМПг.* [147]*Нет ВПг.* [148]ласканьем *Е.* [149—149]недобро недруга своего думы слушать не хочю и *М.* [150]*Доб.* аз *ЕПТ.* [151]его *ВППгТ.* [152—152]*Нет ВЕППгТ.* [153—153]*Нет ИМП.* [154—154]*Нет ВЕПТ.* [155—155]а свое родство отставит *Е.* [156]ухватил *ПТ*; схватил *Я.* [157]*Нет ВПТЯ.* [158]воровством *М.* [159—159] поставит своим упорством и *М.* [160]укоротали и перемогли *М.* [161—161]*Нет ПТЯ.* [162]*Нет ЕИМ.* [163—163]и недруг бы наш не смеялся *Е.* [164—164]*Нет М.* [165—164]*Нет Е.* [166—166]*Нет П.* [167—167]для того пришел за ними на людей страх великой в Албании *Е.* [168]*Испр. по ВЕИМППгТЯ; в рукоп.* всегда. [169—169]Только есть меж нами таков приговор: кто бы имел *М.* [170]стоял бы *М.* [171]что б *ЕИПТЯ.* [172]*Нет ИМПг.* [173]*Нет ИМПг.* [174]Амуратову *Я.* [175—176]*Нет ВМПТ.* [175—177]со Амуратом *Е.* [178—178]назади их *Е.* [179—179]и они многих турков побили *Е.* [180]справца *ВЕИМПгЯ*; старца *П.* [181]*Нет ВПг.* [182]*Нет ЕИМППгЯ.* [183]*Нет ВЕПгТЯ.* [184]*Доб.* послать послов *М.* [185]*Доб.* то учинить *Е.* [186—186]*Испр. по ВЕИППгТЯ; в рукоп. нет:* [187]*Доб.* прочь *ВППгТ.* [188]аспрь *ВИ.* [189—189]со всякими кознями, и горожане с ними учиниша бой крепок и от города их отбиша *Е.* [189—190]кто с чем мог М. [191—191]*Нет ВЕПТ.* [192—192]с великим шумом вышли на них всеми людми *Е.* [193]шум *Е.* [194]*Доб.* дыбрийским *ВЕ.* [195]береженья *Е.* [196]прилез *ВЕИМПТЯ.* [197]изрывом *ВЕИМПТЯ.* [198—198]вылезли вон *В*; всеми людми пошли на бой *Е.* [199—199]не могли противу стать *Е.* [200—200]*Нет Е.* [201]*Испр. по ВЕИМПТЯ*; *в рукоп. нет.* [202]*Доб.* от страха *Е.* [203—203]идти за ним, и в том бою многие турки побиты и многие их запасы пойманы и внесены

в город *Е.* [204—204]а сам ушел поздорову и Амурат *Е.* [205—205]и того не убоялся *Е.* [206]*Доб.* битися *Е.* [207—207]чтобы иные люди не пришли на помочь *Е.* [208—208]и дались в бегство и на том бою убиша *Е.* [209]видя то *Е.* [210—210]*Нет ВЕМППгТ.* [211]Амурат *Е.* [212]пришел со всеми людми *Е.* [213—213]а водою тут в том городе вельми скудно *Е.* [214—214]*Нет Е.* [215—215]*Нет Е.* [216—216]поможете не чего для *ВПг.* [217]*Доб.* почерпши *ВПг.* [218]*Доб.* его *ВПг; доб.* ту *П.* [219—219]*Нет ПТЯ.* [220]*Доб.* вскоре *ВППгТ.* [221]угры *Е.* [222]*Доб.* меж собой *М.* [223—223]*Нет М.* [224]без *М.* [225—225]*Нет М.* [226]*Нет ВИМПТЯ.* [227—227]*Нет М.* [228—228]черным людям *Е.* [229—229]*Нет М.* [230—230]*Нет Е.* [231]*Доб.* соседи *М.* [232—232]*Нет М.* [233—233]одна мысль и одна любовь, а не силою не рознею *Е.* [234]*Нет Е.* [235—236]*Нет М.* [236—237]*Нет Е.* [238]*Нет ВЕИМППгТЯ.* [239—239]*Нет Е.* [240—240]и то великое дело, что на таковом великом бою всего *Е.* [241]*Доб.* а турков побито наголову *М.* [242]*Доб.* и зачинили *ВИПг.* [243—243]у приступу многих турок побили и запасы многие поимали *Е.* [244]опять *ВПг.* [245]падение *Е.* [246—246]бесяся на город *Е.* [247—247]и граждане в то время убили у приступа 5000 турок *Е.* [248]*Доб.* жива *ВИПг.* [249—249]людей *ВПг; нет Т.* [250—250]и узнався *Е.* [251]*Доб.* их много *ВПг.* [252]добил *П.* [253]*Доб.* что к верному слуге *ВИПг.* [254—254]*Нет Е.* [255—255]что мне противу воздарения посылать *Е.* [256]*Доб.* ничего *ВПг.* [257—258]имей легка *М.* [258]легка *ВПг.* [259—259]нынешний подъем мой *Е.* [260—260]веселился с людми своими *М.* [261]*Доб.* и пришедши к Царюграду *ВИПг.* [262—262]против турок *ВПгЯ.* [263—263]не дал помочи ему *ВИПгТЯ*; ему помочи не учинил и людей не дал *Е.* [264]*Доб.* и крепкого воеводу Изустенея из большой пушки раздробили *Е.* [265—265]и бою крепко не постоят *Е.* [266—266]со образами *Е.* [267]*Доб.* противно *ВМПг.* [268]*Испр. по ВЕПг; в рукоп.* побил. [269]людей *ВМ*; людей своих *ЕМТ.* [270]сзади *ВЕИППгТЯ.* [271—271]проводилися *ВИППгТЯ.* [272—272]поехал против него *ВИППгТЯ.* [273—273]турского воеводу Добрея и турков наголову побил *Е.* [274]посчастилось *ВИППгТЯ.* [275—275]забудет а не оборонит их *М.* [276—276]*Нет Е.* [277]то *ВИППгТЯ.* [278]*Доб.* тайно *ВПг.* [279—279]*Нет Е.* [280—280]одравши их пред ними насыпали их *ВЕМППгТЯ.* [281]*Доб.* бил челом *Е.* [282—282]били челом Скандербегу *Е.* [283]прелстили *ЕИ*; перенезли *Т.* [284]съехався *М.* [285—285]и за что стояли *М.* [286]в то время в *Е.* [287]*Испр. по ВЕИМППгТЯ; в рукоп. нет.* [288]*Испр. по ВЕИМППгТЯ; в рукоп.* тебе. [289]многих *ВИПгТ.* [290]честь его имется *М.* [291—291]ни гнева не исполнить человеку *М.* [292—292]*Нет М.* [293]баснями *ВИПг*; словми *М.* [294—294]прибавити и *Е.* [295—295]пойде Каразабег на Скандербега, и рече Скандербег *Е.* [296—296]*Нет Е.* [296—297]з бабами, что больной походил, нежели *М.* [298]*Доб.* и послыша Скандербегов ответ *Е.* [299]*Доб.* никоторого зла не учинив *Е.* [300]*Доб.* против того *ВИПг.* [301—301]*Нет ВПг.* [302—302]*Нет Е.* [303]*Нет ЕИПТЯ.* [304—304]с вашецы мировался цобе ты не трапил его *ИПг.* [305]верою *М.* [306—306]и просил его, чтобы ехал к Скандербегу н уговорил бы его поднесть *М.* [307—307]мыслит, что похощет чего *М.* [308]*Доб.* лукавству *Е.* [309—309]*Нет Е.* [310]*Доб.* удавил и *Е.* [311]*Доб.* то *Е.* [312—312]так и веришь его обетницам и *ВЕМППгТЯ.* [313]*Нет ИМТЯ* [314]правдою-*МПТЯ.* [315]*Доб.* с тою вестию *М.* [316]*Нет Е.* [317]запри *ВИППгЯ.* [318]собрався *В*; поехал *ИМП.* [319—319]*Нет ИМПТЯ.* [320]*Доб.* царь

турский *М.* [321]в *ВЕИППгТЯ.* [322]правде *Е.* [323]отменяешь *М.* [324—324]*Нет ЕМПТЯ.* [325—325]все *Е.* [326—326]*Нет Е.* [327]*Нет ВЕИППгТЯ.* [328]*Доб.* же *ВИППгТ.* [329]*Нет ВЕИППгТЯ.* [330]*Нет Е.* [331]заховать *ИПг.* [332—332]*Нет М.* [333]всякую *П.* [334]*Доб.* Силвиус *ВЕИППгЯ.* [335—335]*Нет Е.* [336]*Доб.* ныне *М.* [337]*Нет Е.* [338]с ними *ИМПТ.* [339]*Испр. по ВЕМПТЯ; в рукоп. нет.* [340]которые *В*; кои бы *ИПг.* [341—341]могли стоять противу вас *Е.* [342—342]*Нет Е.* [343]произведал *ИМПТЯ.* [344]*Доб.* есть *Я.* [345—345]*Нет Е.* [346—346]*Нет Е.* [347]горделивые *М.* [348—348]*Нет Е.* [349—348]без подушек спите и то мало *М*; мало спите без подушек *ПТЯ.* [350—350]*Нет М.* [351—351]и слыша то от Магомета *Е.* [352—352]буди тако *ВЕ.* [353]Балибана *ВИМПг.* [354—354]и бысть о том Скандербегу радость *Е.* [355—355]бысть в великой печали и от великия жалости едва не предался смерти *Е.* [356—356]и начал им говорить, что то учинилось божьей волей *Е.* [357—357]что папы не стало *Е.* [358—358]учинилось все божьим изволением, наказуя нас бог за грехи наши что мы *Е.* [359—359]о том не сумняйтесь, что войско христианское разбежалось *Е.* [360—360]положим упование на бога: победа бывает не силою, а помочью божией *Е.* [361]ведомого *Е.* [362—362]*Нет Е.* [363]*Нет ВПг.* [364]*Нет ВИППг.* [365—365]и иные албаняни пропали *М.* [366—366]их живых одрати *ВЕМППгТЯ.* [367]*Нет ВИППгТ.* [368]*Доб.* твою *ВПг.* [369—369]*Нет Е.* [370—370]*Нет Е.* [371—371]укрепляет люди своя *Е.* [372]уставали *В.* [373]отходить *Е.* [374—374]и турки не устояли и явилися в бегуны *Е.* [375]*Доб.* больши *Е.* [376—376]*Нет Е.* [377—377]*Нет Е.* [378—378]*Нет ВЕИМППгТЯ.* [379—379]и видя турки такова своего храбра мужа убита, и нападе на них великий страх *Е.* [380]изробели *ВПг.* [381]*Доб.* на них *ВПгТ.* [382—382]и бысть сеча зла и убит *Е.* [383]*Доб.* жива *Е.* [384—384]учинили великой бой и турок прогнали, и Скандербег сел на конь, и многих турок побили *Е.* [385—385]видя людей своих многое падение и Скандербегову крепость с великим страхом пойде *Е.* [386]*Доб.* и приехав *Е.* [387—387]говорил *Е.* [388]*Доб.* того *ИМПТЯ.* [389—389]нерадения моего *Е.* [390]россудом *ВЕИМППгТ.* [391—391]*Нет ЕМ.* [392]отметно *Т.* [393]*Доб.* землю *М.* [394]*Доб.* изменою *Е.* [395]залучил *Пг.* [396—398]и учали бой быти *Е.* [397—397]*Нет ВЕИППгТЯ.* [399—399]и видя турки Скандербегову крепость *Е.* [400—400]со многими людми *Е.* [401—401]*Нет ВЕПг.* [402—404]люди его побили турков на тех двух боях боле *Е.* [403—403]*Нет М.* [405—405]побитых людей своих *ВПг*; людей своих падение *Е.* [406—406]*Нет Е.* [407]велможами своими *Е.* [408—408]отнюдь того не будет никоторыми делы *Е.* [409]*Доб.* на многих местех *Е.* [410]и удумав тот *Е.* [411—411]*Нет ВЕПг.* [412]татаринов *Е.* [413]*Доб.* и прибежав *Е.* [414—414]*Нет ЕМПг.* [415—415]многих побивали и граду никоторого зла не могли учинить, и пойде сам от града *Е.* [416]*Доб.* мог *В*; *доб.* ему мочно *Е.* [417—417]*Нет Е.* [418]*Доб.* еще *Е.* [419]*Доб.* не ведая того *Е.* [420]*Доб.* ни *Е.* [421—421]все хотят оставить Скандербегу *ВИППгТЯ*; и того всего поступятся *Е.* [422]приговорили *Е.* [423—423]*Нет Т.* [424]*Нет Е.* [425—425]*Нет ИППгТ.* [426—426]слыша смерть Балелебанову *Е.* [427]побиение *Е.* [428]*Доб.* срамом и *Е.* [429—429]и идучи из Албании *ВИПг.* [430]*Нет ВИПг.* [431—431]и всем ясно сказал *Е.* [432—432]*Нет ВИПг* [433]гордись *МП.* [434]знай *ВИЕПгТ.* [435—435]для слабости *Е.* [436]тебе *МЯ.* [437]буди *МЯ.* [437—438]чужим речам *М.* [439—439]многи дары возненавиди *Е.* [440—440]а нежели злата и сребра и богатества *М.* [441]*Доб.* делу

ВПТ. [442]*Доб.* и *ИМППг.* [443]чему *ИПг*; и сему *ПТЯ.* [444—444]и скорбию изнемогаючи *Е.* [445]преставися *Е.* [446—446]*Нет Е.* [447]*Нет ВЕИМ.* [448—448]великий див *ВИПг.* [449—449]*Нет Е.* [450]*Нет ВЕИМ.* [451]*Доб.* ни *М.* [452]*Нет ВЕИМПг.* [453—453]всем христианским государствам *Е.* [454—454]вси людие неутешно стали плакати *Е.* [455]*Конец списка М.* [456—456]не откладываючи ни мало *Е.* [457—457]от костей его и всякой носил с собою, чтобы им было счастье Скандербегово *Е.* [458]*Доб.* конец истории о Скандербеге, князе албанском *ВЕППгТЯ.*



КОММЕНТАРИИ

В комментариях, кроме различной исторической литературы, документов и хроник, использованы охарактеризованные в статье Н. Н. Розова прямые и косвенные источники «Повести о Скандербеге». К ним относятся книга М. Барлетия[1] (см. стр. 95), хроника М. Бельского[2] (стр. 122), южнославянская повесть в публикации П. А. Лаврова[3] (стр. 113), книга Д. Франко[4] (стр. 94) и сочинение Антиварино, использованное Д. Биемми[5] (стр. 94).

* *
*

Выложена с польския кроники на руское с Мартинова писма Бельскаго. Этот подзаголовок, имеющийся во всех известных списках русской повести, скорее всего принадлежит не ее составителю, а какому-нибудь переписчику, знавшему «Всемирную хронику» Мартина Бельского и заметившему сходство с ней русской «Повести о Скандербеге». На самом же деле, как указывается в статье Н. Н. Розова (стр. 142), повесть является не простым изложением, а самостоятельной переработкой главы о Скандербеге из хроники М. Бельского, т. е. в значительной степени оригинальным произведением русской литературы XVII в. В двух списках повести — Вифанском и Погодинском 2-м — слово «выложена» заменено более подходящим словом — «переложена», т. е. переделана.

коли Тамерлан, царь татарский, побил Баязета, царя турского, на границах армянских. Баязет (Баязид), прозванный турками Молниеносным (Йылдырым) — турецкий султан из рода Османов (1389—1402). Он продолжал завоевательную политику своих предшественников и расширил турецкие владения на Балканском

---

[1] M. Barletius. Historia de vita et gestis Skanderbegi, Epirotarum principis. Roma, [1508—1510].

[2] M. Bielski. Kronika, tho jest historia świata. Kraków, 1564.

[3] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского „Черногория в ее прошлом и настоящем“. Сб. Отд. русского яз. и словесности Ак. наук, 81, 1906.

[4] D. Franko. Gli illustri et gloriosi gesti et vittoriose impresse, fatte contra turchi dal sig. d. Giorgio Castriotto, detto Skanderbeg, principi d'Epiro. Venetia, 1591.

[5] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto, detto Scanderbegh. Brescia, 1742.

полуострове. Дальнейшее продвижение турок в Европу было приостановлено вторжением в Закавказье и в Южную Армению войск монгольского хана Тимура (Тамерлана). На границах Малой Армении близ города Анкары 20 июля 1402 г. войска Тимура разбили турок, Баязет попал в плен к Тимуру и через год умер.

толко 6 детей Баязетовых греки могли загнесть. После смерти султана Баязета претендентами на престол выступили его четыре сына. Между ними началась длительная война, в которой принимал деятельное участие византийский император Мануил II, поддерживая наиболее сильных претендентов. Явно доброжелательное отношение Византии к сыновьям султана Баязета и дало основание славянским биографам Скандербега упрекать греков в недальновидности, так как спустя полстолетия потомок Баязета султан Магомет II захватил столицу Византии — город Константинополь. У Барлетия всей этой фразы нет, а сказано лишь следующее: «Амурат происходил от тех детей Баязета, которые, оставшись в живых по воле ли судьбы или по легкомыслию греков, причинили столько зла християнским народам». Бельский, перекликаясь с составителем южнославянской повести, пишет, что греки заботились о своих недругах, как «опекуны», и поддерживали детей Баязета до тех пор, пока один из них не стал взрослым.[1]

А как Амурат, а по-турски Мурзабек, — сын Баязетов... Султан Мурат II был не сыном, а внуком султана Баязета. Отцом Мурата был сын Баязета — султан Магомет I. У Барлетия и в южнославянской повести Мурат назван внуком Баязета, а у Бельского сказано, что Мурат происходил от «потомства» Баязета.

и принес великой страх греком, волохом... Волохами здесь названы итальянцы.

привел тесноту княжеству Албанскому. Первое упоминание об Албании и албанцах имеется у греческого географа II в. н. э. Птолемея Александрийского, который называет албанцами одно из иллиро-фракийских племен, жившее на территории современной Албании на северном берегу реки Шкумби, где находилось их основное поселение — город Албанополис.[2] В XI в. об албанцах впервые упоминают византийские историки, называя их Ἀρβανῖται или Ἀρβανοί, а их родину — Ἄρβανον или Ἄρβανα.[3] По мнению новейших исследователей, во времена средневековья Албанией называлась страна, расположенная в долинах рек Мати и Шкумби и представлявшая собой широкую равнину, в центре которой находилась крепость Круя, а с северо-востока к ней примыкал малодоступный район реки Дрина.[4] Еще со времен Римской империи территория Албании имела важное стратегическое и торговое значение, так как она расположена на побережье Адриатического моря, открывающего доступ в Средиземное море, и связывала воедино Запад с Востоком. Сюда по знаменитой «via Egnatia» из Италии

[1] M. Bielski. Kronika..., л. 241 об.

[2] Cl. Ptolemaeus Alexandrinus. Geographia, II, гл. XV; III, гл. XIII.

[3] Anna Komnena. Alexiadis. Ed. A. Reiffer-Scheid, Lipsiae, 1884.

[4] G. Stadtmüller. Forschungen zur albanischen Frügeschichte. Archivum Europae Centro-orientalis, VII. 1941, Budapest, ч. 1—3.

тянулись торговые караваны через Дураццо (совр. — Дуррес) и Солунь (совр. — Салоники) к Константинополю. Другой, не менее древний путь шел из Шкодера в Призрен и далее в Боснию и другие славянские страны. С давних времен за влияние в Албании и за обладание ею спорили между собой ее многочисленные соседи как с Запада, так и с Востока. После падения Западно-Болгарского царства (в начале XI в.) вся Македония и Албания вошли в состав Византийской империи, но власть последней являлась лишь номинальной, так как албанцы все время восставали. За обладание Албанией против Византии выступали болгарские и сербские правители. В XIII в. на Балканском полуострове впервые появились норманы, а в конце этого же столетия власть в Албании ненадолго перешла в руки Анжуйской династии. В начале XIV в. Византия распространила свое могущество и на южную и центральную Албанию. При деспоте Стефане Душане (1331—1355) Албания вошла в состав Сербского царства, после распада которого в числе стран и правителей, борющихся за Албанию, оказалась еще и Венецианская республика. В конце XIV в. в пограничных районах Албании впервые появились турецкие отряды. Подробнее — см. статью А. Буда, стр. 62 и сл.

в Епире был государем князь Иоан Кастриот... Епиром, или Эпиром, называлась одна из областей центральной Албании, но в повести это название перенесено на всю Албанию в целом.

от роду князей Македонских... О македонском происхождении рода Кастриотов, упоминаемом в русской повести, нет никаких документальных свидетельств. Родина Скандербега исстари считалась также родиной Александра Македонского, и биографы Скандербега постоянно проводили аналогии между античным полководцем и албанским героем, начиная с их общего имени. Барлетий называет область Мати — владение Кастриотов — Македонией (Aemathia sive Macedonia), поясняя, что в его времена Македонией называлась не только Мати, но и вся территория древней Македонии. Сомнение в албанском происхождении рода Кастриотов впервые выразил немецкий ученый К. Гопф. Ссылаясь на то, что в тексте так называемой Валонской присяги перед именем Кастриота стоит имя Бранило, Гопф, не обращая внимания на союз «и» между обоими именами, считал второе собственным именем Кастриота, которого он на этом основании назвал славянином, не учитывая также и того, что в Албании были чрезвычайно распространены славянские и греческие имена.[1] Гипотеза Гопфа была очень распространена среди ученых конца XIX—начала XX в., и ее придерживался даже В. В. Макушев. Еще менее аргументирована гипотеза о греческом происхождении Кастриотов.[2] Сам Скандербег называл себя эпиротом, т. е. албанцем.[3]

---

[1] K. Hopf. Chroniques greco-romaines inédites ou peu connues. Berlin, 1873, стр. 135.

[2] M. Δίμιτσα. Κριτικαὶ ἔρευνας περὶ τῆς καταγωγῆς καὶ ἐθνικότητος Γεωργίου Καστριώτου του Σκεντέρμπεη. 'Αθῆναι, 1877.

[3] В. В. Макушев. Историјски споменици јужних словена и околних народа. Гласник српског ученог друштва, II, 1882, Београд, стр. 123.

жена иво Войсава была от рода князей словенских болгарских... Все исторические источники подтверждают славянское происхождение матери Скандербега. Барлетий называет ее дочерью князя трибаллов, а ниже поясняет, что трибаллы иначе еще называются болгарами.[1] У Франко она названа дочерью князя города Полога (совр. — Тетово), расположенного на границе Албании и Сербии.[2] Лишь один, крайне тенденциозный источник называет Войсаву албанкой. Этим источником является некий Иоанн Музаки, современник Скандербега, написавший историю своего рода и стремившийся обосновать исконные права рода Музаки на всю Албанию; по его словам, и мать Скандербега происходила из рода Музаки.[3] Автор русской повести следует за Бельским в определении происхождения княгини Войсавы.

три сына и три дщери. Во всех славянских биографиях Скандербега указывается, что у его родителей было шесть человек детей. Однако, по свидетельству Барлетия и Франко, подтвержденному документами, их было не шесть, а девять: четыре сына и пять дочерей.

И дал ему в закладе три сыны... Турецкие источники единогласно подтверждают факт пребывания Скандербега при дворе турецкого султана. В дополнение к статье А. Буда (см. стр. 70) следует сказать следующее. В одной из первых турецких хроник, хронике Ашик-паши-заде, под 1442 г. помещен рассказ о непокорном албанском князе Скендере, который жил при дворе султана в роли его пажа (так передает переводчик хроники Г. Елезович турецкое слово «ič ōglan») затем, получив от султана земли своего покойного отца, Скендер начал борьбу против своего «благодетеля — султана».[4] О воспитании Скандербега при турецком дворе рассказывает также и историк султана Магомета II — Дурсун-бег.[5] Повторяют эту же версию и более поздние турецкие хронисты Саад ед Дин и Солак-заде, причем оба упоминают об исключительной красоте и мужестве молодого албанского княжича.[6] Пишет об этом в своих мемуарах и современник Скандербега серб Константин Михайлович, служивший в молодости в янычарском корпусе у султана Магомета; он указывает, что Скандербег ребенком был взят турками в янычарский корпус, затем был особо отмечен милостями султана, от которого впоследствии получил в наследство земли своего отца.[7] Подтверждает это еще один современник — итальянец Джиованни Анджиолело, служивший некоторое время наемником в турецкой армии и написавший мемуары, которые использовал в своей «Турецкой истории» Донадо да Леццe, итальянский исто-

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 63 об.

[2] D. Franko. Gli illustri..., л. 2.

[3] K. Hopf. Chroniques..., стр. 308.

[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег и Арбанија у XV веку. (Историска грађа) Српска краљевска академија. Споменик XCV, други разред, 74. Београд, 1942, стр. 243.

[5] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 248.

[6] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 272—291.

[7] Jan Loš. Pamiętniki janczara czyli kronika turecka Konstantego z Ostrowicy. Kraków, 1912.

рик конца XV—начала XVI в.[1] Однако всем указанным свидетельствам противоречит один факт: во всех архивных источниках и исторических документах, так же как и в сочинениях первых биографов Скандербега, сказано, что последний воспитывался при дворе султана Мурата, к которому он попал еще мальчиком. Но Мурат II вступил на престол в 1421 г., когда Скандербегу было ие 8 или 9 лет, а значительно больше. Но здесь на помощь приходит свидетельство еще одного современника — итальянского историка Джиованни Понтано, который был лично знаком со Скандербегом и говорил, что последний был отдан туркам в заложники не ребенком, а юношей («adolescens»).[2] Следует отметить, что восстановить биографию Скандербега до 1443 г. чрезвычайно трудно, так как данных для этого слишком мало. Возможно, что причиной отсутствия необходимых сведений о юных годах Скандербега в европейских источниках и явилось его длительное пребывание на турецкой службе, но столь же вероятно, что здесь повинна и литературная традиция, стремившаяся расцветить и приукрасить скудные сведения истории. Эта традиция нашла свое отражение как в литературных переработках биографии Скандербега, так и в народных преданиях и песнях о нем. Например, в одной из таких песен рассказывалось, как турки во время одного из набегов на Албанию захватили в плен и зверски убили всех сыновей Иоанна Кастриота. Но палач спас от смерти самого младшего из братьев; пораженный необыкновенной красотой ребенка, он привез его в Адрианополь к султану, который воспитал Георгия Кастриота при своем дворе, в чем не раз раскаивался впоследствии (песня опубликована П. А. Ровинским).[3]

их привели во Андрианополь... Андрианополь, Андриаполь, правильнее Адрианополь (турецкое — Эдирне) — город, основанный римским императором Адрианом на реке Марице, к северо-западу от Константинополя. В 1365 г. султан Мурат I перенес сюда свою столицу, где она находилась вплоть до захвата турками Константинополя в 1453 г.

Юрью дали имя Скандербег... Славянские биографы Скандербега не поясняют значение слова «бег», присоединенного к новому имени Георгия Кастриота. Барлетий переводит его как «dominus» — «господин» или «правитель».[4] В действительности же титул «бег» является одним из высших титулов в турецкой армии. Что же касается имени «Скандер», то распространенная версия о том, что это искаженное имя «Александр», полученное им в честь Александра Македонского, документально не подтверждается; имя «Скендер» в Турции вообще было распространенным. О принятии же одним из своих сыновей мусульманства в 1428 г. писал отец Скандербега — Иоанн Кастриот в письме в Венецию.

---

[1] Donado da Lezze. Historia turchesca. Ed. I. Ursu, Bucureşti, 1910, стр. 15—16.
[2] I. Pontanus. De bello Neapolitano, II. Neapol, 1509, л. 24.
[3] П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, III. СПб., 1905, стр. 222.
[4] M. Barletius. Historia de vita..., л. 2 об.

научены были языком арапским, турским, греческим, словенским, воложским. У Барлетия, Бельского и в русской повести Скандербег изучает пять языков. Перечень языков, изучаемых Скандербегом при турецком дворе, дан его биографами не случайно: именно их должен был знать каждый высокопоставленный турецкий чиновник. Кроме родного турецкого языка, требовалось знание арабского — языка Корана, — на котором было составлено все турецкое законодательство, а также греческого и итальянского — языков тех народов, с которыми турки поддерживали дипломатические и торговые отношения, и, наконец, славянского языка, на котором говорили янычары — регулярные войска турецкой армии, состоявшие в основном из представителей покоренных турками народов.

было у него знамя на плечах, что меч. Для первого автора жизнеописания Скандербега — Барлетия, верного продолжателя традиций античного биографического жанра, высокое призвание героя должно было быть предопределено свыше еще до его появления на свет. «На правой руке дитяти, — рассказывает Барлетий, — виден был знак воинской славы в форме меча, настолько четкий, что казался нарочно сделанным человеческой рукой».[1] У Бельского и в русской повести говорится, что родимое пятно у Скандербега было не на руке, как указывает Барлетий («bracchium» — часть руки от кисти до локтя), а на плече.

послал его Амурат с войском до Асии. Барлетий, Франко, Бельский и автор русской повести указывают, что в период турецких походов в Азию Скандербегу было всего 18 лет. В южнославянской повести он назван в это время двадцатилетним. Кроме того, Барлетий говорит, что незадолго перед этим султан, видя исключительную отвагу, мужество и выносливость Скандербега, «не смог разрешить ему жить при дворе частным лицом и наградил его знаком санджака».[1] Об этом событии, очевидно, сознательно не отмеченном автором русской повести (см. статью Н. Н. Розова, стр. 138), рассказывает Бельский и южнославянская повесть; оно всецело соответствует также сообщению византийского историка Лаоника Халкокондила о том предпочтении, которое оказывал Скандербегу султан Мурат II.[2] Барлетий тут же поясняет турецкое слово «санджак» как воинский титул, являющийся по значению вторым после титула паши;[3] позже санджаком назывался административный округ какого-либо пограничного района Турецкой империи. Некоторые исследователи считают, что звание санджака было получено Скандербегом не перед его походами в Азию, а в результате его успехов во время этих походов.[4] Получение Скандербегом турецкого воинского звания сопровождалось, вероятно, награждением его земельными владениями в пограничной области. Имеется указание, но без ссылок на источники, о награждении Скандербега

[1] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 2 об.

[2] L. Chalcocondylas. Historiarum libri decem. Corp. script. hist. Byzant. Ed. Bekker, Bonn, 1843, стр. 350.

[3] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 3 об.

[4] J. S. Pisco. Scanderbeg. Historische Studien, Wien, 1894, стр. 9; A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque au XV-e siècle. Paris, 1937, стр. 44.

в 1436 г. большим земельным наделом в Дибре — пограничном районе Албании.[1] Факт участия Скандербега в военных походах турецкого султана, подтвержденный документально, и указанные свидетельства Крамера и Барлетия позволяют высказать предположение, что Скандербег возглавлял в турецкой армии албанские вооруженные силы (об этом см. в статье А. Буда в наст. изд., стр. 70 и сл., а также в другой его работе[2]).

служил во дворе цареве татарин... Поединок Скандербега с «татарином» в славянских повестях описан значительно короче, чем у Барлетия. В русской повести к тому же имеется здесь явный след авторской интерпретации. У Барлетия «татарин» приходит «издалека» для того, чтобы вызвать на поединок кого-либо из приближенных султана, и его вызов принимает Скандербег. У Бельского и в южнославянской повести ничего не говорится о том, откуда появился татарин, который начал завидовать Скандербегу и решил его погубить. В русской повести имеется уточнение: татарин находился в свите султана.

Потом Амурат ходил до Витании к городу Прусу... Витанией, или правильнее Вифинией, называлась страна на северо-западном побережье Малой Азии, примыкавшая с севера к Черному морю. Город Бруса (Бурса, или Пруса) — главный город Вифинии, захваченной в 1326 г. султаном Орханом у Византии. До 1365 г. Бруса была столицей Османского государства.

И поехал к Скандербегу Замса во всю пору... Изложение подробностей поединка Скандербега с двумя персами является хорошим примером для иллюстрации методов переработки книги Барлетия в славянской версии биографии Скандербега. У Барлетия прежде всего подчеркивается знатность происхождения персов,[3] а затем говорится об их физических достоинствах и о том, что они пришли к султану проситься на службу. Автор южнославянской повести отбрасывает упоминание о знатном происхождении персов и указывает иную цель их прихода: они пришли просить дани «от Амурата-царя царю перскому».[4] Бельский восстанавливает все детали эпизода, имеющиеся у Барлетия, и ничего не упоминает о дани. Автор русской повести вновь отбрасывает упоминание о знатности происхождения персов, так как в данном случае это не существенно: персы фигурируют в повести только как противники Скандербега в поединке. По той же причине в русской повести подчеркиваются физические качества персов, названных «великими мужами» не за знатность происхождения, а за высокий рост (точно так же в предыдущем эпизоде охарактеризован «татарин — велик ростом и добре толст пред всеми людми»). Дальнейшее изложение подробностей поединка с персами в южнославянской повести, у Бельского и в русской повести идет более или менее одинаково и близко к Барлетию, но при значительных сокращениях. В этом

---

[1] I. H. Kramer. Encyclopédiè de l'Islam, IV. Leyden—Paris, 1934, стр. 487.

[2] A. Buda. Fytyra e Skënderbeut në dritën e studimeve të reja. Buletin i Institutit të Shkencavet, № 3-4, 1951, Tiranë, стр. 139—154.

[3] M. Barletius. Historia de vita..., л. 3.

[4] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 58—59.

нетрудно убедиться, приводя параллельные цитаты из книги Барлетия и русской повести. Барлетий: «...но Замса, который уже не мог спокойно ожидать исхода боя, неожиданно напал на Кастриота с тяжелым копьем. Тот же, решив, что перед лицом такой опасности не следует раздумывать о вероломстве врага, не выполнившего условия, ириготовился отражать новые удары и насквозь пробил плечо Замсе. Когда же Замса упал, Эя с криком бросился на своего противника, высоко подняв меч, и едва не ранил его. Но Скандербег быстро повернул коня и мечом отбил страшный удар. В ожесточенном рукопашном бою, когда каждый стремился насытиться кровью противника, Скандербег с такой силой ударил своего противника сверху вниз, что конь в тот день унес тело своего хозяина раздвоенным. Так к великой радости окружающих от руки одного юноши погибли два таких храбреца...».[1] Русская повесть: «Другий персин, видячи то и забывши слово свое, что было никому не помогать, прибегши, переменил товарыща своего. Скандербег, видячи то неправду их, почал беречися их. И, взявши рогатину, толкнул Яя в горло, свалил с коня и, воротясь, Замсе раненому голову отсек и пришел пред Амурата».[2] Освобожденные от многоречивости и рассудительности, свойственных Барлетию, славянские повести излагают этот эпизод с предельной точностью и лаконичностью, но не упуская ни одного факта, рассказанного Барлетием, который, вероятно, воспользовался рассказами очевидцев этого события.

Амурат ходил к Никомидии. Никомидия (турецкое — Измид) — город в северо-восточной части залива Мраморного моря. Никомидия была основана еще в III в. до н. э., впоследствии она входила в состав Византийской империи.

Скоро потом Иоан Кастриот — отец Скандербегов — умер. Дата смерти Иоанна Кастриота точно неизвестна. Два сербских документа, опубликованных Стояновичем, датируют его смерть маем 1437 г.[3] В Венецианском архиве имя Иоанна Кастриота упоминается в документе от 28 мая 1438 г. Однако этот документ, содержащий ответ Венецианского сената на просьбу Кастриота о подтверждении прав гражданства его сыновьям, мог быть составлен и после смерти Иоанна Кастриота.[4] В турецких хрониках Саад ед Дина и Солак-заде смерть Кастриота также отнесена к этому периоду, так как, по словам турецких хронистов, в 1438 г. Скандербег вернулся на родину после смерти отца и поднял восстание против турок.[5] Некоторые современные исследователи, следуя за первыми биографами Скандербега, связывают возвращение Скандербега в Албанию с поражением турок в 1443 г. и считают, что другой причиной, побудившей Скандербега вернуться в Албанию, должна была быть смерть его отца, которую они на этом осно-

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 4 об.—5.

[2] Наст. изд., стр. 11.

[3] Л. Стояновић. Стари српски записи и натписи, I. Beograd, 1902, док. 270, 271.

[4] N. Jorga. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades an XV-e siècle. Revue de l'orient Latin, III, 1902, Paris, стр. 33.

[5] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 273 и 291.

вании относят к 1443 г.[1] Но подобное утверждение слишком гипотетнчно и легко может быть опровергнуто указанными выше свидетельствами, к которым присоединяется еще одно — документ, в котором сенат Дубровника жалует 10 июля 1439 г. права гражданства сыновьям Иоанна Кастрнота, не упоминая о нем самом, в то время как ранее в подобных документах всегда упоминалось и его имя.[2] Очевидно, в период составления документа Иоанна Кастриота уже не было в живых. Таким образом, вероятнее всего, на основании разобранных свидетельств, что Иоанн Кастриот умер около 1437—1438 гг., а Скандербег, получив от султана земли отца, находился с албанским отрядом на турецкой службе, ожидая удобного случая выступить против турок, что он и сделал в конце 1443 г.

Амурат дал им испить зелья смертнаго и поморил их. У Барлетия и у Бельского султан отравляет братьев Скандербега, боясь, что они будут оспаривать права турок на земли их умершего отца — Иоанна Кастриота. В южнославянской повести братья Скандербега уже открыто претендуют на наследство: «. . . братья же молили царя Мурата возвратить им отечество их, но царь промолчал. А через несколько дней отравил их, объявив, что они умерли сами. . .».[3] Автор русской повести повторяет эту деталь. Однако рассказы биографов Скандербега о смерти его братьев в турецком плену не подтверждаются документально и являются, вероятно, плодом устной поэтической традиции. Старший сын Иоанна Кастриота — Станислав — в 1445 г. получил венецианское гражданство.[4] Второй сын — Репосий — умер в одном из монастырей северной Албании.[5]

послал Скандербега на деспота Ерыка серпскаго в Мисию. Здесь имеются в виду турецкие походы на Сербию в 1439—1441 гг. «Ерыком» русская повесть называет Георгия (Юрия) Бранковича, правителя (деспота) Сербии с 1427 по 1457 гг. Мисией в средние века называли Сербию. Это название, встречающееся постоянно у Барлетия, произошло от названия римской провинции Мисии (Moesia), которая включала в себя территорию Югославии, северной Болгарии и часть Бессарабии. Сербия еще в 1389 г., после поражения при Коссовом поле, стала зависимой от Турции страной. В 1439 г. Бранкович пытался освободиться от этой зависимости и отказался послать войска в Венгрию, с которой тогда Турция вела войну. В ответ турки опустошили всю Сербию. Бранкович бежал в Дубровник, откуда начал вести переговоры с Венгрией. У Барлетия и Франко все эти события описаны очень подробно. Славянские биографы сокращают все подробности, касающиеся пребывания Скандербега на турецкой службе; особенно краткой оказывается здесь русская повесть.

---

[1] K. Hopf. Chroniques. . ., стр. 533; A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque. . ., стр. 40; Ilyrisch-Albanische Forschungen, I. Zusammengestellt von L. Thallóczy, C. Jireček, E. Sufflay. München—Leipzig, 1916, стр. 142.

[2] Illyrisch-Albanische Forschungen. . ., стр. 142.

[3] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского. . ., стр. 59, 60.

[4] В. В. Макушев. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варш. унив. изв., № 5, 1871.

[5] K. Hopf. Chroniques. . ., стр. 295.

Владислав, король полский и угорский, по слову Евгения, папы римскаго, и Яна Гуниада... В славянских версиях биографии Скандербега, вслед за Барлетием, поход польско-венгерских войск против Турции в 1444 г. объясняется стремлением римского папы и некоторых европейских монархов помочь Георгию Бранковичу вернуться обратно в Сербию. Подобной трактовкой литературные источники биографии Скандербега упрощают и несколько извращают историческую действительность. В 1439 г. папа Евгений IV, стремясь расширить сферы влияния католической церкви, вынудил византийского императора подписать Флорентийскую унию, по которой греческая церковь признавала верховную власть римского папы. За это Византии была обещана военная поддержка со стороны католических государств в ее борьбе с Турцией. Во главе европейской армии, напутствуемой папой, встал польский король Владислав III, который в целях объединения польско-венгерских сил на борьбу против Турции был в 1440 г. провозглашен королем Венгрии. В лице знаменитого венгерского полководца Яноша Гуниади (Ян Гуниад — в русской повести) армия Владислава получила замечательного вождя и стратега. В 1442 г. европейская армия выступила против турок и стала одерживать победу за победой. В этом походе принимали участие и сербские войска под предводительством Бранковича.

с Калибашем, воиводою своим... Командующий турецкой армии, разбитой при Нише, назван Калибашем в русской повести и у Бельского. В южнославянской повести он — Балибаш, или Бали-паша. Барлетий не называет его по имени, но говорит, что этот «баш» (т. е. паша) был правителем Румелии — европейской части Турции. Турецкой армией, разбитой при Нише, действительно, командовал беглербег (правитель) Румелии, которого исторические документы называют Карамом, или Касимом.

а сам с янычаны... Имеются в виду янычары — солдаты турецкой регулярной пехоты, организованной в XIV в. (см. комментарий на стр. 169).

Калибаш... пришедчи, стал на реке Мораве. В южнославянской повести добавлено, что турецкое войско стояло под городом Крушевцом на реке Мораве.[1]

И послал к Гуниаду тайно, чтоб не давал турком осматриватца. См. статью А. Буда в наст. изд., стр. 77.

Скандербег, видячи время ко отъезду своему, и поимал писаря Амуратова... Барлетий рассказывает, что Скандербег, желая обеспечить себе возвращение на родину, поймал реис-эфенди султана Мурата, находившегося при войске, и заставил его силой выдать грамоту на право владения Круей, а затем убил его со всей свитой (реис-эфенди — один из высших турецких чиновников, государственный секретарь, или канцлер).[2] Бельский в этом рассказе, следуя тексту южнославянской повести, отступает от изложения Барлетия, а за Бельским следует и автор

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 60.

[2] Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, вып. I. СПб., 1868, стр. 601.

русской повести: в русской повести, как и у Бельского, реис-эфенди превращается в простого писца, которого Скандербег схватывает в то время, когда тот объезжал поле сражения, переписывая убитых. У Барлетия Скандербег все время пристально следил за реис-эфенди, и когда тот, по примеру прочих турок, пустился в бегство, он бросился за ним в погоню.[1] Ни средневековых хронистов типа Барлетия, ни безымянных составителей русской и южнославянской повестей нисколько не удивляет подобное поведение их героя. Для них турки являлись злейшими врагами Скандербега, в борьбе с которыми были одинаково хороши все средства, тем более, что и сам Скандербег неоднократно сталкивался с коварством и вероломством турецкого султана. В подобной трактовке образа Скандербега у Барлетия и его последователей проявляются черты идеологии Ренессанса: изображать человека выдающимся во всем — как в добром, так и в злом. Историческая достоверность этого драматического эпизода вызывает, однако, сомнение. Выше уже упоминалось, что Скандербег был удостоен звания санджака и, по всей вероятности, тем самым оказался поставленным во главе какого-то пограничного района подвластной Турции страны, видимо — Албании. Кроме того, документальные данные и свидетельства современников подтверждают предположение о том, что Скандербег получил от султана отцовские земли (см. комментарий на стр. 169—170) и, следовательно, ему не требовалось никакой специальной грамоты на право владения Круей. Поражение, понесенное турками в сражении при Нише, послужило Скандербегу поводом отложиться от султана, вернуться в Албанию и провозгласить ее независимость. Рассказ Барлетия, перешедший затем и в славянские повести, восходит, вероятно, к устной народной традиции биографии народного албанского героя. Это предположение подтверждается старинной народной песней, записанной в середине прошлого века на севере Албании и чрезвычайно там популярной. В песне поется, как умер Иоанн Кастриот в Круе и как бежал Скандербег из турецкой армии в Албанию, заставив перед этим старшего писаря султана написать ему грамоту на звание губернатора Круи, а затем отрубив писцу голову и т. д. и т. п.[2]

И взявши с собою Амеса — сестрича своиго. . . «Амесом» в русской повести, как и в ее источниках, назван племянник Скандербега Гамза Кастриот, который вместе с ним прибыл в Албанию. Барлетий ошибочно называет Гамзу сыном Репосия — брата Скандербега — и турчанки. Ошибка это происходит из-за того, что Барлетий считает старшим сыном Иоанна Кастриота Репосия, а не Станислава (см. комментарий на стр. 172). В генеалогии Иоанна Музаки отцом Гамзы назван старший сын Иоанна Кастриота Станислав и добавлено еще христианское имя Гамзы — Бранило.[3] У Бельского и в русской повести Гамза ошибочно назван «сестричем» Скандербега, т. е. сыном его сестры. Эта же ошибка имеет место и в хронике Ашик-паши-заде.[4] Появление ее можно объяснить тем, что среди мно-

[1] M. B a r l e t i u s. Historia de vita. . ., л. 6—7.
[2] A. K a č i ć - M i o š i ć. Razgovor ugodni naroda slovinskoga. Zagreb, 1876, стр. 119.
[3] K. H o p f. Chroniques. . ., стр. 533.
[4] J. Р а д о н и ћ. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 240.

гочисленных племянников Скандербега, участвовавших вместе с ним в освободительной войне албанского народа, Гамза был единственным представителем мужской линии Кастриотов, а все остальные были племянниками Скандербега по женской линии.

<u>И, пришедчи к Дыбре, границе болгарской...</u> Диброй называлась пограничная область Албании, находившаяся в северном течении реки Черного Дрина. Область состояла из Верхней и Нижней Дибры; в Верхней, расположенной южнее, находился город-крепость Дибра.

<u>пошел с людми своими к городу Крои — к столному месту олбанийскому...</u> Город-крепость Круя (турецкое — Акгиссар, т. е. Белая крепость) — город исторической славы албанского народа. Круя расположена высоко в горах между реками Мати и Ишм, на севере центральной Албании. По И. С. Ястребову,[1] слово «круя» по-албански означает «источник». Свое название крепость получила из-за обилия источников, бьющих в скалах, на которых она расположена. Барлетий рассказывает, что Круя «находилась на высокой скале с отвесными склонами, к которым не было никаких дорог. Она охранялась только высоким искусством природы и была неуязвима ни для каких военных хитростей, кроме голода».[2] По свидетельству Барлетия, город был основан Карлом Топия в XIV в. Вероятно, это замечание следует понимать в том смысле, что в 1366 г. Карл Топия заново укрепил Крую, основание которой относится к временам значительно более древним, так как уже в XIII в. Круя была важным стратегическим центром, за овладение которым шла непрерывная борьба между Византией, Сербией, Италией и Албанией.[3] После распада сербского государства Стефана Душана Круя перешла к албанскому княжеству Топиев. В 1395 г. она была впервые захвачена турками, и султан передал управление ее Константину Кастриоту — брату Иоанна Кастриота.[4] С начала XV в. Круя вошла в состав владений Кастриотов. Город находился на пересечении сухопутных и морских торговых путей с Востока на Запад и лежал в самом центре страны, называемой в то время Албанией (см. комментарий на стр. 165—166). Весной 1443 г. турки вновь оккупировали Крую и поставили турецкий гарнизон, начальник которого был одновременно наместником всей Албании. Поэтому в русской повести он называется «воеводой албанским» и «наместником турским».

<u>Взявши Скандербег город Крою у воиводы олбанского...</u> Круя была освобождена 28 ноября 1443 г. Дата эта указана Барлетием.[5] Она навсегда запечатлелась в памяти албанского народа; в этот же день в 1912 г. Албания окончательно сбросила турецкое иго и провозгласила свою независимость.

---

[1] И. С. Ястребов. Стара Сербия и Албания. Српска краљевска академија. Споменик XLI. разред 2. Београд, 1904, стр. 235.

[2] M. Barletius. Historia de vita..., л. 6 об.

[3] G. Acropolites. Χρονική συγγραφή. Corp. script. hist. Byz. Bonn, 1836, гл. 49, 50.

[4] И. С. Ястребов. Стара Сербия и Албания..., стр. 235.

[5] M. Barletius. Historia de vita..., л. 159.

А турков еще велел выискивать и всех побивати. Такой приказ Скандербега следует считать не проявлением бессмысленной жестокости, а результатом стратегических соображений, основанных на стремлении выиграть время и подготовиться к предстоящему столкновению с турками. Скандербег был заинтересован в том, чтобы султан как можно позднее узнал о событиях в Албании.

приехали к Скандербегу княжата христьянские... Барлетий рассказывает, что к Скандербегу, стоявшему в Нижней Дибре, съехались многочисленные албанские князья. Общее число собравшихся вооруженных людей, по словам Барлетия, достигало 12 000. Те из князей, которые по тем или иным соображениям не могли прибыть лично, прислали военные отряды и боевое вооружение. Так сделал, например, черногорский князь Стефан Черноевич, к имени которого приспособлена южнославянская повесть (о Скандербеге-Черноевиче).

пришедчи, облегли город Петревль... Петревлем в русской повести назван город Петрелла, находившийся в 25 км от Тираны, ближайшая, по словам Барлетия, крепость к Круе. Крепость эта маленькая, но совершенно неприступна из-за своего положения на вершине крутой горы. Албанское название этой крепости — Pertreila.[1] Селение под таким названием было в двух часах езды (на юго-запад) от Тираны.[2] Поход на Петреллу был предпринят через месяц после возвращения Скандербега в Крую. Несмотря на непогоду и на то, что в крепости стоял сильный турецкий гарнизон, Скандербег без труда овладел городом, подробности взятия которого опущены у Бельского и в русской повести, но имеются у Барлетия.

шедши Петральб и Стелю взял. Петральб — крепость Петральба, находившаяся возле современного селения Гури-и-Барде, в долине реки Мати. У подножья горы, на которой возвышается крепость, протекает река, затрудняя доступ к Петральбе. Стель — крепость и город Стелузий, расположенный, по словам Барлетия, тоже в долине Мати, в 50 милях от Круи. Точное местонахождение Стелузия не установлено. Ястребов предполагает, что он находился в области Мати, недалеко от города Селит, к юго-востоку от Круи, где имеются развалины какого-то древнего укрепления. С юга и востока это место неприступно, так как с обеих сторон в пропастях текут глубокие и быстрые горные речки.

пристал к Скандербегу Моисей-жид и крестися... Речь идет об одном из лучших полководцев Скандербега Моисе Големе Комнене, племяннике князя Георгия Арианити. По своему происхождению Моис Голем принадлежал к одному из самых знатных княжеских родов Албании — Арианити Комненов. Как вассал турецкого султана Моис Голем владел одним из пограничных районов Дибры, поэтому его также называли Моисом Диброй. Имя его ввело, вероятно, в заблуждение авторов славянской версии биографии Скандербега, которые сочли его евреем. В южнославянской повести и у Бельского он назван «крещеным евреем»; далее в этих источниках, следовавших за Барлетием, идет речь о массовом крещении всех

[1] Illyrisch-Albanische Forschungen..., стр. 130.

[2] J. G. Hahn. Albanesische Studien. Wien, 1853, стр. 87.

мусульман, перешедших на сторону Скандербега. В русской повести нет упоминания об этом событии, однако мотив крещения сохраняется, но крестится лишь один Моис, который с этих пор и становится лучшим другом и союзником Скандербега.

Скандербег пошел к Светограду... Крепость Светиград была последним оплотом турок в Верхней Дибре. Барлетий сравнивает Светиград с орлиным гнездом, примостившимся на вершине крутой скалы и подробно рассказывает историю его осады и взятия. В славянских повестях, особенно в русской, рассказ этот в значительной степени сокращен. По мнению Гана, крепость Светиград находилась неподалеку от населенного пункта Требиште.[1] С Ганом и поддерживающим его Писко [2] спорит Ястребов, который предполагает, что Светиград находился в области Фани на горе Малишентито («малишентит» означает по-албански «гора святого»), где сохранились развалины древней крепости с разрушенным и заваленным камнями колодцем. Албанским ученым, работающим ныне над разрешением этого вопроса, немалую помощь оказывают представители самых разнообразных слоев населения, ревностно изучающие славное прошлое своей родины. Так, например, уже тридцать лет занимается этой темой Вахид Коромаку, школьный учитель из Стеблева.[3] Вообще вопрос о маршруте походов и карте сражений Скандербега и в настоящее время нельзя считать полностью решенным.[4]

Скандербег Мокрею и много иных городов побрал у турков... Мокреей или Мокрой называлась область к северо-востоку от Круи, чрезвычайно важная в стратегическом отношении, так как она лежала на пути к Светиграду, откуда шли турки. Все источники биографии Скандербега, в том числе и русская повесть, отмечают, что Скандербег освободил от турок не только свои наследственные земли, но и ряд других, вплоть до пограничных с Болгарией, включая сюда и Мокрею.

И положили мир на десять лет. После сражения при Нише, во время которого Скандербег вернулся в Албанию, польско-венгерские войска нанесли ряд новых поражений туркам; последние, признав себя побежденными, предложили заключить мир.

В южнославянской повести говорится, что турки были разбиты Янкулом (так сербские рукописи того времени называют Яноша Гуниади — знаменитого венгерского полководца, уроженца Трансильвании). В июне 1445 г. в венгерском городе Сегедине был подписан мир сроком на десять лет, по которому Турция возвращала Бранковичу его земли, обязывалась отпустить всех пленных и выплатить значительную контрибуцию. В южнославянской повести подробно перечисляются

[1] J. G. Hahn. Albanesische Studien..., стр. 87.

[2] J. S. Pisko. Skanderbeg..., стр. 18.

[3] W. Steltner. Zum Geschichtsbild des albanischen Nationalhelden Georg Kastriota genannt Scanderbeg. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, вып. IV, 1956, стр. 1042.

[4] G. Komnino. Trajtimi i disa toponimeve, lgegjendave dhe këngënve të reja rreth Skënderbeut dhe shokëve te tij. Buletin për shkencavet shoqërore, № 3, 1954, стр. 103—116.

сербские города, возвращенные турками Бранковичу.[1] Бельский говорит лишь о возвращении сербскому деспоту его страны.

учинил сейм в Лысом, городе венецком... Лысым, Лисием в русской повести назван албанский город Леш, расположенный на берегу реки Дрина, при ее впадении в Адриатическое море. Город был основан еще в IV в. до н. э. С 1393 г. Леш находился в руках Венецианской республики.[2] Бельский называет город и крепость «Лышим» и поясняет, что это был венецианский город в Иллирике, т. е. в северной Албании. Скандербег прекрасно понимал бесплодность дальнейшей борьбы с турками в существующих условиях полной раздробленности страны и непрерывной междоусобной борьбы албанских феодалов. Поэтому он поспешил заключить военный союз с ними и с этой целью 2 марта 1444 г. созвал в Леше общий съезд (дата съезда приводится только у Антиварино).[3] Выбор Леша как места для съезда албанских князей не был случайным: Скандербег мог созвать князей только на нейтральной территории, так как в ином случае неизбежно возникли бы местнические споры и съезд оказался бы сорванным.

на сейм съехались многия княжата и панове околичные. Все источники русской повести перечисляют князей, приехавших в Леш по приглашению Скандербега. Среди собравшихся были братья Павел и Николай Дукадьины, Лек Захария из Даньо. Петр Спани со своими сыновьями, Лек Душмани из Пулати, племянник Скандербега Георгий Стреши Балша (Антиварино называет его Паоло), Георгий Арианити Комнен, Андрей и Тануш Топия, Федор Музаки из Белграда (совр. — Берат) и черногорский князь Стефан Черноевич с тремя сыновьями. В роли гостей на съезде присутствовали венецианские наместники Шкодера и Леша, которым было поручено наблюдать за всем происходящим и доносить в Венецию.

которым обычаем турки овладели много земель християнских... Образование и становление Османского государства происходило в конце XIII—начале XIV в., когда окончательно ослабевшая держава турок-сельджуков лишь номинально возглавляла многочисленные турецкие княжества, входившие в ее состав. Из этих княжеств наибольшей самостоятельностью пользовалось одно — расположенное в самой отдаленной части северо-запада Анатолии (Малой Азии). Это княжество особенно усилилось в годы правления полулегендарного хана Османа и его сына Орхана. По имени первого из них турки этого племени были названы османами. Даже ранние турецкие хроники не могут скрыть всевозможных уловок и интриг, с помощью которых утверждали свою власть первые османские правители, добиваясь сначала своей независимости в междоусобной борьбе, а затем в столкновениях с агонизирующей Византией и другими соседними странами. В XV в. могущественная Османская империя уже господствовала на Востоке и угрожала Западу. «Государство *османов* было единственной *подлинной военной державой сред-*

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 63.

[2] Illyrisch-Albanische Forschungen..., стр. 123.

[3] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 30.

невековья».[1] Биографы Скандербега, излагая содержание речи, произнесенной им на съезде, показывают свою хорошую осведомленность в истории Турции, а составитель русской повести — вдумчивое, критическое отношение к своим источникам. Так, он сокращает и несколько видоизменяет эту речь сравнительно с Бельским (последний следует за Барлетием), но все антитурецкие выпады, не только сохраняет, а и значительно усиливает, одновременно уменьшая религиозно-полемический элемент, играющий большую роль у Антиварино, Барлетия и Бельского, которые стремились изобразить Скандербега прежде всего защитником «христианской веры» против «неверных».

учинили греком, босном, сербом в Мисии, болгаром, венетом... В числе народов, наиболее пострадавших от турок, Барлетий называет лишь греков и сербов («мисийцев»), Бельский, авторы южнославянской и русской повестей добавляют к ним боснийцев и болгар, а также «венетов», т. е. венецианцев.

Исперва они были люди неславны и на великую силу могли быть отверстаны от лесных мужиков. Неясно, кто подразумевается под «лесными мужиками», с которыми Скандербег сравнивает первых османских правителей. Однако во всех источниках указывается низкое или совсем неизвестное происхождение османских султанов. В этом нашла свое отражение та полемика, которая велась вокруг вопроса о происхождении турецких османских султанов между турецкими хронистами или туркофильствующими византийскими историками типа Лаоника Халкокондила и Критовула, с одной стороны, и западноевропейскими и славянскими хронистами XV в., с другой. Первые стремились всеми силами доказать знатность происхождения родоначальников Османской династии и создавали всевозможные легенды о подвигах мифического Эртогрула, которого они называли отцом Османа, награждая его титулом шаха и возводя его род к самому праотцу Ною. Их противники, ближе придерживаясь истины, в свою очередь изображали предков полулегендарного Османа дикими кочевниками — разбойниками и пастухами, прибывшими с далекого востока и превосходившими своих соплеменников лишь ловкостью, хитростью и коварством.

весь свой умысл и надежду на саблю покладывают... Мусульманское вероучение, как известно, всегда обещало райское блаженство тем, кто падет на поле боя в битве с «неверными». Отсюда тот слепой и безрассудный фанатизм, проявлявшийся зачастую турками в рукопашных схватках с врагами, который был хорошо известен их противникам. Поэтому Скандербег и говорит о преимуществах албанцев в предстоящих боях с турками, которые заключаются в том, что албанцы воюют не ради «загробного душевного спасения», подобно туркам, а за свою «земную правду». Скандербег клянется перед своими союзниками всегда вставать перед «лицом неприятеля» за эту правду.

необычай к войнам и лежанье в вас вкоренилось. Этот упрек является чисто риторическим приемом. На самом деле сильнейшее сопротивление турки встретили

[1] К. Маркс. Хронологические выписки, II. Архив Маркса и Энгельса, VI, стр. 189.

в Европе именно со стороны албанцев, которые заставили даже туркофильствующих историков удивляться их мужеству (см. статью А. Буда, стр. 74).

Арамнит, князь македонский... Георгий Арианити Комнен, которого Бельский, а за ним и автор русской повести называют «Арамнитом, князем македонским», первый поддержал Скандербега. Пример Арианити был убедительным для всех собравшихся и заставил их принять участие в создании Лиги албанских князей, так как Арианити был всем известен как непримиримый враг турок и опытный полководец, неоднократно выступавший против них. Кроме того, он принадлежал к знатному и влиятельному роду южной ветви Топиев. На съезде в Леше было принято решение о создании Лиги во главе со Скандербегом. Все члены Лиги обязывались оказывать ему военную и финансовую помощь, внося ежегодно на борьбу с турками 200 000 золотых дукатов. Указание Антиварино и Барлетия на то, что армия Лиги должна была вербоваться на добровольных началах, свидетельствует о народном составе этой армии.[1]

пришла весть, что Калибаш идет... Антиварино и Барлетий называют турецкого полководца, отправленного Муратом в Албанию Али-пашой. В южнославянской повести он назван Бали-пашой, а у Бельского и в русской повести — Калибашем, т. е. отождествлен с турецким полководцем, разбитым в сражении при Нише (см. комментарий на стр. 173).

Скандербег в то время строил люди свои на бой. Получив известие о вторжении турок в Албанию, Скандербег поспешил закончить в Круе фортификационные работы и направился в Нижнюю Дибру с 15-тысячным войском. Встреча противников произошла рано утром 29 июня 1444 г. в узкой долине Торвиоли. Здесь Скандербег впервые применил свою (столь знаменитую впоследствии) тактику: он разделил войско на несколько отрядов и с одним из них заманил врага в ловушку, измотал его, а затем разбил с помощью остальных отрядов, спрятанных в засаде.

голову им учинил Айдынуса... на левом криле — Таняда, сестрича своего... Айдынусом в славянских повестях назван племянник Скандербега — Айдино Музаки. Танядом русский автор называет Тануша Топия, который не был племянником Скандербега.

В тот час християном сталася великая радость с тоя победы... Христианами в русской повести называются все народы Европы, в той или иной степени принимавшие участие в борьбе с турками. Победа Скандербега над Али-пашой была первой победой, одержанной им над турками в Албании. По словам биографов Скандербега, в этом сражении с одинаковым мужеством сражались и командиры и рядовые воины, что заставило Барлетия воскликнуть: «Leonum eo die leones ductores fuisse» («В этот день львы предводительствовали львами»).[2] Архивные

---

[1] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 30, M. Barletius. Historia de vita..., л. 19 об.

[2] M. Barletius. Historia de vita..., л. 23.

источники сообщают о различных впечатлениях, которые произвели на Европу вести об одержанной в Албании победе. Венеция была напугана и изменила свою обычную тактику выжидания. Опасаясь за судьбу своих владений на территории Албании, она решила всячески противодействовать Лиге албанских князей, считая для себя усиление албанского государства более опасной угрозой, чем турецкое нашествие. Поэтому она немедленно вступила в переговоры с турками и просила передать ей в пользование турецкие владения на юге Албании (Валону, Янину и Аргирокастро), прежде чем они станут достоянием Лиги. В июле 1444 г. Венеция захватила город Байло на острове Корфу, а в октябре этого же года указанные города.[1] По словам Антиварино и Барлетия, победу Скандербега приветствовали римский папа Евгений IV, польско-венгерский король Владислав III, герцог Бургундский Филипп Добрый и другие.

папа римский писал к Владиславу... И король... писал к Скандербегу... Заключение Сегединского перемирия вызвало серьезную тревогу в Риме: папа имел основания опасаться, что византийский император расторгнет только что заключенную крайне непопулярную в Византии Флорентийскую унию с католической церковью. Поэтому папские дипломаты прилагали все усилия к тому, чтобы заставить короля Владислава нарушить перемирие и продолжать войну с турками. Момент для нападения на Турцию представлялся чрезвычайно удобным: Сегединский мир свидетельствовал о слабости Османского государства; события в Албании также благоприятствовали этому, а в Малой Азии еще слышались отголоски недавно подавленного антитурецкого восстания. В результате турецкий султан даже покинул столицу и уехал в Магнесию, собираясь передать престол своему сыну Магомету. Специальные агенты папы в лице его племянника Франческо Кондольмиери, командующего папским флотом, и кардинала Юлиана Цезарини всеми средствами побуждали Владислава и Гуниади выступить против турок. Барлетий рассказывает, что под влиянием кардинала Цезарини молодой король решил нарушить Сегединский мир после того, когда папа Евгений специальным эдиктом освободил его от данной туркам клятвы.[2] Затем Владислав написал Скандербегу письмо, в котором просил помощи. Указание на это письмо имеется во всех источниках биографии Скандербега. Антиварино и Барлетий приводят текст письма Владислава (датированного 7 июля 1444 г.) и ответ Скандербега.[3]

Скандербег... просил помочи... для короля Владислава. По данным Барлетия, Лига албанских князей отправила на помощь Владиславу 15 000 человек; эту же цифру повторяет Бельский. Автор русской повести увеличивает число до 35 000, стремясь, очевидно, усилить значение участия Скандербега и албанцев в борьбе порабощенных турками народов за свою независимость. Во главе албан-

---

[1] K. H o p f. Griechenland im Mittelalter und in der Neuzeit. Allgemeine Encycl. d. Wissensch. u. Künste, 86. Herausg. von Ersch und Gruber, Leipzig, 1868.

[2] M. B a r l e t i u s. Historia de vita..., л. 24 об.

[3] G. B i e m m i. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 60; M. B a r l e t i u s. Historia de vita..., л. 24 об.—25.

ской армии Скандербег пошел через Сербию на соединение с армией Владислава и Гуниади.

не верил греком и словяном... и послал по люди во Асию. Автор русской повести, в отличие от других биографов Скандербега, подчеркивает факт нарушения мира со стороны руководителей «христианского войска» и прямо указывает, что подобное поведение «безмерно удивило» Мурата и заставило его отказаться от привлечения в армию отрядов подвластных ему народов Балканских стран. Очередной крестовый поход против турок, организованный стараниями папы и его приближенных, начался осенью 1444 г. Поход оказался совершенно неподготовленным. Европейские союзники Владислава и Гуниади, еще недавно возмущавшиеся Сегединским перемирием и энергично требовавшие его расторжения, теперь повели себя совершенно иначе.

из Асии пошли люди ко Амурату... и пришли целы во Адрианополь. В славянских повестях говорится о том, что папа римский и некоторые итальянские государства вместо того, чтобы блокировать Босфор и помешать высадке турецких войск, пропустили их в Европу, получив за это от султана вознаграждение. Участниками этой позорной сделки русская повесть называет римского папу, Венецианскую республику и неаполитанского короля. Бельский добавляет родосцев и византийского императора. Барлетий только намекает на то, что «если верна молва», то действительно «какие-то христиане» помогли султану переправить в Европу свои азиатские резервы.[1] Некоторые историки объясняют поражение при Варне случайной задержкой папского флота, который не успел во-время помешать Мурату переправиться через Босфор.[2] Другие, как, например, Писко, считают поведение командующего папским флотом Франческо Кондольмиери загадочным и не видят причин, побудивших его поступить таким образом.[3] Но как бы то ни было султан беспрепятственно провел через Босфор свои 25 судов и пошел с армией по направлению к Варне. Тем временем польско-венгерские войска прошли через Болгарию и вышли к Черному морю, где заняли города Калиакру, Варну и Каварну.

побили турки людей Владиславовых и самого короля убили. Битва при Варне произошла 10 ноября 1444 г. Появление турок было для европейских войск полной неожиданностью, предопределившей исход этого сражения. Барлетий подробно рассказывает о Варнской битве, называя своими источниками рассказы тех немногих крестоносцев, которые бежали после разгрома в Македонию и там встретились с албанскими войсками. Его рассказ в основном совпадает с изложением этих событий у Лаоника Халкокондила[3] и с рассказом Ф. Каллимаха, итальянского ученого и общественного деятеля XV в., эмигрировавшего в Польшу и написавшего

---

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 27 об.

[2] N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, I. Gotha, 1908, стр. 441.

[3] J. S. Pisko. Skanderbeg..., стр. 27.

[4] L. Chalcocondylas. Historiarum libri..., стр. 336.

историю Варнского поражения.[1] Барлетий рассказывает, как Владислав бросился на янычарский корпус, как споткнулся его раненый конь и как он, упав с лошади, был обезглавлен каким-то воином. Гуниади, стоявший с венгерскими отрядами на правом фланге, заметил смятение и растерянность в рядах европейской армии и приказал повернуть обратно, но сам был захвачен в плен. Остатки разгромленного турками войска бежали через Валахию и Сербию, некоторые из них, как рассказывал Константин Михайлович (см. комментарий на стр. 167), попали даже в Албанию.

Скандербег с людми своими к бою не поспел... Георгий Бранкович, занятый восстановлением своей разрушенной и разграбленной турками страны и боясь за ее судьбу в новой войне, не считал для себя возможным расторгать договор с турками. Поэтому, узнав, что Скандербег идет на помощь Владиславу через Сербию, он приказал закрыть все горные проходы, чтобы воспрепятствовать соединению албанских отрядов с армией Владислава и Гуниади. Скандербег стал пробиваться силой, но на это понадобилось много времени, так как войска деспота занимали стратегически более удобные позиции и отрезали все имеющиеся дороги и обходные тропы. Когда же албанцы прошли значительную часть страны и подошли к Болгарии, неожиданно пришло известие о поражении при Варне, сделавшее бессмысленным дальнейшее продвижение Скандербега.

Потом Скандербег то все отомстил деспоту... По словам биографов Скандербега, на обратном пути албанцы опустошили некоторые районы Сербии. Здесь же Скандербег встретился с остатками разбитой армии Владислава, снабдил их деньгами и продовольствием, чтобы они могли добраться до Дубровника, а затем вернуться к себе на родину.[2] Южнославянская повесть, описывая эти события, также рассказывает, как сербский деспот помешал Скандербегу пройти через его земли и тот отомстил ему, опустошив почти всю Сербию.[3]

О том деспоте пишет... Политика Бранковича всецело объяснялась тем сложным положением, в котором оказалась Сербия в XV в. После Коссовой битвы Турция сделала эту страну своим вассалом, и Бранкович, стремясь сохранить хотя бы номинальную независимость Сербии, действовал, сообразуясь с моментом, и то искал союза с Венгрией и Польшей, то, вступая в переговоры с Турцией, лавировал между султаном и своими более сильными европейскими соседями. Так, например, являясь данником Мурата, он в то же время пытался с помощью Венгрии освободиться от турецкой зависимости. Свои дни Бранкович кончил почти столетним стариком в 1458 г. на поле битвы во время войны Сербии с Турцией. В описываемый период Бранкович, не рассчитывая на свои силы, боялся выступить против Турции; кроме того, он был недоволен политикой короля Владислава, отдавшего часть сербских земель Гуниади.

дочь была дана Амурату в жену... Георгий Бранкович всеми средствами

[1] Ph. Callimachus. Historia de rege Vladislao seu clade Varnensi. Augsburg, 1519.
[2] M. Barletius. Historia de vita..., л. 28.
[3] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 69.

стремился упрочить положение Сербии и обеспечить ее безопасность. С этой целью он отдал султану Мурату свою младшую дочь, которую Барлетий ошибочно называет Кантакузиной.[1] Русский автор и Бельский не указывают ее имени. Сербские летописи помогают исправить ошибку Барлетия, называя Кантакузиной, или Екатериной, старшую дочь Бранковича, а младшую — жену Мурата — Марой.[2]

наперед послал к нему грамоту... Грамота султана, направленная им в Крую 15 июня 1445 г., была первой попыткой турок вступить в мирные переговоры со Скандербегом. Попытка эта была вызвана тем, что весной этого же года в Адрианополе произошло восстание янычарского корпуса и, кроме того, Гуниади, освобожденный к этому времени из плена и ставший регентом Венгрии, подготовлял новый поход против турок, собираясь вытеснить их из Европы. Венгрию поддерживал византийский император и один из претендентов на османский престол.

послал... великое войско с Мустафою да с Ферызесом... Русская повесть, следуя за своими источниками, объединяет два похода турок на Албанию, которые в действительности были осуществлены последовательно с перерывом в один год. Антиварино и Барлетий говорят, что Скандербег собрал свое войско и пошел в Дибру, чтобы там ожидать врагов. После отправления султану ответа на его послание Скандербег не сомневался, что рассерженный Мурат пошлет войска на Албанию. Осенью 1445 г. султан отправил против Скандербега наместника Македонии Ферис-пашу. (Так называет его Антиварино.[3] По Франко, он — Ферис-бей; так же он назван у Бельского и в южнославянской повести; у Барлетия он назван Фарисеем).[4] Скандербег, извещенный об этом, отошел в леса Мокры и занял удобные позиции, зная, что кавалерия противника не сумеет развернуться в гористой и лесистой местности. Ферис-паша попал в западню и был разбит. Сансовино, венецианский историк XVI в., даже утверждает, что сам паша погиб в сражении от руки Скандербега.[5] Неудача первого похода заставила султана в 1446 г. послать в Верхнюю Дибру вторую армию во главе с Мустафой-пашой. Скандербег разбил эту армию на марше и обратил в бегство пашу.

убил... Захарью Леха... племянник иво Дукан... В начале 1447 г. в своем замке в Даньо был убит друг и ближайший помощник Скандербега Лек Захария, которого славянские биографии Скандербега называют славянским князем, правящим в Иллирике. По словам Барлетия, в XV в. Иллириком называлась Далмация, т. е. северо-западная часть Балканского полуострова, расположенная по берегу Адриатического моря и населенная преимущественно славянскими наро-

---

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 27.

[2] В. В. Каченовский. История Сербии с половины XIV до конца XV века. Киев, 1899, стр. 145.

[3] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto, стр. 290.

[4] M. Barletius. Historia de vita..., л. 31.

[5] F. Sansovino. Historia universale dell' origine et imperio di Turchi. Venetia, 1568, стр. 348.

дами. Указанное в славянских повестях родство Захария с его убийцей Леком Дукадьином не подтверждается историческими источниками.

для того, что тот Захария уложил меж собою и Скандербегом... Во всех трех славянских биографиях Скандербега причины убийства князя Даньо объяснены крайне непонятно. Намек на существование какого-то соглашения между ним и Скандербегом, якобы даже юридически оформленного,[1] не разъясняет причины вражды Захария и Дукадьинов. Антиварино и Барлетий дают исчерпывающие сведения и проливают свет на истинную роль Венецианской республики, которая, обеспокоенная усилением Албании и ростом авторитета Скандербега, искала всяческих поводов для ослабления Лиги албанских князей. Одним из таких поводов была ссора между Леком Дукадьином и Леком Захария из-за княжны Ирены Душмани, ставшей впоследствии женой Захария. На одном из празднеств, где собрались все члены Лиги, произошло кровавое столкновение между обеими сторонами, в результате которого Лек Дукадьин был тяжело ранен. Венеция уже давно стремилась укрепить свое положение на Адриатике присоединением Даньо к своим владениям. Поэтому она всячески восстанавливала Дукадьинов против Захария и Скандербега и добилась того, что через некоторое время Захария был убит в своем замке подосланными, как гласила молва, убийцами.

Борза... поддалась венетом... Тайные посланцы Венеции сумели убедить мать убитого Захария, которую все источники называют Бозой, а не Борзой, в том, что Скандербег был одним из участников убийства ее сына. Поэтому она, несмотря на наличие юридического договора между ее сыном и Скандербегом, предоставила Венеции право на оккупацию Даньо. По другой версии, приведенной у Антиварино, Бозу обманули венецианские монахи и под каким-то предлогом уговорили ее на время покинуть Даньо, а как только она уехала, венецианский наместник Шкодера со своим гарнизоном занял город.[2] Эта версия подтверждается еще и тем, что мать Лека Захария была родной сестрой командира Круйского гарнизона Ураны Альтисфиери, одного из преданнейших друзей Скандербега, и едва ли выступила бы против последнего вопреки воли сына и брата.

отдала им городы... В числе захваченных Венецией городов русская повесть называет следующие: Шкодер (в русской повести — Щедро) — родина Барлетия, один из древнейших городов на Балканах, расположенный недалеко от Скутарийского озера при слиянии рек Буна и Дрина; Даньо (в повести Даинам) — город-крепость на левом берегу Дрина к востоку от Шкодера, лежавший на путях из Шкодера, Леша и Призрена; Бализио (в повести — Бализия) — город-крепость у реки Риоли, недалеко от Шкодера (во времена Барлетия на месте Бализио находились уже одни развалины); Дривасто (в повести — Дрынаст) — город, расположенный на холме около реки Кири между горами Цукали и Маранай (возле Дривасто находился большой мост через Дрин).

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 69.

[2] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 103.

Скандербег завоивался с венеты... После захвата Венецией владений Лека Захария и других албанских городов Скандербег был вынужден вступить в войну с Венецианской республикой. По словам Антиварино и Барлетия, венецианская война усилила разлад среди князей — участников Лиги. Со Скандербегом против Венеции выступили только Андрей и Тануш Топия, Георгий Арианити и Стефан Черноевич. Дукадьины сохраняли нейтралитет, а Петр Спани и Георгий Душмани открыто встали на сторону Венеции. В южнославянской повести говорится о том, что Скандербег разбил венецианцев на реке Средний Дрин, причем «едва Михаил — князь венецкий — утек на море».[1] Антиварино и Барлетий венецианским генералом, спасшимся бегством на Дрине 23 июля 1448 г., называют венецианского наместника Шкодера Даниеля Джурико (он же назван и у Бельского). Еще в начале войны Венецианская республика предприняла попытку привлечь на свою сторону Турцию. Кроме того, согласно одному официальному документу, опубликованному Любичем, тому, кто согласился бы убить Скандербега, Венецианским сенатом была обещана пожизненная пенсия в 100 золотых дукатов ежегодно.[2] Султан Мурат II обещал Венеции помощь в войне со Скандербегом, но медлил с решительными действиями, так как ожидал нового похода венгерских войск против Турции. Тогда в июне в Турцию было отправлено второе венецианское посольство во главе с Андреем Веньера, в задачу которого входило уговорить турок напасть на Албанию. В случае неудачи переговоров Веньера должен был вступить в переговоры со Скандербегом, а если бы и здесь его постигла неудача, то ему было поручено встретиться с Дукадьинами и попытаться восстановить их против Скандербега.[3] Тщетно пыталась Венеция привлечь на свою сторону и сербского деспота Георгия Бранковича, посещение которого тоже входило в маршрут посольства Веньера (Бранкович оказывал в это время немалую помощь Скандербегу, угрожая венецианским владениям на сербском побережье Адриатики). Бельский, а вслед за ним и автор русской повести переносят борьбу албанцев и венецианцев на Дунай, вероятно потому, что река Дрин была им неизвестна, а ее название, как и название крепости Даньо, из-за которой началась война, напоминало по созвучию хорошо знакомую им реку Дунай.

послал опять Мустофу и Карагуса до Албании. После некоторой передышки султан все же отправил на Албанию большую армию во главе с Мустафой-пашой (см. комментарий на стр. 184), надеясь на то, что основные силы албанской армии сосредоточены в северной Албании.

пошел из Иллирика во Албанию... Скандербег, вынужденный вести войну на два фронта, оставил под Даньо большой отряд во главе с Гамзой и в Бализио — с Марином Спани, а сам поспешил в Дибру, где стояла пограничная албанская армия под командованием Ураны.

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 72.

[2] S. Ljubić. Listine o odnošajih izmedju južnoga slavenstva i mletačke republike, IX. Zagreb, 1890, стр. 268—269.

[3] S. Ljubić. Listine..., стр. 269—273.

убил Павел Карагуса... 14 августа 1448 г. войска албанской армии встретились с турками. Фан Ноли[1] считает дату 14 октября, названную у Антиварино,[2] ошибочной и ссылается на архивные документы. Битва произошла около Ороники — одного из городов Дибры, лежащего на берегу реки Фани. По словам всех биографов, битве предшествовал поединок. У Барлетия турецкий участник поединка Карагусий назван просто каким-то воином («miles quidam»), в славянских повестях он превратился в одного из предводителей турецкого войска. Противник же Карагусия, которого Антиварино и Барлетий называют Павлом Манесси, в славянских повестях стал князем Павлом Дукадьином, который умер еще в 1446 г. Ошибку можно объяснить лишь случайным совпадением имен Павла Манесси и Павла Дукадьина. В южнославянской повести имеются некоторые подробности, отсутствующие в русской повести; так, например, после убийства Карагуса Павел по албанскому обычаю взял себе все доспехи убитого, которые были оценены в 5000 золотых дукатов.

венеты розбили Бализию... крепость Бализио, укрепленная Скандербегом, была захвачена и до основания разрушена венецианскими войсками и их союзниками. Виновником был Гамза Кастриот, который, несмотря на запрещение Скандербега, предпринял из Бализио неподготовленную вылазку в Дривасто и, потерпев там неудачу, не успел помешать противнику захватить и разрушить Бализио. Как только Скандербег узнал об этом, он тотчас же поспешил туда и, перейдя реку Дрин, опустошил территорию Шкодера, занятого венецианцами.[3]

отдали Скандербегу Бализию и Даинам... Когда албанцы заняли значительную часть венецианской территории на Адриатическом побережье, а в Шкодере вспыхнул пожар, истребивший почти весь город и все основные запасы продовольствия и оружия венецианцев, последние предложили Скандербегу мир. Возобновившаяся турецко-венгерская война заставила, в свою очередь, и албанцев поспешить с заключением мира, чтобы беспрепятственно сосредоточить все свои силы на борьбе с турками. 4 октября 1448 г. в лагере возле Леша был подписан мир между Албанией и Венецией.[4] На основании мирного договора Венеция отказывалась от союза с Турцией и предлагала Скандербегу руководство военными операциями в случае турецкого нападения. Даньо (в русской повести — Даинам) оставался в руках Венеции, но в виде компенсации за него Скандербег получал ежегодную денежную субсидию. Венеция, кроме того, предоставляла Албании денежный заем в 15 000 золотых дукатов, а город Дуррес обязывался ежегодно поставлять в албанскую армию двести всадников.

оброк поступили ему... Автор русской повести своеобразно осмысляет усло-

---

[1] F. S. Noli. George Castrioti Scanderbeg. New York, 1947, стр. 26.

[2] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 135.

[3] В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 87. (См. также статью А. Буда в наст. изд., стр. 82).

[4] S. Ljubić. Listine..., IX, ст. 282—283.

вия мира с Венецией, превращая полученную Скандербегом субсидию и заем от Венеции в «оброк» от завоеванных городов, о чем нет никакого упоминания в других источниках.

во Албании на всех людей пришел великий страх и ужас. Весной 1449 г. Мурат решил окончательно расправиться с Албанией. Момент казался ему исключительно благоприятным: турки только что победоносно окончили войну с Венгрией и заключили с ней перемирие, Албания была истощена в войне с Венецией. Поэтому султан решил сам выступить во главе своей армии. В первых числах мая турецкие войска перешли албанскую границу и встали лагерем под Светиградом. В южнославянской и русской повестях пропущено имеющееся у Барлетия и Бельского подробное описание турецкого войска, вступившего на территорию Албании. Поэтому в русской повести становится непонятной фраза о страхе и панике среди албанского народа. О подготовке Скандербега к предстоящей войне с турками в славянских повестях сказано также очень мало. Более подробные сведения приводятся у Антиварино и Барлетия, которые рассказывают, что Скандербег, получив известие о переходе турками албанской границы, велел всем жителям долин подняться в горы и укрыться в крепостях, где были подготовлены запасы воды и продовольствия. Все, кто мог держать оружие, вступали в армию, получая снаряжение и оружие. Антиварино сообщает, что в Неаполь к королю Альфонсу был отправлен посол Павел Кукка с просьбой о военной помощи.[1] Основные стратегические пункты должны были оборонять верные и испытанные помощники Скандербега: Тануш Топия — Петральбу, Гамза — Стелузий, Моис Голем — Светиград.

учинил речь им такову... В славянских повестях о Скандербеге его речь к войску состоит всего из двух фраз, в которых раскрывается и негодование полководца на минутную слабость своих солдат, и стремление ободрить их, и собственная непреклонность. Бельский здесь повторяет имеющееся у Барлетия сравнение Скандербега с Цицероном, опущенное автором русской повести, как книжное и надуманное. Второе же сравнение Скандербега с Гедеоном сохраняется и во всех славянских повестях; оно очень уместно, так как персонаж библейской «Книги судей» Гедеон действовал в ситуации, весьма близкой к данной. Пользуясь межплеменными раздорами среди евреев, соседние племена постоянно нападали на них, грабили их имущество, вытаптывали поля, угоняли скот, уводили женщин и детей. Гедеон, имя которого по-еврейски означает «отважный воин», отобрал наиболее смелых воинов, предупредив их: «Кто боязлив и робок, тот пусть возвратится назад и пойдет с горы Галаада». С отобранными воинами он неожиданно напал на враждебное племя мидианитян и перебил их.

выбрал сорок человек добрых молодцов... Биографы Скандербега рассказывают, что на заре 10 мая 1449 г. он предпринял разведку боем, послав к Светиграду небольшой отряд под командованием Моиса Голема и Анджело Музаки.

---

[1] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 151.

Все воины, переодетые в крестьянское платье, вели за собой вьючный скот, на котором были мешки с продовольствием. «Юноши и мужи добрые», о которых говорит Барлетий, превратились в русской повести в «добрых молодцов» и «мужиков», т. е. крестьян. Турки приняли албанских разведчиков за крестьян, тайно подвозящих продовольствие в осажденный город, и напали на них сначала небольшими отрядами, а затем и значительными силами. Этого-то и надо было Скандербегу. «Мужики» ловко заманили турок в горы, где их поджидал Скандербег, который, окружив и захватив их, получил от пленных необходимые для себя сведеиия. Этот эпизод помог Скандербегу выиграть время, а перепуганные и деморализованные турки перешли от наступления к обороне.

Амурат пришол под Светоград... Крепость Светиград, расположенная в Дибре (см. комментарий на стр. 175), преграждала туркам путь в центральную Албанию. Обороной Светиграда руководил Петр Перлат, под командованием которого находились не только все способные носить оружие жители города, но и все остальные дибрийцы. Антиварино рассказывает, что султан с основной армией появился под Светиградом к концу дня 14 мая.[1] Мурат решил вступить в переговоры со светиградским гарнизоном, рассчитывая на добровольную сдачу; поэтому он в тот же вечер отправил в Светиград своих парламентеров (в славянских повестях они приходят лишь на третий день). Перлат отклонил предложение султана и не принял дары. На следующий день Мурат отправил в Светиград целую депутацию, во главе которой, по словам Антиварино, находился один из пашей султана. Но и это посольство не имело успеха.

послал к приступу наперед простых людей... В южнославянской повести об этом тактическом приеме турок сказано несколько более подробно: Мурат посылает на штурм крепости сначала «христианские сельские люди, да христиане наперед погинут».[2] Штурм Светиграда начался 17 мая 1449 г.[3] Турки предварительно обстреляли город из пушек, которые были подвезены под его стены.[4] Тем временем к турецкому лагерю, как всегда неожиданно, с тыла подошел Скандербег. Своим нападением он внес панику в ряды противника, но не принял открытого боя из-за малочисленности своего отряда. Приход Скандербега значительно облегчил положение защитников Светиграда и дал им возможность с успехом отражать атаки и штурмы турок.

они б на них вылазя кричали и зычали... Тактический прием, предложенный Скандербегом Перлату, был смел и чрезвычайно прост: каждый раз, как только турки начинали штурм города, его защитники криком подавали сигнал Скандербегу и он немедленно нападал на турок с тыла, но лишь только турки начинали готовиться к отражению его набега и прекращали штурм, воины Скандербега скакали в горы и заманивали туда турок. Такая тактика изматывала и деморализо-

[1] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 156.
[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 75.
[3] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 158.
[4] M. Barletius. Historia de vita..., л. 67 об.

вала турецкую армию, к тому же Скандербег совершал и неожиданные ночные набеги, не давая туркам покоя даже в их лагере.

Амурат... почал опять посылать к приступу... В течение июня Мурат предпринял несколько попыток овладеть городом, но все они были безуспешны. Изнуряющая жара и частые набеги албанских всадников совершенно подорвали дисциплину турецкой армии. Антиварино рассказывает, как в панике разбегались турки, заслышав издали боевой клич албанских всадников, которому вторили защитники Светиграда.

велел людем своим еще готовитца к приступу. 21 июня 1449 г. Мурат предпринял второй решительный штурм, приказав уже известному нам Ферис-паше (см. комментарий на стр. 184) охранять тылы турецкой армии, чтобы Скандербег не смог помешать предстоящему штурму города.

послал Ферыбаш к Скандербегу... О поединке Скандербега с Ферис-пашой, окончившемся смертью последнего, подробно рассказывает Барлетий и за ним следуют и славянские биографы Скандербега, за исключением автора русской повести, который опускает многие подробности, как например, рассказ о том, как приближенные Скандербега отговаривали его от поединка, так как «вождь еси нам и не тебе за нас битися, но нам за тебя голову положити».[1] Скандербег не соглашался с ними и ссылался на пример Александра Македонского, вспоминая об его поединке с царем Пором и другими.

И он, пришедчи в город, вкинул в колодез пса в ночи да кошку... История взятия Светиграда в славянских повестях представляет собой краткое изложение соответствующего места из Барлетия (у Антиварино, по словам Биемми, в этом месте большой пропуск). Барлетий рассказывает, как некий предатель, подкупленный турками, бросил в единственный колодец, откуда осажденные брали воду, дохлую собаку. А дибрийцы, у которых считалось страшным грехом есть или пить то, что имело отношение к мертвому человеку или животному, силой заставили Перлата сдать город. Рассказ Барлетия находит подтверждение в вышеприведенной гипотезе Ястребова о местонахождении Светиграда (см. комментарий на стр. 177). Писко и ряд других авторов, напротив, с недоверием относятся к рассказу Барлетия и считают, что последний выдумал его для реабилитации Перлата, который, по словам одного из исследователей, был католическим священником.[2] Последнее подтверждается и в славянской версии биографии Скандербега. У Бельского Перлат назван «протосингелом, т. е. опатом» (вероятно, «аббатом»). В южнославянской повести «протосингел» является постоянным эпитетом, прибавляемым к имени Перлата («протосинкелл» — титул начальника свиты греческого патриарха). Можно предположить даже, что «Перлат» является здесь не родовым именем Петра, а искаженным словом «прелат» — титулом высшего католического

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 77.

[2] C. Paganel. Histoire de Scanderbeg ou Turks et Chrétiens au XV siècle. Paris, 1855, стр. 100.

духовенства. Противопоставление «стойкого» Перлата «неустойчивым» дибрийцам у Барлетия действительно имеет место и является замаскированным выпадом против некатолического населения Дибры. В славянских повестях акцент ставится не на нелепом суеверии дибрийцев, как это делает Барлетий, а на страхе горожан перед открывшейся в их рядах изменой и невозможностью обнаружить изменника. Южнославянская повесть и Бельский, который ссылается здесь на Барлетия, указывают и на другую причину сдачи туркам Светиграда: защищавший его гарнизон состоял из представителей различных национальностей и разного вероисповедания («были словаки — греческой веры, были албане, влохи — римской...».[1] Характерно, что о вероисповеднических распрях среди защитников Светиграда автор русской повести не упоминает вовсе, он только указывает, что защитники Светиграда были «люди не одного города и языка», а затем приводит значительно сокращенное в сравнении с Бельским рассуждение о том, что «не может быти крепко, где не одне люди будут — издавна то чинитца, что одне другим не верят».

Амурат их пустил волно, кто куды похотел. О длительной осаде и взятии Светиграда лаконично сообщают турецкие хроники, подтверждая факты, рассказаные европейскими хронистами. В южнославянской повести добавлены многие подробности этого события: Мурат отпустил все население, кто куда захотел, а Светиград заселил турками. Это привело в бешенство его сына Магомета, который «скрежетал зубами от злости» и просил отца разрешить ему истребить всех на месте. Мурат отказал сыну в его просьбе, указав на то, что в покоренной стране следует сохранять христианскую (гяурскую) веру.[2] Однако турецкие источники и византийский историк Лаоник Халкокондил рассказывают о судьбе сдавшихся не в том идиллическом тоне, как Барлетий, а за ним и славянские повести. По словам Халкокондила, султан, взяв город штурмом, обратил в рабство все его население, предварительно умертвив всех мужчин.[3]

пошел ко Андрианополю в землю свою. 31 июля 1449 г. Мурат, оставив в Светиграде гарнизон в 1200 янычар, отправился в Адрианополь. Барлетий считает, что причиной ухода султана были огромные потери, понесенные им во время осады Светиграда.

Скандербег на него приходил, во многих местех и в теснотах и побивал иво. После ухода султана из Светиграда Скандербег предпринял несколько вылазок, пытаясь напасть на турецкую армию на марше. Но турки в построении своих войск при уходе из Албании оказались предусмотрительными: румелийский паша шел в авангарде армии, в центре находился султан, а арьергард замыкал анатолийский паша. Несмотря на все эти предосторожности, Скандербег все же сумел нанести значительный ущерб туркам. В южнославянской повести добавлено, что Скандербег бил турок со всех сторон, нападая на них ночью и днем.

---

[1] M. Bielski. Kronika..., л. 249.

[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 79.

[3] L. Chalcocondylas. Historiarum libri... стр. 351.

пошел до Светограда... а не мог города взять... В сентябре или в октябре 1449 г. Скандербег пытался вернуть Светиград, сосредоточив близ него значительные силы, но из-за отсутствия артиллерии не смог взять город. Как указывает Макушев, Скандербег еще до прибытия Мурата в Албанию обращался к Венеции с просьбой прислать ему специалистов — артиллеристов. Но получил их очень немного, а орудий и того меньше.[1] Поэтому, не имея возможности штурмовать Светиград, Скандербег решил выманить турок из крепости и напасть на них перед городской стеной. Но и этого не удалось сделать: перепуганные турки боялись покидать крепостные стены и не выходили, несмотря на все уловки албанцев. Тогда Скандербег решил начать штурм города без необходимой артиллерийской подготовки. 9 октября албанцы в течение десяти часов тщетно пытались овладеть городом. Неизменный помощник Скандербега, участник самых рискованных операций Моис Голем, по словам автора южнославянской повести и Бельского, во главе штурмующих войск со знаменем в руках был уже на стене крепости, но атаку албанцев турки отбили и на этот раз, причем Моис Голем был ранен.

и пошел было опять в Олбанию... После неудачного штурма Светиграда Скандербег оставил большой отряд на границе под командованием Тануша Топия и Георгия Стреши Балша, а сам опять пошел к Светиграду, чтобы вторично штурмовать его. Но в пути получил известие от Георгия Балша о том, что к албанским границам вновь приближаются турки. Это известие заставило Скандербега повернуть по направлению к Круе; но затем пришло новое известие: султан, напуганный наступлением зимы с ее дождями, холодом и бездорожьем, вернулся назад в Адрианополь.

взявши с собою сына своиго Магомета, и пошел к Албании... В начале апреля, по Барлетию, или мая, по Антиварино, 1450 г. около Круи появились авангардные турецкие части под командованием Себали-паши (в южнославянской повести Себали или Бали). Перед турецкими частями, пишет Бельский, Мурат послал специальных «шпионов или убийц», которые захватывали местных жителей и выпытывали у них сведения о том, что делается в стране.[2] (Эти подробности отсутствуют у Барлетия). Скандербег, как всегда, сразу же узнал о том, что за авангардом Себали-паши двигается огромная турецкая армия. Поэтому он отказался от нападения на войско паши, не желая подставлять свои тылы под удары основных частей турецкой армии. Через две недели под стенами Круи была уже вся турецкая армия во главе с самим султаном и его сыном Магометом, который в южнославянской повести и у Бельского назван «еще более свирепым, чем его отец». Антиварино и Барлетий рассказывают, что приход турок вызвал страх и панику среди населения Албании. По городам и селениям поползли слухи о всяких чудесных знамениях и таинственных предостережениях: говорили, что

[1] В. В. Макушев. Исторические разыскания. . ., стр. 88.
[2] M. Bielski. Kronika. .., л. 250.

некий албанец якобы видел ночью возле Круи какие-то таинственные тени, извергающие огонь, другой — около Петреллы видел в воздухе два сражающихся войска; говорили, что в Музакии прошел якобы каменный дождь, а где-то в горах пророчествует шестимесячный младенец. Подобные слухи, распускаемые врагами Албании и Скандербега, дезориентировали население и грозили расшатать дисциплину в рядах албанского войска, и Скандербег решил бороться с ними тем же оружием: в торжественной обстановке, собрав войско и вызвав духовенство, он объявил всем собравшимся, что ему во сне явился его покровитель Св. Георгий и предрек ему блестящую победу над турками, повелев рассказать об этом албанскому народу. Это известие подняло дух суеверных албанцев, и все дальнейшие слухи и разговоры были пресечены. Русская повесть, подобно обеим другим славянским повестям, опускает эти любопытные подробности. Авторы, видимо, считали, что о страхе албанцев перед турками уже ранее говорилось (стр. 23). Затем Скандербег ушел из Круи в горы, оставив в крепости надежный гарнизон. У Барлетия и у Бельского имеется еще одна любопытная деталь, опущенная в русской повести: Себали-паша пытался привлечь в свои ряды местных жителей, но они бежали от него и скрылись в горах.

Ураконт, воивода кройский... Начальник гарнизона Круи Урана был одним из ближайших друзей и верных помощников Скандербега и неотлучно находился при нем вплоть до своей смерти в 1458 г. Итальянский титул «конт», т. е. граф, прибавляемый всеми биографами к имени Ураны, а в славянских повестях даже вошедший в состав его имени, является, вероятно, переводом на итальянский язык соответствующего албанского титула, так как Урана происходил из знатного рода Альтисфиери и в молодости служил в войсках неаполитанского короля Альфонса.

Амурат велел поставить наряд з дву сторон... Разгневанный отказом защитников Круи сдать крепость, султан приказал подвести к городу десять пушек (по Антиварино пушек было 12).[1] Пять из них установили против крепостных ворот, остальные — против восточной стены. 21 июля 1450 г. начался обстрел Круи, продолжавшийся непрерывно в течение четырех дней. После того как в одной из стен была пробита значительная брешь, султан отдал распоряжение с восходом солнца начать штурм города.

И послал наперед к приступу черных людей... «Черными людьми» здесь названы «простолюдины», которых обычно султан использовал в качестве заслона во время штурма. У Бельского и в южнославянской повести имеется интересная подробность: «черные люди» (или, как их называет Бельский, «люд христианский») кричали защитникам Круи, что их гонят насильно, и просили пощады. Со стен крепости им велели при выстрелах из пушек падать на землю.

турки оскочили окол Скандербега... Во время своего первого столкновения с турками отряда Шеремет-паши Скандербег едва не погиб. Об этом эпизоде подробно рассказывает Барлетий и в сокращенном виде — славянские повести. Совер-

[1] G. Biemmi. Istoria di Ciorgio Castrioto. . ., стр. 239.

шая свой очередной рейс по тылам турецкой армии, Скандербег разбил конницу Шеремета, а самого пашу обратил в бегство, но сам слишком увлекся преследованием и вырвался вперед; на него из засады напали янычары Магомета. Под Скандербегом был ранен конь, а сам он спасся лишь благодаря мужеству своих солдат, которые, прискакав к месту происшествия, прикрыли его своими телами. Барлетий добавляет: когда Скандербег живым и невредимым вернулся к своим, где его встретили со слезами радости, все увидели, что щит его настолько изрублен турецкими мечами, что совершенно потерял свою первоначальную форму. Но на теле Скандербега не оказалось ни одной царапины.

Амурат почал быть поготову ... За каждым штурмом Круи, по словам Барлетия, следовал набег Скандербега на турецкие тылы. Это заставило Мурата снарядить специальный отряд, чтобы сковывать действия Скандербега. Возглавил отряд Себали-паша. Не сумев найти Скандербега, он вступил в бой с встретившимся ему в горах небольшим отрядом албанских всадников, а когда те, потеряв лишь одного человека, ушли в горы, Себали-паша вернулся обратно.

Скандербег... уведал, что многие запасы идут к турком... Действия Скандербега на коммуникациях турецкой армии дезорганизовали снабжение ее боеприпасами и продовольствием. Над турками нависла угроза голода. Тогда Венеция взяла на себя снабжение армии султана продовольствием и боеприпасами через Македонию. Однако албанцы задержали нескольких купцов, которые тайно пробирались в турецкий лагерь, и, отобрав у них все товары, убили их. В Албании после этого случая ожидали, что Венеция объявит войну, но та, напуганная близостью турок, отдала секретный приказ своему наместнику в городе Дурресе оказывать помощь армии Скандербега (см. статью А. Буда в наст. изд., стр. 83).

умысля послал послов к воиводе в город ... 12 сентября 1450 г. султан решил возобновить переговоры с осажденными и послал в Крую парламентеров. Во главе посольства был отправлен некий турецкий дипломат, по словам Барлетия, отличавшийся исключительными ораторскими способностями. Посол должен был обмануть Урану и всех защитников Круи известием о том, что Скандербег вновь вернулся на службу к султану и теперь требует, чтобы гарнизон Круи принял данного парламентера как посланца Скандербега. Мистификация эта, сопровождавшаяся, как обычно, попыткой подкупа, не имела успеха, так как Урана отказался сдать Крую и просил послов передать их султану пожелание поскорее вернуться в Адрианополь.

И для того Амурат впал в немочь. Согласно славянским повестям, Мурат, узнав о неудаче своего замысла, так огорчился, что заболел. У Барлетия отсутствует прямая связь болезни и смерти Мурата с ответом Ураны, но и Барлетий, так же как и другие источники, подтверждает, что после этой неудачи Мурат заболел и вскоре умер.

приговорили, чтоб дань взять... Это место в русской повести значительно сокращено и вызывает недоумение: почему же турецкие паши предлагают Скандербегу платить дань, если победителями оказались албанцы, а не турки? Ответ на

этот вопрос отсутствует в славянской версии биографии Скандербега и имеется лишь у Барлетия и Антиварино. По ним, один из приближенных султана по имени Юсуф-бей (Антиварино называет его Якуб-беем) по решению пашей отправился на поиски Скандербега, чтобы от имени султана предложить ему в полное владение Крую, а взамен попросить очень умеренную дань. Проводниками Юсуф-бея были пленные дибрийцы, которые и привели турецкого вельможу к Скандербегу, но он отказался платить дань и принять предложение турок. Венецианские архивные документы подтверждают, что попытка султана заключить мир со Скандербегом не являлась плодом досужих вымыслов его биографов. 12 сентября 1450 г. Венецианская республика действительно решила направить посла для посредничества в заключении мира между султаном и Скандербегом, но, вероятно, эта миссия не имела успеха.[1] Антиварино рассказывает, что султан, узнав об отказе Скандербега, отправил одного пленника в Крую и посулил ему богатую награду, если тот откроет ворота города туркам, но патриот-албанец открыл Уране замыслы турецкого султана, и Урана приказал еще бдительнее охранять подступы к крепости. Скандербег же, отклонив предложение Юсуф-бея и отказавшись от мира с Турцией, сделал попытку привлечь на свою сторону Венецию, вероятно, в ответ на ее посредническую роль в заключении мира между воюющими сторонами. В октябре он предложил Венеции Крую и просил венецианского наместника в Даньо сообщить об этом сенату. Но наместник Андрей Веньера еще раньше получил строгое приказание не вмешиваться в дела Скандербега с турками.[2] Таким способом Скандербег еще раз разоблачил истинную политику Венецианской республики, что ему было особенно важно, так как многие из албанских князей дружественно относились к Венеции и даже искали союза с ней, надеясь на ее помощь.

Амурат ... умер под Кроею в стану своем. У Барлетия, а за ним и в славянских повестях, уход турецких войск из-под Круи связывается со смертью султана Мурата; затем Магомет возвращается в Адрианополь для того, чтобы принять завещанное ему отцом царство. Таким образом, борьба Скандербега с Муратом оканчивается смертью последнего под стенами неприступной Круи. Этот выигрышный и эффектный момент является одним из произвольных домыслов Барлетия, проникшим и в славянские повести. В южнославянской повести имеется, однако, оговорка о наличии другой версии смерти турецкого султана, согласно которой Мурат больным вернулся в Адрианополь, где вскоре и умер.[3] В действительности 26 октября 1450 г. Мурат сам отдал приказ о возвращении в Адрианополь.[4] Причина отступления турецкой армии из Албании остается неясной. Согласно официальной версии, изложенной в анонимной турецкой хронике, султана испугало приближение зимы и, пожалев своих солдат, погибающих под непри-

---

[1] В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 89—90.
[2] В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 90, прим. 2.
[3] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 85.
[4] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 279.

ступной крепостью, он вернулся обратно. Эту же версию повторяет Халкокондил.[1] Антиварино считает, что султан действительно побоялся зимовать в горах Албании, но жалея себя, а не своих солдат, и считая для себя смертельной суровую албанскую зиму. Антиварино ошибается только в возрасте султана, называя его восьмидесятилетним стариком, на самом же деле он был значительно моложе (турецкие хроники называют его сорокадевятилетним). Настоящая же причина ухода турок, вероятно, была в том, что султан понял бессмысленность своего дальнейшего пребывания под Круей, столь героически и самоотверженно защищаемой албанцами Кроме того, до него, вероятно, дошли слухи о приготовлениях Георгия Арианити к возобновлению некогда расторгнутого им военного союза со Скандербегом,[2] а также слухи о военных приготовлениях венгров; наконец, турки вообще избегали вести войну в Албании в зимних условиях. Все эти причины были достаточно вески для того, чтобы Мурат, сняв осаду Круи, под стенами которой он оставил около 20 000 убитых, вернулся в Адрианополь (цифры потерь приведены у Антиварино).[3] Вскоре после своего возвращения из Албании султан неожиданно умер (2 февраля 1451 г.). По рассказу византийского историка Халкокондила, смерть султана последовала от апоплексического удара и была следствием невоздержаниой жизни Мурата.[4] Другие источники рассказывают, что султан торжественно справлял свадьбу своего сына, простудился во время одной церемонии и, проболев всего четыре дня, скончался.[5]

Ураконту... дал княжество Македонское. Граф Урана, его солдаты и командиры получили богатые награды за свое мужество и стойкость. По словам Барлетия, Урана к своим прежним титулам получил еще новый титул «князя Мати» («dux Aemathiae»). У Бельского и в русской повести область Мати превратилась в Македонию (см. комментарий на стр. 166).

Царство Махометово... и о взятии Царяграда. Этот подзаголовок, имеющийся в большинстве списков русской повести, делит ее на две, почти равные части. Он имеет аналоги во всех источниках повести о Скандербеге: у Барлетия здесь начинается VII книга, открывающая новый этап борьбы албанцев с турками; VI книга заканчивается словами: «...hic belli finis cum Amyrathe fuit» («...таков был конец войны с Амуратом»).[6] У Бельского здесь также начинается новая глава с обычной для хроники виньеткой, изображающей султана Магомета. В южнославянской повести подобного разделения нет: там весь текст написан подряд. Однако одна фраза, хотя и написанная в строку, представляет собой явный

---

[1] L. Chalcocondylas. Historiarum libri..., стр. 351.
[2] В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 90.
[3] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 280.
[4] L. Chalcocondylas. Historiarum libri, стр. 375.
[5] M. Ducas. Historia Byzantina. Corp. script. hist. Byzant. Ed. Bekker, Ponn, 1834 стр. 224—230;
G. Phrantzes. Chronikon. Corp. script. hist. Byzant. Ed. Bekker, Bonn, 1838, стр. 211.
[6] M. Barletius. Historia de vita..., л. 83.

заголовок: «Мехмед, восьмой царь османский». (Следующее предложение имеет своим подлежащим опять слово «царь»).[1]

В лето по рождестве Христове 1450 Махомет ... овладел всю Тракию и пошел к Царюгороду. Эта дата в русской повести заимствована у Бельского и является ошибочной, так как осада Константинополя началась не в 1450, а в 1453 г. «Тракией» в русской повести названа Фракия — страна, расположенная на север от Македонии. Она входила в состав Византийской империи, но уже в XIV в. отдельные ее области стали достоянием турок.

Облег город и велел учинить башню... История осады и взятия столицы Византийской империи Константинополя рассказывается только в славянских версиях биографии Скандербега. У Барлетия седьмая глава начинается с рассказа о смятении в Адрианополе, вызванном известием о смерти султана Мурата, о восстании янычар, жестоко подавленном Магометом, который вскоре после этого был провозглашен новым султаном, восьмым из династии Османа. Затем дается характеристика молодого султана, которая заканчивается упоминанием о том, что путь к турецкому престолу Магомет ознаменовал убийством своего малолетнего брата, законного наследника Мурата (об этом см. комментарий на стр. 212). Изложив все эти «домашние дела» («domesticae res») нового султана, Барлетий возвращается к албанским событиям. Об осаде и взятии Константинополя он упоминает лишь мимоходом, даже не указывая даты. У Бельского и в южнославянской повести описание осады и взятия Константинополя заменяет собой все указанное отступление Барлетия, причем в южнославянской повести дается правильная дата падения Константинополя. В русской повести этот рассказ чрезвычайно лаконичен и краток: в начале его особенно много сокращений по сравнению с Бельским и с южнославянской повестью. Так, например, рассказывая о приготовлениях Магомета к осаде города, автор русской повести упоминает лишь об осадной башне и ничего не говорит об обнесении константинопольской гавани толстой железной цепью, о строительстве турками моста через пролив и о других подробностях, о которых рассказывает Бельский и южнославянская повесть. Далее опущены такие подробности, как рассказы о повсеместных и беспрестанных богослужениях в осажденном городе, рассказ о смерти последнего византийского императора Константина Палеолога, погибшего, как сказано в южнославянской повести и у Бельского, в давке у Золотых ворот во время последнего и решительного штурма турок.

царь Констянтин Палеолог был в миру с Магометом... После воцарения Магомета император Константин отправил в Адрианополь специальное посольство приветствовать нового султана.[2] Магомет встретил византийских послов с обычным восточным гостеприимством и дал клятву сохранять вечный мир с Византией и даже обещал платить ей определенную дань. Более того, по словам

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 85.

[2] L. Chalcocondylas. Historiarum libri..., стр. 376; M. Dukas. Historia..., стр. 233

Халкокондила, Магомет возвратил Византии прибрежную часть Малой Азии. Поэтому нападение султана на Византию расценивалось как несоблюдение взятых на себя обязательств и клятв. Комментируемая фраза полностью принадлежит автору русской повести и отсутствует в других источниках.

И для того послал в Рим по люди. И папа людей не дал. Второй фразы нет в других славянских биографиях Скандербега. Бельский лишь намекает на то, что «некоторые люди» в Риме с удовлетворением узнали об опасности, нависшей над Византией. В южнославянской повести говорится только, что в Риме на беду Константинополя «не обратили внимания».[1] В действительности же папа Николай V, его ближайший помощник кардинал Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II) и ряд других римских политических деятелей, включая сюда и некоторых историков и поэтов папского окружения, открыто обвиняли греков в нарушении Флорентийской унии, в ереси, невежестве, лености и в различных пороках, объявляя падение Константинополя «божьей карой» схизматикам. Одним из первых эту мысль выразил греческий митрополит Леонард Хиосский, отправивший 26 августа 1453 г. письмо римскому папе, в котором писал о том, что Византия наказана за отступление от «истинной веры» и за лицемерное принятие унии — «non unio facta, sed unio ficta civitatem perdidit».[2] Для того чтобы добиться помощи со стороны католического Запада, Константин вновь обнародовал почти уже забытую Флорентийскую унию, что вызвало в Константинополе ожесточенные религиозные волнения, захватившие даже ближайших помощников Константина. Так, например, командующий византийским флотом Лука Нотарий открыто говорил, что он скорее готов видеть в храме Св. Софии чалму Магомета, чем шляпу папского легата. Однако демонстративное примирение с папой не принесло Константину никакой пользы: папский легат кардинал Исидор, прибывший в Константинополь для организации униатского богослужения, доставил императору всего лишь 50 солдат. (Это тот самый грек Исидор, который в 1437 г. стал русским митрополитом. После подписания им от имени русской церкви Флорентийской унии, Исидор был низложен русскими епископами и заключен великим князем Василием Темным в тюрьму. Однако ему удалось бежать в Рим). Войска самого императора, по словам Франдзи, составляли 8—9 тыс. человек, около 5 тыс. составляло ополчение. К ним присоединились еще около 2 тыс. из вспомогательного войска генуезцев и венецианцев под командованием Джустиниани, Тривисано и Минотто. Турецкая армия, по тем же византийским источникам, составляла 258—400 тыс. человек.

И ранили воивод... Упомянутые в повести в качестве руководителей обороны Константинополя грек Феофил и «долмацкий словак» Иоанн названы у Франдзи в числе наиболее храбрых и ревностных защитников города в последние дни его осады. Первый из них, Феофил Палеолог, защищал участок города от Золотых

---

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 86

[2] Migne. Patrologia graeca, **159**, стр. 929.

ворот до ворот Св. Романа. Когда же дальнейшее сопротивление оказалось бесполезным, он предпочел смерть позору и погиб как герой в рукопашной схватке. Второй, которого Франдзи называет Иоанном Далматом, отличался своим мужеством и был тяжело ранен в рукопашном бою.[1] В южнославянской повести Иоанн назван сербом из Далмации. Там же сказано, что он и Феофил руководили всей обороной Константинополя, их гибель решила участь осажденного города. В одном из списков «Повести о Скандербеге» — Егоровском — назван еще один воевода — Изустеней, которого «из пушки раздробило». Речь, без сомнения, идет о названном выше Джустиниани, про которого подробно рассказывается во всех русских версиях «Повести о взятии Царьграда» и у византийских историков.

взяли турки Царьград... в лето по рождестве Христове 1452-м. Автор русской повести повторяет ошибку Бельского. В действительности Константинополь был взят 29 мая 1453 г.

Потом Магомет ходил во угры и побит там под Белым городом... После покорения Константинополя султан Магомет в 1455 г. вторгся в Сербию и захватил город Новобрдо, а в 1456 г. осадил Белград. Но Гуниади с венгерской армией поспешил на помощь осажденным и на Дунае уничтожил большую турецкую флотилию; 6 августа туркам было нанесено тяжелое поражение под Белградом, где султан был ранен. Активное участие Венгрии в описываемых событиях, очевидно, и ввело в заблуждение автора русской повести, который перенес таким образом место действий из Сербии в Венгрию. Победа под Белградом оказалась последним крупным успехом Яноша Гуниади, который умер вскоре после этого. Султан Магомет, занятый покорением Византии и событиями в Сербии, на некоторое время оставил в покое Албанию.

Магомет... послал на него Амеса, воиводу своиго... да... Добрея... Славянские повести вслед за Барлетием рассказывают об одновременных походах двух турецких отрядов на Албанию. В действительности же один поход от другого отделяет целый год. Первый поход под командованием Гамзы-паши окончился поражением турок неподалеку от Круи 21 июля 1452 г. Вслед за отрядом Гамзы-паши на Албанию был отправлен еще один отряд Тилуфо-бея, которого разбил Моис Голем. Вероятно, с этими победами следует связывать письмо (1452 г.) сената Дубровника, в котором сенат поздравляет Скандербега с блестящими победами над Турцией.[2]

Весной 1453 г. против Албании выступил Дибрей-паша, названный в русской повести Добреем. Скандербег, как всегда, не ожидая прихода неприятеля, первым перешел границу, напал на турок и разбил их. Сам паша был убит, и лишь немногие спаслись бегством. По словам Барлетия, паша погиб от руки Скандербега, эту же версию повторяют славянские повести (причем в южнославянской

---

[1] G. Phrantzes. Chronikon..., стр. 286.

[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 38.

повести паша назван Демиром). Антиварино говорит, что пашу убил не Скандербег, а какой-то неизвестный албанский воин.[1]

пошел к Белуграду... и почал бить по городу. После того как турки захватили Константинополь и пала Византия, угроза турецкого завоевания нависла над Европой, и в первую очередь над Италией. Взятие Рима — оплота католичества — являлось теперь первоочередной задачей Магомета. Венеция опасалась за судьбу своих владений на побережье Адриатического моря; еще более был обеспокоен неаполитанский король, так как ближайший путь турок на Рим лежал через его владения. Остальные итальянские города и государства тоже взволновало вторжение турок в Албанию, хотя оба похода 1452 и 1453 гг. и окончились победой Албании. Венецианская республика и Неаполитанское королевство еще с 1451 г. начали вести переговоры со Скандербегом и, предлагая ему начать военные операции против турок, обещали свою помощь деньгами, обмундированием и людьми. В то же время Венеция поспешно заключила мир с Сербией и начала лихорадочно готовиться к обороне своих приморских городов в Албании. Итальянские города с надеждой смотрели на Скандербега, ожидая, что он, как обычно, примет на себя первый удар и отразит его. Венеция отдала приказание своим губернаторам в Албании поддерживать постоянную связь со Скандербегом.[2] Неаполитанский король Альфонс составлял грандиозные планы борьбы с турками, возлагая основные надежды на Скандербега, которому должна была помочь венгерская и сербская армии.[3] Но у самого Скандербега не было ни достаточного количества людей, ни денег для того, чтобы принять на себя первый удар турецких войск. Поэтому в начале 1454 г. он сам отправился в Рим и в Неаполь для переговоров о помощи. Неаполитанский король дал Скандербегу 500 солдат и немного денег, а папа — 3000 венецианских дукатов.[4] Тревога в Италии продолжала увеличиваться. В июне 1454 г. турецкий посол предложил Венеции принять диктуемые Турцией условия мира и грозил, что в противном случае турки через Дуррес направятся в Рим.[5] В конце декабря того же года турецкая армия вторглась в Албанию, и Венецианский сенат тотчас же отправил к Дурресу военные суда.[6] Однако 29 сентября 1455 г. венецианский дож Франческо Фоскари писал миланскому герцогу Сфорца о том, что султан собирается выступить из Албании против Сербии, готовя тем самым удар всем христианским государствам.[7] Использовав для себя эту небольшую передышку, Венеция еще в марте 1455 г. послала в Албанию некоего Джиованни (Макушев ошибочно называет его Яковом) Боллани для руководства инженерными работами по укреплению Дурреса. Рабо-

---

[1] C. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 306.
[2] S. Ljubić. Listine..., X. стр. 27.
[3] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 48.
[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 43.
[5] В. В. Макушев. Историјски споменици..., II, стр. 226—227.
[6] S. L ubić. Listine..., X, стр. 44.
[7] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 43.

чую силу Боллани должен был просить у Скандербега, Арианити, Музаки, Топия и других албанских князей. Когда основные силы турецкой армии покинули Албанию и вступили в Сербию, Скандербег решил начать военные действия и освободить занятый турками стратегически важный район внутренней Албании Аргирокастро—Влора. Он пытался привлечь к участию в этом походе некоторые другие соседние с Албанией государства, понимая, что помощь, присланная Альфонсом, слишком ничтожна. С этой целью он направил послов в Дубровник и в Венгрию, но, не встретив там активной поддержки, решил действовать один. В июле 1455 г. Скандербег подошел со своей армией к городу Белграду (ныне — Берат) — главному опорному пункту на участке Аргирокастро—Влора.

взяли мир с Скандербегом на месяц... Город был осажден войсками Скандербега, и неаполитанская артиллерия начала обстрел города. Осажденные отправили к Скандербегу депутацию с просьбой дать им некоторое время на подготовку капитуляции. Барлетий рассказывает, что Скандербег возражал против этого, но подчинился решению большинства членов военного совета, в который входили его союзники — албанские князья и итальянские офицеры. Барлетий и славянские повести говорят о месячном сроке перемирия; по Антиварино — перемирие было заключено лишь на одиннадцать дней.

И тут Скандербег недобро учинил. Так кратко и неясно говорит автор русской повести об ошибке, допущенной Скандербегом под Белградом (ныне — Берат). У Бельского сказано, что Скандербег «сам для себя зло учинил». Южнославянская повесть ничего не говорит об ошибке Скандербега, а его неудачу под Белградом рассматривает как результат вероломства жителей города, тайно сносившихся с турками.[1] В действительности же произошло следующее: во время перемирия под Белградом Скандербег, томясь вынужденным бездействием, решил предпринять несколько вылазок на соседние крепости, в которых находились турецкие гарнизоны. С небольшим отрядом он покинул свой лагерь, передав на время командование своему зятю Музаки Топия. Последний был слишком молод и не пользовался достаточным авторитетом среди войска, поэтому он не смог поддержать военную дисциплину и своевременно отразить неожиданное нападение появившейся с тыла турецкой кавалерии под командованием Исса Эвренос-бега.[2] Это был авангард большой турецкой армии, которую султан выслал на помощь Белграду.

побил Себаля Скандербега. Славянские повести допускают некоторую неточность: поражение от турок, основные силы которых под командованием Себали-паши пришли вскоре после прибытия авангарда Эвренос-бега, было нанесено не Скандербегу, а Музаки Топия и командирам итальянских отрядов. Все неаполитанские войска были истреблены поголовно, так как, находясь в тылу войск, осаждавших Белград (Берат), они первыми подверглись атакам турок и не сумели

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 87—88.
[2] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 318.

организовать оборону. Тем не менее вся ответственность за поражение, естественно, падала на Скандербега, как на командующего союзными силами. Основной причиной поражения союзных войск под Белградом было, конечно, отсутствие Скандербега и его личной гвардии. По словам Барлетия и автора южнославянской повести, Скандербег принял на себя всю вину и тяжело переживал несчастье: он по привычке в кровь искусал себе губы. Следует отметить, что постоянное упоминание Барлетием этой привычки Скандербега — один из немногих штрихов внешнего облика его героя, основанный, возможно, на подлинных манерах Скандербега. Так, пользуясь известным с древних времен художественным приемом раскрытия внутреннего мира героя с помощью чисто внешних деталей, Барлетий стремится доступными для него средствами создать наиболее яркий образ Скандербега. Победа турок объяснялась еще и тем, что Себали-паша воспользовался тактическим приемом Скандербега и напал на союзные войска внезапно с небольшим отрядом Эвренос-бега, чтобы затем ввести в действие все свои основные силы. Дата поражения при Белграде 25 июня, указанная у Биемми, ошибочна, так как 8 августа миланский посланник в Неаполе извещал своего герцога о поражении союзных войск под Белградом, происшедшем накануне.[1] После этого — первого и единственного — поражения Скандербег собрал остатки своих войск и отошел к Круе. Немногие итальянцы, оставшиеся в живых, бежали.

<u>И одравши пред ними кожу и насыпав мекинами, и на колье посажали.</u> После победы под Белградом (ныне — Берат) турки с неслыханной жестокостью обошлись с ранеными и попавшими в плен албанцами. Они отказались взять за них откуп и перебили всех до одного, затем сняли с трупов доспехи и одежду и по своему обыкновению обезглавили убитых, чтобы увезти с собой в качестве военного трофея отрубленные головы. Бельский вслед за Барлетием почти дословно повторяет все эти подробности расправы турок с пленными; в южнославянской повести они опущены вовсе и вместо этого сказано, что турецкий полководец переслал Магомету головы убитых албанцев.[2]

<u>отъехал от Скандербега Моисей, наместник Нижныя Дыбры, к Магомету.</u> После поражения под Белградом (ныне — Берат) на сторону турок перешел Моис Голем, командующий дибрийскими войсками и личный друг Скандербега. Причины измены Голема можно скорее предполагать, чем констатировать. Фан Ноли основной причиной считает личную неприязнь жены Голема к Скандербегу, объясняемую тем, что ее первый муж — Музаки Топия — развелся с ней для того, чтобы вступить в брак с сестрой Скандербега Мамицей.[3] Но вряд ли можно согласиться с Фан Ноли и отводить решающую роль в измене Моиса Голема только личным мотивам. Вернее всего переход Голема на сторону турок был вызван его страхом перед турками и уверенностью в том, что Албания не сможет уже далее сопротивляться. Кроме того, Моис Голем принадлежал к числу богатейших и влиятель-

[1] В. В. Макушев. Историjски споменици. . ., стр. 148 и сл.
[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского. . ., стр. 88.
[3] F. S. Noli. George.Castrioti Scanderbeg. New York, 1947, стр 51.

ных феодалов и имел в Албании большие земельные наделы; поэтому постоянное стремление Скандербега покончить с раздробленностью страны и ограничить права албанских феодалов могло толкнуть на разрыв со Скандербегом даже такого преданного ему друга, каким был Моис Голем. Намеки на указанную причину разногласий Скандербега с его албанскими союзниками содержатся и в «Генеалогии» Иоанна Музаки, автор которой не пытается скрыть своей ненависти к Скандербегу и обвиняет его в покушении на суверенные права албанских правителей.

Магомет послал его... на Скандербега... Магомет не замедлил воспользоваться большим военным опытом Моиса Голема и послал его во главе очередного похода на Албанию. Ранней весной 1456 г. Скандербег со своей армией выступил в Дибру навстречу туркам.

он ведает умысл Скандербегов. Голем не только хорошо знал стратегию и тактику Скандербега, но был также прекрасно осведомлен о природных особенностях местности, знал все горные ущелья и тропы Дибры и пользовался большой любовью и авторитетом у жителей Дибры.

Скандербег... побил иво... 19 мая 1456 г. в Нижней Дибре встретились войска Скандербега и Моиса Голема. Барлетий и Антиварино рассказывают, что Моис сначала вызвал Скандербега на поединок, но, когда тот принял вызов и они съехались перед своими войсками, Голем отказался от поединка. Сражение же войск из-за внезапно хлынувшего ливня пришлось отложить до следующего дня. Барлетий рассказывает все подробности битвы: как тщетно пытался Голем поднять боевой дух турецкой армии, как он сам, проявляя чудеса храбрости, бросился в бой и как кто-то, налетев на Скандербега, ударом копья едва не выбил его из седла и опрокинул на круп лошади, как быстро овладел собой Скандербег и, не дав врагу опомниться, рассек его мечом. Сражение окончилось полной победой албанской армии. Турки вместе со своим предводителем обратились в бегство. После первой неудачи Моис Голем попытался еще раз напасть на албанский лагерь. Узнав о том, что Скандербег уехал в Музакию и оставил вместо себя Урану, он ночью ворвался в лагерь, но опять был разбит и вернулся обратно.

Скандербег отдал ему вину иво. В сентябре 1456 г. Моис Голем бежал из Турции в Албанию, надеясь на прощение Скандербега. По древнему албанскому обычаю он пришел к Скандербегу в Петральбу, повесив себе на шею веревку, что означало не только полное раскаяние, но и предоставление тому, к кому являются с повинной, права распоряжаться судьбой виновного. (По словам Писко,[1] подобный обычай существовал в Албании еще в конце прошлого столетия). Скандербег полностью простил Голема и возвратил ему все конфискованные земли, а через четырнадцать дней после его возвращения издал приказ, по

---

[1] J. S. P i s k o. Skanderbeg. . ., стр. 76, прим. 159

которому строжайшим образом запретил кому бы то ни было вспоминать о случившемся или укорять в чем-либо Моиса Голема.[1]

турки перелезли дары Амеса... Осенью 1457 г. Скандербега постиг другой тяжелый удар: в лагере изменников оказался его любимый племянник Гамза Кастриот. О причинах измены последнего Барлетий, приводя письмо, якобы написанное Гамзой султану, рассказывает следующее: пока у Скандербега не было детей. Гамза считал себя его законным и единственным наследником; когда же летом 1456 г. у Скандербега родился сын Иоанн, Гамза оказался обманутым в своих надеждах и не пожелал удовлетвориться небольшим пограничным наделом, который подарил ему Скандербег.[2] (По словам того же Барлетия, в судьбе Гамзы и в его отношениях со Скандербегом неблагоприятную роль сыграла турчанка — мать Гамзы, которую султан Магомет вскоре после своего восшествия на престол отправил в Крую под предлогом свидания с ее сыном). Вслед за Барлетием эту версию, но без упоминание о матери Гамзы, повторяет Бельский, которому следует русский автор. Однако все это могло являться только поводом, а подлинная причина крылась, несомненно, глубже и была той же самой, которая побуждала албанских князей неоднократно порывать со Скандербегом — их децентрализм и стремление сохранить любой ценой свои феодальные права. Это предположение подтверждается документальными источниками. 31 июля 1457 г. венецианский наместник Дурреса Марк Диедо писал дожу, что все албанские князья готовы перейти к туркам.[3] По словам турецких анналистов, Гамза рассчитывал возглавить движение албанских князей, недовольных «деспотией» Скандербега.[4] Кроме того, Магомет сумел воспользоваться тщеславием любимца Скандербега и, приняв его в Константинополе с великими почестями, провозгласил Гамзу королем Албании.[5] Все эти почести и богатые подарки способствовали измене Гамзы. Поход турецкой армии при участии Гамзы подтверждается документальными источниками: в письме от 2 августа 1457 г. некий маркиз де Варезе извещает миланского герцога, что 60-тысячная армия турок вторглась в Албанию.[6] В письме от 31 августа он же сообщает, что турки продолжают бесчинствовать в Албании, а Скандербег со своим отрядом скрылся в горах.[7] Турецкой армией, вторгшейся в Албанию, командовал Исса-паша, а его помощником был назначен Гамза Кастриот.

Уведали то княжата околние и... пошли к нему на помощь. Этот факт, указанный лишь в славянских повестях, не находит себе подтверждения ни в книге Барлетия, ни в других источниках. В них говорится о том, что на просьбу Скан-

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 108; G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 346.

[2] M. Barletius. Historia de vita..., л. 109; G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 346

[3] В. В. Макушев. Историјски споменици..., стр. 113.

[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 243, 272 и сл.

[5] M. Barletius. Historia de vita..., л. 110 об.

[6] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 87—88.

[7] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 89.

дербега о помощи лишь некоторые албанские князья собрали ему вспомогательный отряд в 1000 человек. Поправка, которую внесли здесь славянские авторы в биографию Скандербега, симптоматична: ею подчеркивается единство албанского и соседних с ним славянских народов в борьбе с турецкой агрессией.

Скандербег... побил пашу... Амеса жива поимал. Как только Скандербег узнал о том, что на Албанию движется огромная турецкая армия, он приказал жителям долин, через которые пролегал путь турок, укрыться в горах, угнав туда весь скот и уничтожив посевы, чтобы не дать врагу возможности пополнять свои продовольственные запасы. Сам он начал отступать на север к Лешу, увлекая за собой противника. Турки шли к Лешу, не встречая нигде сопротивления и не подозревая об опасности.

Они уже чувствовали себя победителями, и их командиры перестали заботиться о поддержании должной воинской дисциплины. Тактика Скандербега ввела в заблуждение не только турок. Марк Диедо (см. комментарий на стр. 204) писал венецианскому дожу, что турки подходят к берегам Адриатики, находясь на расстоянии часового пути от Леша, что в их руках находится якобы большая часть страны и что к ним перешли основные союзники Скандербега, а он сам скрылся в горах.[1] Тем временем Скандербег начал постепенно и тайно окружать врагов с тем, чтобы отрезать им обратный путь через долину Мати. Как рассказывают Барлетий и Антиварино, 2 сентября 1457 г., около 3 часов пополудни, когда турецкая армия отдыхала недалеко от моря, албанцы внезапно со всех сторон окружили турок и разгромили их прежде, чем они успели опомниться и прийти в себя. Турки отступили, потеряв убитыми и ранеными более 20 000 человек. Антиварино говорит о 15 000, а Барлетий о 30 000 турецких солдат и командиров, оставшихся на поле боя. Исса-паша бежал, а Гамза (Амес) вместе с одним турецким санджаком был захвачен в плен албанскими воинами. Скандербег отдал обратно султану за выкуп всех пленных, кроме Гамзы. Деньги, как указывает русская повесть, он роздал своим воинам. Источники русской повести указывают, что Скандербег не отпустил пленных, а наоборот, отослал их к «христианским государям», причем Бельский прямо ссылается на Барлетия и Волатеррано. В этом следует усматривать один из примеров самостоятельности русского автора. О полном поражении турок в Албании писал миланскому герцогу кардинал Д. Кастильоне, сообщая, что в подтверждение своих успехов Скандербег переслал пленных турок в Италию.[2] Светские и духовные албанские и итальянские феодалы, еще недавно отказывавшиеся помочь Скандербегу, теперь наперебой приветствовали его и предлагали свои услуги. Папа Калликст III поздравлял Скандербега и предлагал ему возглавить крестовый поход против турок, организация которого была поручена Джиованни Наварро.[3] Турки тоже рассматривали свое поражение как серьезную неудачу, на что указывает сохранившийся в венецианских архивах

[1] В. В. Макушев. Историјски споменици..., стр. 113 и сл.

[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег...., стр. 95.

[3] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 92.

ответ венецианского сената на протест Себали-паши, который обвинял Венецию в поддержке Скандербега.[1]

Амеса Скандербег послал х королю Алфонсу аполинскому, а велел посадить в заточенье навеки. Гамза (Амес) Кастриот был действительно отправлен в Неаполь и там по приказанию короля Альфонса осужден на пожизненное заключение. Барлетий рассказывает, что в 1458 г., после смерти короля, Гамза вернулся в Албанию, но Скандербег выслал его в Константинополь, где тот вскоре покончил жизнь самоубийством, не встречая прежних почестей при турецком дворе.[2]

корол Алфонс воивал с королем фрязским. . . Автор русской повести повторяет здесь ошибку Бельского, называя неаполитанского короля, обратившегося к Скандербегу, Альфонсом. Бельский, сокращая изложение Барлетия, опустил все подробности, касающиеся воцарения Альфонса на неаполитанском престоле, его борьбы со своими соперниками и, наконец, смерти. Ничего не говорит Бельский и о сыне Альфонса, о его наследнике и преемнике, Фердинанде, а прямо переходит к рассказу о Неаполитанской войне. Поэтому возникла ошибка, проникшая и в русскую повесть (в южнославянской повести здесь правильно назван не Альфонс, а Фердинанд). Война же была вызвана тем, что после смерти Альфонса французский король и папа не признали прав Фердинанда и выступили в поддержку нового претендента на неаполитанский престол калабрийского герцога Жана Анжуйского. Когда же после смерти папы Калликста III новый папа Пий II встал на сторону Фердинанда, то против последнего выступили неаполитанские феодалы во главе с тарентским принцем Орсини. К середине 1460 г. положение Фердинанда оказалось настолько тяжелым, что папа был вынужден писать Скандербегу, умоляя о помощи Фердинанду, потерявшему почти все свои владения и не имевшему никаких возможностей для продолжения войны. Скандербег согласился оказать ему помощь, так как расчитывал найти в Фердинанде союзника. Поэтому он поспешно стал готовиться к экспедиции в Апулию «для новой славы, на нового врага» («ad novam gloriam et novum hostem»).[3]

Скандербег помирился с Магометем до дву лет для короля Алфунса. Турки, начиная с 1459 г., относительно мало беспокоили Албанию, так как султан был занят покорением Пелопонесса и ограничивался лишь содержанием пограничных отрядов на албанской границе. Что же касается сроков перемирия, которое Скандербег заключил с турками, то здесь все источники расходятся между собой. По Барлетию и Франко, мир был заключен на один год.[4] Южнославянская повесть говорит о двухлетнем сроке, а из письма Скандербега к вождю восставших неаполитанских баронов ясно, что речь идет о трехлетнем перемирии.[5] Заключение Скандербегом перемирия с турками вызвало неудовольствие в Италии. Даже папа

[1] S. Ljubić. Listine. . ., X, стр. 124.

[2] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 111.

[3] M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 122.

[4] D. Franko. Gli illustri. . ., л. 22; M. Barletius. Historia de vita. . ., л. 123.

[5] В. В. Макушев. Историјски споменици. . ., стр. 124

Пий II в послании к Скандербегу о помощи Фердинанду выражал свое неудовольствие по поводу албанско-турецкого мира. Однако Скандербег был вынужден заключить это перемирие: он не мог покинуть Албанию и отправиться в Италию по требованию папы и неаполитанского короля, оставив свою страну на разгромление врагу. Папа римский прекрасно понимал это, но в том же письме лицемерно убеждал Скандербега расторгнуть договор с турками и поручить венецианскому флоту в его отсутствие защищать границы Албании от турок.[1]

приехав там трижды побивал фрязов... Под «фрязами» подразумеваются все противники Фердинанда, как французы, так и итальянцы. Первые албанские отряды под командованием племянника Скандербега Гойко Строши Балша появились в Италии в конце сентября 1460 г. (дата указана в письме миланского посланника в Неаполе к своему герцогу).[1] Прибытие албанских войск сразу же вызвало панику в лагере противников Фердинанда; об этом достаточно убедительно свидетельствует письмо, отправленное 10 октября 1460 г. к Скандербегу в Крую лидером восставших неаполитанских баронов — принцем тарентским Джиованни Орсини. Орсини предостерегает Скандербега от вмешательства в итальянские дела, доказывая ему, что война с европейскими войсками ничем не напоминает привычные для албанцев стычки с турками и что здесь, без сомнения, они не сумеют помочь Фердинанду, а покроют себя несмываемым позором. Ответ Скандербега, датированный 31 октября, исполненный гордостью за свой народ и сознанием собственного достоинства, дает несколько ярких штрихов к портрету албанского народного героя. Скандербег напоминает Орсини, что предки албанцев под предводительством Пирра, эпирского царя, прославились своей борьбой с римлянами: «Вспомните, — пишет Скандербег, — что мы те самые эпироты, которые в разное время воевали с римлянами на этой самой земле, где вы сидите ныне, и всегда с честью и славой, а не с позором». В этот же день Скандербег переслал Фердинанду копию письма Орсини и своего ответа на него; в препроводительном письме к королю он с гордостью пишет, что не привык надеяться на удачу, так как считает себя «сыном доблести, а не фортуны».[2] Летом 1461 г. в Италии с нетерпением ожидали появления основных сил Скандербега. В начале августа он с большим войском находился уже на восточном берегу Адриатики, готовясь к отплытию в Италию. Спустя несколько дней, население Дубровника, через который лежал путь Скандербега, радостно приветствовало албанское войско и его вождя, а 26 августа Скандербег высадился в южной Италии.[3] По словам Барлетия, численность войск Скандербега составляла от 5000 до 7000 человек. Эту же цифру повторяют и славянские повести. Однако в действительности она значительно преувеличена. Как видно из письма миланского посланника в Венеции, еще до прибытия албанских войск, в Неаполе ожидали около 3000 человек, а прибыло

[1] Ј. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 119.
[2] В. В. Макушев. Историјски споменици..., стр. 118.
[3] Ј. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 125.

всего 2000: 500 всадников и 1500 пехотинцев.[1] Ко времени прибытия в Италию Скандербега положение Фердинанда было чрезвычайно тяжелым и поражение его казалось неизбежным. В Италии, кроме Неаполя, у Фердинанда оставалось всего лишь две маленькие крепости на востоке Апулии — Барлетта и Трани. Обе они были осаждены войсками его противников под командованием одного из талантливейших кондотьеров своего времени — Джиокомо Пиччинино, о котором много говорят Барлетий и Бельский. Прибытие Скандербега сразу же изменило соотношение сил. Пиччинино вскоре отступил от Барлетта; Скандербегу была поручена оборона крепости и борьба с Орсини, Фердинанд отошел к Сан-Бартоломео на соединение со своим союзником Александром Сфорца. Скандербег сразу же применил свою излюбленную тактику и начал терроризировать врага внезапными и постоянными набегами, не давая ему опомниться и разбивая его по частям. Канцлер Неаполитанского королевства — писатель и историк Джиованни Понтано — писал, что Скандербег «своим именем и прибытием» разрушил все планы противника и наполнил Италию своей славой.[2] Пиччинино продолжал отступление к Таренту, спустя некоторое время была освобождена и крепость Трани. Вскоре после этого успеха неаполитанские бароны стали один за другим переходить на сторону Фердинанда, а их вождь Орсини вступил в переговоры со Скандербегом.[3]

привел их к тому, чтоб помирились с королем Алфонсом за что стояли. Славянские повести, следуя за Барлетием, допускают некоторую историческую неточность, указывая на то, что Скандербег оставался в Италии до конца войны, которая окончилась в 1463 г. полной победой Фердинанда. На самом деле Скандербег покинул Италию в начале 1462 г., получив из Албании известие о том, что турки подошли к ее границам.[4] В архивах Дубровника имеются свидетельства о пребывании там Скандербега на пути в Албанию с 6 по 11 февраля 1462 г.[5]

король дал Скандербегу городы во Апулии... Согласно Барлетию, Фердинанд подарил Скандербегу надел в Апулии с тремя городами — Трани, Монте-Гаргано и Симпонто, к которым Бельский и автор южнославянской повести добавили еще город Беневенте, а приставка «Монте» в названии города Монте-Гаргано стала в славянских повестях названием города, у Бельского — Монтам, в южнославянской повести — Монтем, а в русской — Молтим.

И с великой честию и з дары отпустил его. Некоторые историки с пренебрежением относятся к свидетельствам успехов Скандербега в Неаполитанской войне и считают, что здесь имеет место обычная для биографов Скандербега гипербо-

---

[1] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 123.

[2] J. Pontanus. De bello..., л. 24.

[3] E. Nunziante. I primi anni die Ferdinando di Aragona e l'invasione d'Angio. Archivio storico per le Province Napolitane, 21. Napoli, 1896, стр. 628.

[4] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 346.

[5] G. Gelcich, L. Thallóczy. Diplomatarium relationum republicae Ragusinae cum regno Hungariae. Budapest, 1887, стр. 753—754.

лизация. На подобной оценке особенно настаивали апологеты папы Пия II. Например, автор пространной истории Пия II немецкий ученый Фойгт сравнивает албанцев в Италии с шайкой конокрадов и разбойников и утверждает, что, привыкнув к легким успехам у себя на родине, в Европе албанцы ничего не могли поделать.[1] Некоторые современные итальянские историки, признавая успехи Скандербега и албанцев в Италии, изображают его верным вассалом Фердинанда.[2] Однако исторические факты являются неопровержимыми свидетельствами подлинной роли Скандербега в указанных событиях. Очевидцы событий в южной Италии не скрывали своего восхищения перед действиями Скандербега. Об этом пишет не только близкий к неаполитанскому двору Понтано, но и посланник миланского герцога в Неаполе и многочисленные корреспонденты маркграфа Мантуи.[3] Венецианский историк Сабеллико, младший современник Скандербега, писал, что Скандербег был самым лучшим воином и вождем из числа тех, кто после Пирра сражался на итальянской земле. Сабеллико вспоминает рассказы своего отца — участника неаполитанской войны, — который рассказывал о неизгладимом впечатлении, произведенном на него албанским героем, когда тот несся на врага во главе своей личной гвардии, с занесенным мечом в одной руке и копьем в другой.[4] Большинство средневековых историков единодушно подтверждает факт спасения Фердинанда албанцами и Скандербегом.[5] Наконец, и сам король считал себя на всю жизнь обязанным Скандербегу и неоднократно указывал на это в своих письмах, например в письме к королеве Изабелле от 24 августа 1461 г.[6] После смерти Скандербега Фердинанд в письме к его вдове Донике Кастриот называл Скандербега своим отцом и предлагал его семье убежище от турок.[7] Даже папа Пий II, недолюбливавший Скандербега и не скрывавший своей личной неприязни к нему, потеряв веру в победу Фердинанда, которого он горячо поддерживал, обратился за помощью именно к Скандербегу, так как видел в нем последнюю надежду.[8]

Магомет многия места побрал во Асии, во греках и во влохах. В 1459 г. Магомет оккупировал Сербию, с которой уже давно вел войну. К этому же времени

---

[1] G. Voigt. Enea Silvio Piccolomini als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter, III. Berlin, 1863, стр. 159, прим. 1.

[2] G. M. Monti. La spedizione in Puglia di Giorgio Castriota Scanderbeg. Japigia, X, 1940; F. Ercole. Scanderbeg e l'Italia. Rivista d'Albania, 1940; A. Cutolo. Scanderbeg. Mailand, 1940.

[3] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 126 и сл.

[4] A. C. Sabellicus. Historiae rerum venetarum ab urbe condita. Libri XXXIII in IV decades distributi. Basiliae, 1669, стр. 568.

[5] J. Pontanus. De bello...; M. Barletius. Historia de vita..., кн. X; P. Iovius. Elogia virorum bellica virtute illustrium, III. Basil, 1596; R. Volaterranus. Commentariorum urbanorum. Geographia. 1603, стр. 294—295; I. Simonetta. Historia de rebus gestis Thrancisci primi ducis Sfortia; L. A. Muratori. Rerum Italicarum scriptores, XXI, 1732.

[6] E. Nunziante. I primi anni die Ferdinando..., стр. 517, прим. 3.

[7] F. Trinchera. Codice Aragonese, I. Napoli, 1866, стр. 439.

[8] D. Farlati. Illyricum Sacrum, VII, Venetia, 1817, стр. 422.

турки покорили Морею (Пелопоннес), а еще раньше, в 1456 г., захватили Афины. К успехам турок в Европе присоединились победы в Азии. В 1461 г. Магомет захватил Трапезундскую империю Комненов, расположенную на территории Малой Азии (северное побережье). Турки окружили Трапезунд с моря и с суши, и после недолгого сопротивления город сдался на милость победителя. В этом же году в состав Османской империи вошли также Синоп и Пафлагония. В 1462 г. султан захватил остров Лесбос и стал готовиться к походу на Боснию, захват которой открывал ему путь к границам Италии.

послал на него Сыню... да Асамбега... Скандербега докончать. После указанных побед Магомет решил покончить с Албанией, преграждавшей ему доступ к побережью Адриатики. Султан разделил свои войска на две армии, которые, выйдя из разных мест, должны были соединиться в Албании и, окружив армию Скандербега, полностью уничтожить ее. Синан-паша должен был захватить Нижнюю Дибру, а Ассам-бег (Гуссейн-бег) — Верхнюю.

Скандербег... побил Сыню... Скандербег еще заранее получил известие о планах турок и ночью напал со своей кавалерией на Синан-пашу возле Мокрейской горы, разбил его войско, а самого пашу обратил в бегство. Затем около Охриды он настиг Ассам-бега, ничего не подозревающего о судьбе Синан-паши и двигающегося на соединение с ним, разбил его армию и самого Ассам-бега захватил в плен.

Третий воивода... шел за ними, а он тех побой не ведал. Султан, не имея сведений об отправленных в Албанию войсках, послал еще одно войско под командованием Юсуф-бега (Барлетий называет его Юсум-бегом, русская повесть — Люсембегом). Скандербег напал на него на марше и обратил в бегство.

Каразабег... упросился у Магометя иттить на Скандербега... Анатолийский паша Караза-бег был одним из знаменитейших турецких полководцев времен Мурата II, но по старости уже давно не участвовал в военных походах. У Магомета старый паша пользовался большим авторитетом, и Барлетий называет его «знаменитым азиатским мужем», говоря, что он был «столь же обременен славой, как и годами».[1] В русской повести Караза-бег — единственный турецкий полководец, аттестуемый как «человек воинский и разумный».

стал на месте Линад. Барлетий называет равнину, в которой встретились албанские и турецкие войска, Ливадом. По мнению Ястребова, это долина Ливада, открывающая с востока путь в область Мирдиту — место, где неоднократно происходили столкновения албанцев с турками.[2]

Магомет... послал послов... Славянские повести, вслед за Барлетием, рассказывают, что султан, видя свое бессилие перед Скандербегом, решил дипломатическими уловками расположить к себе последнего. На самом же деле все обстояло гораздо сложнее. В 1463 г. Магомет захватил Боснию и начал подготов-

---

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 133 об.

[2] И. С. Ястребов. Стара Сербия и Албания..., стр. 179.

ляться к походу на Италию. Приготовления турок обеспокоили Италию, и в первую очередь Венецию, так как под непосредственной угрозой оказывались ее города на Адриатическом побережье. Венецианский сенат отправил посольство к римскому папе, венгерскому королю Матиашу Корвину (сыну Яноша Гуниади) и к Скандербегу, призывая их объединиться против общего врага.[1] Стремясь заручиться согласием Скандербега, Венеция поспешила пожаловать права гражданства его малолетнему сыну. Однако внимание султана было отвлечено событиями в Азии, где уже несколько лет продолжалась междоусобная война за престол Карамании, на который претендовал племянник Магомета. Его противника поддерживал туркменский султан Узун-Гасан. Папа и Венеция рассчитывали, что силы Турции подорваны в этой войне и она вряд ли сможет сражаться на два фронта — в Европе и в Азии. В свою очередь, претендент на караманийский престол Исса-бег надеялся на помощь европейских государств и даже предложил им специальный проект вытеснения турок из Европы.[2] Все это создавало исключительно благоприятную обстановку для борьбы с Турцией, и папа Пий II начал организовывать «крестовый поход» против турок, призывая Италию и весь католический Запад объединиться против общего врага. Приготовления папы и его союзников заставили насторожиться турецкого султана.

и поставили мир меж собою. В ответ на письмо Скандербега, в котором тот, соглашаясь пропустить через границы Албании турецких купцов, категорически отказался пропустить турецкое войско, Магомет отправил в Албанию второе посольство. Условия заключенного между Албанией и Турцией мира изложены у Барлетия и в славянских повестях чрезвычайно кратко: там говорится лишь о том, что султан признал полную независимость Албании, а Скандербега — ее законным правителем. Все это свидетельствует о возросшей роли Албании, с которой ищет союза или хотя бы мира, не замечая нанесенной обиды, тот самый султан Магомет, о свирепости и жестокости которого достаточно рассказывают византийские историки, называя его «коварным кровопийцей», «ненасытным онагром», «зловерным» и т. д. Скандербег сначала отказался принять предложенный Турцией мир и на военном совете, где присутствовали турецкие послы, произнес речь, в которой указывал своим союзникам на вероломство турок, напоминал о подготовляемом против них европейском походе и просил всех собравшихся отклонить предложение султана и продолжать войну. Скандербегу возразил один из его ветеранов — Тануш Топия, который выразил сомнения в возможности осуществления крестового похода, сказав, что он уверен в том, что и на этот раз все окончится одними разговорами, так как Италия не готова к выступлению. Албания, продолжал Тануш, истощена непрерывными войнами и нуждается в передышке, так как албанцы, помогая всем, сами не видят никакой помощи, и их страна находится в чрезвычайно тяжелом положении. С мнением Тануша Топия

[1] S. Ljubić. Listine. . ., X, стр. 264 и сл.

[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 74—76.

согласились все присутствующие, и Скандербег присоединился к решению большинства.

венеты послали к Скандербегу, чтоб не держал перемирья с турки... Весть о заключении албанцами перемирия с турками вызвала тревогу в Венеции, так как всем было ясно, что Магомет, развязав себе руки в Албании, немедленно нападет на Венецию. Поэтому Венецианская республика поспешила приложить все усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону Скандербега и некоторых его восточных соседей. Барлетий рассказывает, что из Венеции в Крую был прислан некий Габриель Тривисано, чтобы договориться со Скандербегом о денонсировании мирного договора с турками. Долго и тщетно убеждал венецианский посол Скандербега и его союзников. Речь Тривисано опущена в славянских биографиях Скандербега. В них говорится лишь о том, что после его речи Скандербег созвал своих «командиров», и они стали уговаривать его не нарушать заключенного с турками мира, ссылаясь на трагическую судьбу польского короля Владислава.

посол... поехал к Павлу, арцыбискупу дырахенскому... Павлом, «арцыбискупом дырахенским», русская повесть называет Паоло Анджело, архиепископа Дурреса, которого Барлетий называет сыном князя Андрея Анджело. Барлетий изображает его исключительно образованным человеком, пользовавшимся в Албании большим влиянием и вместе с тем являвшимся другом Венецианской республики и преданным помощником папы. Паоло Анджело хорошо знал и Скандербега, так как его родной брат Пьетро Анджело был офицером албанской армии Скандербега и пользовался репутацией отважного воина и умного командира.[1] По словам Барлетия, Венеция направила своего посла к Паоло Анджело, которого она считала своим союзником и надеялась через него повлиять на Скандербега. Миссия посла оказалась успешной. Однако все это не подтверждается архивными источниками. Вероятно, роль Паоло Анджело в денонсировании Скандербегом албано-турецкого договора является вымыслом первых биографов Скандербега.

брата своиво роднова удавил, многих княжат побил... Византийские историки называют султана Магомета II незаконным сыном Мурата II и рабыни. Поэтому, вступив на престол, Магомет приказал умертвить своего младшего брата Ахмета, грудного младенца, считавшегося законным наследником, а его мать — дочь синопского князя — выдал замуж за своего раба.[2] О жестокости султана Магомета византийские историки вообще рассказывают много и подробно, не щадя красок, приводя многочисленные примеры его бессердечия и коварства.

все христиане зговорились с папою римским... Славянские авторы вносят свои исправления и добавления в имеющийся у Барлетия перечень народов, принимавших участие в подготовляемом папой крестовом походе против турок. Так, например, они называют немцев, боснийцев заменяют чехами, а автор русской

[1] G. Biemmi. Istoria di Giorgio Castrioto..., стр. 396; M. Barletius. Historia de vita..., л. 142 об.

[2] M. Ducas. Historia..., стр. 230 и сл.

повести от себя добавляет еще и поморян (вероятно, поляков, живших по берегу Балтийского моря, так как в русских летописях одно из западнославянских племен, населявших приморскую часть бассейна Одера и Вислы, названо поморянами).[1] В южнославянской повести после всех перечисленных народов названы еще «руси».[2]

все произволили на то, чтоб он шел на турки... Миссия Тривисано и вмешательство епископа Паоло Анджело окончились тем, что союзники Скандербега — князья Албании и соседних с нею стран,— еще недавно убеждавшие Скандербега не нарушать перемирие с турками, теперь высказались за денонсирование договора. 14 августа 1463 г. Венецианский сенат извещал венгерского короля о том, что в Морею отправлены венецианский флот и сухопутное войско.[3] 20 августа Албания подписала военное соглашение с Венецией, на основании которого последняя предоставляла Албании денежную субсидию и обязывалась помогать ей флотом и вспомогательными войсками в случае войны с Турцией.[4] Тем самым албано-турецкий договор юридически оказался нарушенным. 12 сентября аналогичный договор был заключен между Венецией и Венгрией.[5]

Уведали то казаки Скандербеговы и, шедчи, повоивали украйны турские... В славянских повестях чувствуется стремление всячески сгладить факт нарушения Скандербегом перемирия с турками. Поэтому в них отмечается, что перемирие было нарушено не регулярными частями албанской армии, как говорит Барлетий, а «казаками» Скандербега, т. е. вольными поселенцами на окраинах государства. В южнославянской повести вместо «казаков» упоминаются «раци», т. е. сербы, жившие на границах Албании.[6]

Магомет... писал к Скандербегу... Некоторые историки считают письмо турецкого султана к Скандербегу вымыслом его биографов.[7] Но большинство биографов Скандербега и его современники ссылаются на это письмо, что позволяет предположить его существование в свое время, а может быть, и знакомство с ним Барлетия, Сансовино и других.

не для себе то чинишь, все для венегов — недругов моих. Это замечание всецело соответствует истинному положению дела. 21 октября 1463 г. папа Пий II объявил всей своей пастве, что летом, в начале июня, он намерен выступить из Анконы во главе «великого крестового похода». В этом походе, указывал папа, примут участие герцог Бургундский Филипп, венецианский дож Кристофоро Моро и ряд других государей и народов, в том числе албанцы.[8] В ноябре кре-

---

[1] Повесть временных лет, II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 108, 213.

[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 94.

[3] S. Ljubić. Listine..., X, стр. 264 и сл.

[4] S. Ljubić. Listine... X, стр. 279.

[5] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 143 и сл.

[6] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 94.

[7] В. В. Каченовский. Рецензия на книгу Писко..., Журн. мин. нар. просвещения, ноябрь, 1397.

[8] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 147 и сл.

стовый поход был провозглашен и Венеция известила своих союзников, что она считает себя в состоянии войны с Турцией. В соответствии с условиями албано-венецианского договора Албания тоже должна была объявить войну Турции. Следует отметить, что даже после столь очевидного нарушения перемирия со стороны Скандербега, султан все еще пытался уговорить его отказаться поддерживать Венецию.

разумей перемену часов... В назидание султану Скандербег развивает целую теорию, заимствованную из византийской историографии, о последовательной смене государств и народов. Согласно этой теории, каждое государство и каждый народ проходят в своей истории неизбежные этапы возникновения, роста, расцвета и неминуемой гибели. Автор русской повести здесь более краток, чем Бельский, который, следуя за Барлетием, излагает эту теорию со ссылками на исторические примеры и рассказывает о судьбе Тимура, Баязета, Ксеркса и других исторических деятелей, царства которых оказались столь недолговечными, что распались вскоре после смерти завоевателей. Заставляя своего героя излагать чрезвычайно популярную в XV в. теорию смены царств, Барлетий, а за ним и авторы славянских повестей подчеркивают эрудицию Скандербега.

папа римской Енеас идет... хотячи Скандербега помазать на королевство Макидонское и Олбанское... Сборным пунктом очередного крестового похода, организуемого папой Пием II (Энеем Сильвием Пикколомини), был выбран город Анкона, расположенный в средней Италии на берегу моря. Папа намеревался из Анконы отплыть в Дубровник для свидания с венгерским королем и Скандербегом. По словам Барлетия, в Албании стали распространяться слухи, что папа сам собирается возглавить крестовый поход и по пути намерен посетить Албанию и короновать Скандербега. В одном из своих сочинений Пий II действительно разрабатывал проект награждения стран и правителей — участников похода. Скандербегу была назначена в дар Македония.[1]

Скандербег, слышачи, то, не дожидаючись папы... повоивал земли турския... Набег Скандербега на турок не был столь неожиданным и мотивированным только перспективой поддержки папского престола, как об этом рассказывает Бельский и русская повесть. По словам Барлетия, перед этим Магомет направил к границам Албании войско под командованием Шеремет-бега. 26 июля Скандербег разбил турок, вторгшихся на территорию Албании и обратил их в бегство (об этом пишет миланскому герцогу его посланник в Риме Герард де Коллис).[2]

Все то их Скандербег взволок и взбудил от сна. Из речи султана Магомета ясно, что организованное сопротивление турки встретили впервые только в Албании и среди ближайших соседей, которых Скандербег поднял на борьбу с турками (см. статью А. Буда, стр. 76). Но одновременно султан пытается убедить своих

[1] L. Pastor. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, II. Freiburg im Breisgau, 1904, стр. 741—742.

[2] В. В. Макушев. Историjски споменици..., стр. 232.

слушателей, что Скандербег, который у Барлетия в речи султана назван «Скандербежишко» (Scenderbegulus»), не сможет до конца разбудить «дряхлых, сонных и боязливых... христиан». Речь султана перекликается здесь с той характеристикой, которую давали славянским народам туркофильствующие византийские историки (Критовул); подобным образом отзывались о народах Европы турецкие хронисты (Ашик-паша-заде, Саад ед Дин) и о греках некоторые итальянские писатели (папа Николай V, Эней Сильвий Пикколомини, поэт Уберто Пискул).

что аз видел и познал з бегов небесных... Здесь Магомет ссылается на показания своих придворных астрологов и убеждает своих воинов в неизбежной неудаче подготавливаемого крестового похода. Увлечение Магомета астрологией подтверждают Николо Сангундино, итальянский дипломат, долгое время проживший в Константинополе, а также византийские хронисты и турецкие биографы султана. Вкладывая в уста Магомета подобную фразу, Барлетий, а за ним и авторы славянской версии биографии Скандербега, несколько индивидуализируют типический образ турецкого султана.

послал на Скандербега Шереметя воиводу своего... См. комментарий на стр. 214.

папа римской умер мором во Анконе... Папа Пий II (Эней Сильвий Пикколомини) скончался внезапно 14 августа 1464 г. накануне отплытия крестоносцев из Анконы. По официальной версии, папа умер от какого-то эпидемического заболевания. Архивные документы Анконы, тщательно собранные и опубликованные В. В. Макушевым, подтверждают, что в то время в Анконе свирепствовали голод и различные заболевания вследствие переполнения города полчищами голодных и измученных людей, которые были завербованы для участия в крестовом походе но, прибыв в Анкону, оказались обманутыми и, не имея ни денег, ни продовольствия, умирали на улицах города. По некоторым свидетельствам современников, подлинной причиной смерти папы явилось нервное потрясение, вызванное крахом его авантюрных планов. По словам некоего миланского дипломата, бывшего тогда в Анконе, папа вовсе не собирался начинать военные действия против турок, а мечтал лишь об увеличении своей казны за счет частных пожертвований и военных приготовлений. В связи с этим папу чрезвычайно огорчило прибытие венецианского дожа с военным флотом: он понял, что лишился возможности откладывать выступление, расстроился и умер.[1] Письмо венгерского короля Матиаша Корвина также свидетельствует о том, что папа всячески затягивал выступление крестоносцев: король обращается к папе с просьбой не откладывать военные действия, так как для турок Албания, с которой они воюют, служит лишь мостом для переправы в Европу и дальнейшее промедление может оказаться гибельным для народов Европы.[2] Но папу Пия II меньше всего интересовала безопасность народов Европы. Так, например, после его смерти итальян-

---

[1] В. В. Макушев. Историјски споменици..., стр. 235.

[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 157.

ский историк и писатель Филельфо — человек, близко стоящий к папским кругам, — писал преемнику Пия II, что покойный, организуя очередной крестовый поход, надеялся на «латинское завоевание» Константинополя и мечтал увидеть на византийском престоле не Палеологов, а новую династию Пикколомини.[1] Иными словами, он заботился лишь о личной славе и о благополучии своих многочисленных родственников.

послал Скандербег к соседом своим и учинил сейм. Албания лишилась своих последних надежд на помощь со стороны европейских государств. Скандербегу оставалось только надеяться на свои собственные силы и на своих ближайших славянских соседей, так как он прекрасно понимал ненадежность военного союза с Венецией, хотя даже и взял на себя посредничество в переговорах венецианцев с турками.[2]

послал на нас Магомет... Болебана — холопа моиво... Узнав о крахе крестового похода, султан немедленно отправил на Скандербега армию Балабана-паши. По словам Барлетия, новый противник Скандербега был уроженцем Албании, а его родители — люди незнатного происхождения — были подданные Иоанна Кастриота, что давало возможность Скандербегу называть Балабана своим «вековым холопом». Балабан в детстве попал в янычарский корпус и принял мусульманство. В рядах турецкой армии он обратил на себя внимание султана своей храбростью и отвагой, водрузив турецкое знамя на городской стене при осаде Константинополя. Барлетий, рисуя портрет Балабана, сравнивает его с гомеровским героем Тидеем, который обладал феноменальной силой при малом росте.

пошел, не мешкаючи, на Скандербега боем. Первая встреча Скандербега с Балабаном произошла осенью 1464 г. в Верхней Дибре, в широкой равнине Валиказды. Барлетий, а за ним и славянские авторы спешат изобразить эту битву как очередную победу Скандербега над турками. На самом деле ни одна сторона не могла взять перевеса и албанцы понесли очень тяжелые, хотя количественно и незначительные, потери.

Турки... поимали осми человек великих людей албанян. В этой битве Балабан, хорошо зная тактику Скандербега, заманил в засаду передовые части албанской армии и захватил в плен восемь албанских командиров. В числе пленных Барлетий называет Иоанна Музаки, Иоанна Перлата, Моиса Голема, Владана Юрицу, Анджело Музаки, Николо Берисия, Георгия Кукку и Иоанна Манесия.

Магомет за них откупу не взял, а велел с них с живых кожу одрати. В отличие от Скандербега, который, по словам его биографов, всегда выдавал пленных за выкуп, султан отказался освободить албанских пленников. Рассчитывая деморализовать албанский народ и его армию, он пустил в ход самые изощренные пытки и мучил пленников в течение целого года. Через год после описанной битвы султан приказал привезти пленных албанцев туда, где они были захвачены, и там,

---

[1] N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, II. Gotha, 1909, стр. 130, прим. 4.

[2] В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 108, прим. 1.

как рассказывает Барлетий, с них была заживо снята кожа.[1] Бельский и автор русской повести опускают все эти кровавые подробности и лишь вкратце рассказывают о гибели албанских командиров. В южнославянской повести о судьбе их вообще ничего не говорится.

Балебан, хотячи оплошить Скандербега, послал дары к нему. В русской повести здесь имеется значительное отступление от источников и сокращение: у Бельского и в южнославянской повести рассказывается о том, что Балабан обещал щедро наградить того, кто сумеет живым доставить к нему Скандербега, а чтобы обмануть бдительность последнего, послал к нему дары с предложением мира. Русский автор опускает этот эпизод, в связи с чем становятся непонятными слова, что Балабан послал дары Скандербегу, «хотячи оплошить» его.

Скандербег узнал иво умысл... послал соху в дар... См. стр. 100.

воивода Вейтгойк Стреж... Данюзый Дукагин... Сафий... Русский автор, вслед за Бельским, несколько искажает имена командиров, поставленных Скандербегом во главе отдельных групп албанской армии: по Барлетию, это были Гойко Стреши Балша, Лек Дукадьин и Тануш Топия.

Балебан... пошел на Скандербега. О новом походе Балабана на Албанию рассказывают Барлетий и все остальные источники биографии Скандербега. На этот раз вместе с Балабаном отправляется еще один турецкий паша, которого русская повесть называет Салимом, а все другие источники — Сулейманом. В сражении, последовавшем за единоборством Скандербега с Сулейманом, Скандербег едва не погиб. По словам Барлетия, в этом сражении турки потеряли около трех четвертей своей армии.

родила ужа... В русской повести дракон, которого, по Барлетию и Бельскому, видит во сне Войсава, превращается в ужа. Так осмыслил автор русской повести польское слово węż — змея, змей (дракон).

послал на него Ягупа чрез... Итезсалию... Балебана — чрез Македонию и Тракию. В 1465 г. Магомет вновь отправил в Албанию две армии. Одна из них — под командованием Якуба-паши, которого Барлетий, Бельский и южнославянская повесть называют, как и Балабана, албанцем, — направилась через Фессалию (в южнославянской повести уточняется, что Якуб шел из Салоников); а другая — под командованием Балабана — двигалась из Македонии. Магомет не случайно послал на Скандербега его соотечественников: он рассчитывал на их знание местных условий и на то, что они сумеют расположить к себе население Албании.

чтоб сам шел ко Албании... Весной 1466 г. султан Магомет во главе 150-тысячной армии выступил в поход на Албанию (см. статью А. Буда, стр. 88). В южнославянской повести и у Бельского паши советуют султану осадить Крую и оставаться под ней до тех пор, пока голод не вынудит албанцев сдать крепость, а затем овладеть и всей страной.[2] Известие о вторжении огром-

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 144.

[2] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского..., стр. 102; M. Bielski, Kronika..., л. 257.

ной турецкой армии на территорию Албании напугало Венецию, и та с лихорадочной поспешностью начала укреплять свои города в северной Албании. Так, в июне Венецианская республика отправила в Албанию несколько судов под командованием капитана Лоредано, которому была поручена охрана всех венецианских владений на территории Албании.[1] В этот же период Венеция предложила Венгрии заключить с нею военный союз против Турции.[2] В другом письме к неаполитанскому королю Фердинанду Венецианский сенат просит оказать помощь Скандербегу, который должен сдерживать натиск турецких войск.[3] Скандербегу отправляется письмо с обещанием незамедлительной помощи.[4]

Скандербег учинил в Крои воиводу Балдезера-влоха... Скандербег поспешно укрепил Крую, снабдил ее необходимым провиантом и боеприпасами на два года. По словам Барлетия, защита Круи была поручена гарнизону в 4400 человек во главе с Танушом Топия. Некоторые же итальянские историки (Сансовино) называют командиром круйского гарнизона венецианца Бальдизера Пердуччи.

Пришедчи Магомет х Крое... В июне 1466 г. передовые части турецкой армии появились под Круей. Скандербег со своим отрядом укрылся в горах, чтобы постоянными набегами терроризовать турок и мешать им вести планомерную осаду города. Вслед за авангардом Балабана подошла и основная турецкая армия во главе с самим Магометом. Донесение, полученное сенатом от одного из венецианских наместников в Албании, в котором говорилось, что вся Албания окончательно разорена и опустошена турками, а Скандербег едва спасся бегством в горы, уцелевшие же жители разбежались по городам и селениям Приморья,[5] свидетельствует о панике среди венецианцев, заставившей их искаженно описывать события. Султан попытался взять крепость хитростью, но обе его попытки, о которых подробно рассказывают все биографы Скандербега, включая и славянских авторов, оказались неудачными. После этого султан начал осаду. И на этот раз повторилось то же самое, что и несколько лет тому назад, когда под Круей стояла турецкая армия султана Мурата II. Скандербег настолько терроризировал турок своими непрерывными и внезапными набегами, что те боялись даже покидать свой лагерь. Не удалась также попытка отравить Скандербега, о которой рассказывают все биографы последнего.

не чаял ни которыми делы, чем бы мог взять город и пошел прочь в ночи. Султан, опасаясь зимовать в Албании, решил вернуться в Константинополь, оставив под стенами Круи 80-тысячную армию под командованием Балабана (численность турок приводится по Барлетию, который, как всегда, вероятно, преувеличивает их). В августе 1466 г. основные силы турецкой армии отошли от Круи,

---

[1] S. Ljubić. Listine... X, стр. 366—367.
[2] S. Ljubić. Listine... X, стр. 367.
[3] S. Ljubić. Listine... X, стр. 369.
[4] S. Ljubić. Listine... X, стр. 371.
[5] В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 108.

опустошая и разоряя все на своем пути; в панике разбегались перед ними мирные албанские жители, некоторые из них бежали в Италию. Папа Павел II, описывая герцогу Бургундскому положение дел в Албании, писал, что «невозможно было без слез смотреть на суда, прибывающие из Албании к берегам Италии, на несчастные семьи оборванных и лишенных родного крова людей, которые, сидя на берегу с поднятыми к небу руками, стонали и кричали что-то на непонятном языке».[1] Все биографы Скандербега рассказывают, как свирепствовали турки, отступая из-под Круи по долине реки Дрина, наиболее густо населенному району Албании. В городе Чидне, например, они вырезали все 30-тысячное население, в основном состоявшее из женщин, стариков и детей, собравшихся сюда из разоренных районов центральной Албании.

поехал к Павлу... Немедленно после ухода турок Скандербег отправил в Венецию посольство во главе со своим малолетним сыном,[2] а сам в одежде простого воина с небольшой свитой направился в Рим и в Неаполь. Венецианский посланник в Риме пишет, что Скандербег прибыл в Рим 12 декабря 1466 г. с тем, чтобы просить у папы помощи в борьбе против турок. Автор письма, впервые увидевший прославленного албанского героя, описывает его как человека преклонного возраста, лет шестидесяти от рождения («... homo molto de tempo, passa li 60 anni»).[3]

папа дал ему помочь, а иные кардиналы и сами поехали с ним до Албании. Папа Павел II устроил в честь Скандербега пышную церемонию в соборе св. Петра и сам торжественно опоясал Скандербега мечом, провозгласив его защитником христианства от «неверных». Но более существенной помощи Скандербег так и не получил, хотя уехал из Рима в Неаполь, сопровождаемый щедрыми напутствиями и обещаниями. 7 января 1467 г. кардинал Гонзаго писал своему отцу, маркграфу Мантуи, о совещании коллегии кардиналов, на котором специально разбирался вопрос об оказании помощи Скандербегу, а 12 января он же писал в Мантую, что Скандербегу оказана помощь в 5000 дукатов.[4] Но, по всей вероятности, Скандербег не получил от папы и этой ничтожной суммы, так как даже такой апологет политики папства, как официозный историк Ватикана Людвиг Пастор, говорит лишь о том, что папа предложил Скандербегу несколько тысяч золотых дукатов, но вручил только незначительную часть обещанной суммы, а остальные деньги обещал переслать в Албанию.[5] Но обещание так и осталось невыполненным: Скандербег не получил, вероятно, никаких денег (во всяком случае, в биографиях Скандербега, в документах и мемуарах нет никаких указаний на это). Безуспешной оказалась также поездка Скандербега в Неаполь к королю Фердинанду, которому он недавно оказал столь важную услугу, фактически воз-

---

[1] L. Pastor. Geschichte der Päpste..., стр. 360, прим. 1.
[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 192.
[3] L. Pastor. Geschichte der Päpste..., стр. 361, прим. 4.
[4] L. Pastor. Geschichte der Päpste..., стр. 363, прим. 1.
[5] L. Pastor. Geschichte der Päpste..., стр. 362.

вратив ему престол. Фердинанд был занят переговорами с Турцией и явно не желал портить отношения с султаном. Поэтому он ограничился лишь письмом к папе, где просил выдать Скандербегу 15 000 дукатов.[1] Неудача этих поездок всячески затушевывается первыми биографами Скандербега. Автор русской повести, следуя за ними, говорит, что «папа дал ему помочь» и даже «иные кардиналы поехали с ним до Албании», чего в действительности не было (см. статью А. Буда, стр. 89).

идет брат Балебанов Еним на помочь... Барлетий рассказывает, что Балабан в отсутствие Скандербега занял соседние с Круей горные вершины. В начале 1467 г. Скандербег вернулся в Албанию из Италии и сразу же начал собирать войско для отпора туркам, так как в это время Балабан начал осаду Круи.[2] К нему примкнули многие албанские князья, среди которых были и Дукадьины, обладавшие значительными вооруженными силами. По Барлетию, собранное Скандербегом войско насчитывало 13 000 человек. Две трети албанской армии под командованием Лека Дукадьина и Николо Монетто выступили по направлению к Круе из Леша, сам Скандербег с остальной армией шел туда же с востока. Скандербег сумел разбить посланную на помощь осаждавшим Крую новую турецкую армию, во главе которой стоял брат Балабана Юнис. Барлетий называет его Ионимой, русская повесть — Енимом. Среди пленников, захваченных Скандербегом, оказался сам Юнис и его сын, которого Барлетий называет Гейдером, а южнославянская повесть — Хадром. Биографы Скандербега рассказывают, что Скандербег решил показать туркам своих пленников, и когда среди них турки узнали брата Балабана Юниса и его сына, они настолько пали духом, что Скандербег без особого труда разбил их.

Балебан.. почал говорить... и... убили его... з города. После разгрома турецких подкреплений, присланных на помощь войскам, осаждавшим Крую, Балабан решил найти какой-нибудь выход из кольца между армией Скандербега и круйским гарнизоном Тануша Топия. Во главе небольшого отряда он отправился к Круе, чтобы еще раз предложить осажденным сдаться. Подъехав настолько близко, что можно было начать переговоры, он громким голосом предложил албанцам сдаться. В ответ на это осажденные вышли на городскую стену и один из них, которого Барлетий называет Георгием Алекси, выстрелил в Балабана, тяжело ранив его в шею. По словам Барлетия, «конь примчал в лагерь бездыханное тело Балабана».[3]

Люди Скандербеговы... побивали их без ведома Скандербегова... Турки, лишенные своего полководца, вскоре из осаждающих превратились в осажденных и отошли из-под Круи в долину Тираны, где стали просить Скандербега отпустить их на родину, обязуясь оставить албанцам весь провиант и боеприпасы. По словам Барлетия, Скандербег был готов удовлетворить просьбу турок, но члены воен-

[1] F. Trinchera. Codice..., стр. 54.
[2] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 195—196.
[3] M. Barletius. Historia de vita..., л. 153 об.

ного совета во главе с Леком Дукадьином высказались против. Когда же однажды ночью турки тайно пытались выйти из своего лагеря, албанцы напали на них и всех истребили. Лишь несколько человек из армии Балабана сумели добраться до Константинополя и сообщили султану о разгроме армии. Дата смерти Балабана и разгрома войск известна из письма от 10 мая 1467 г. некоего Захария Барбаро к веронскому епископу.[1] 20 мая того же года некий флорентиец пишет в Мантую о победе Скандербега над Балабаном и об освобождении Круи как о самых последних новостях.[2]

пошел к Дырахыму — городу венецкому... В начале июня 1467 г. турки вновь вторглись в Албанию. 7 июня миланский посланник в Риме Герард де Коллис извещал Милан о том, что султан направил в Албанию огромное войско.[3] Турки попытались вновь осадить Крую, но, потерпев неудачу, повернули на север к Дурресу, преграждавшему им доступ в Италию. 8 июля итальянский наместник Яков де Галатайн просит помощи у неаполитанского короля Фердинанда, указывая в своем письме, что султан подошел уже к самому городу.[4] Венеция шлет новое посольство в Венгрию. А 20 июля Герард де Коллис сообщил своему герцогу, что 200-тысячная турецкая армия опустошает северную Албанию и что население Леша, Дурреса и других приморских городов спасается бегством в Италию.[5] 24 июля Венеция, ссылаясь на опасность, грозящую «всему христианству», приказала своим послам в Риме просить папу распорядиться, чтобы духовенство немедленно передало республике поступление двух десятин. Эта опасность казалась столь огромной, что на следующий же день, не дожидаясь разрешения папы, сенат постановил секвестровать все церковные доходы в счет поступления двух десятин.[6] А папа медлил с помощью и даже не реагировал на те крутые меры по отношению к церковной собственности, которые принял Венецианский сенат. Бездействовал и король Фердинанд, несмотря на все призывы и на то, что он должен был бы пострадать в первую очередь, так как, судя по одному письму, турки после взятия Дурреса собирались переправиться прямо в Апулию.[7] На этот раз политика Фердинанда объяснялась его стремлением ослабить свою ненавистную соперницу — Венецию. Король торжествовал, что под ударами турок, с которыми он уже заранее вел переговоры, оказалась именно Венецианская республика.[8] Венеции опять ничего не оставалось, как возложить свои надежды на одного Скандербега. 28 июля сенат попросил Скандербега взять на себя оборону Шкодера, Круи и Дурреса, обещая всяческую поддержку.

---

[1] В. В. Макушев. Историјски споменици. . ., стр. 29 и сл.
[2] Ј. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 198.
[3] Ј. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 200.
[4] Ј. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 201.
[5] Ј. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег. . ., стр. 202.
[6] В. В. Макушев. Исторические разыскания. . ., стр. 110—111
[7] В. В. Макушев. Историјски споменици. . ., стр. 201—202.
[8] F. Trinchera. Codice. . ., стр. 250.

стоял Магомет под городом венецким не малое время — с великим убытком отшел прочь. Барлетий, а за ним и славянские авторы рассказывают, что Скандербег, используя тактику неожиданных набегов, заставил султана снять осаду Дурреса. Венецианский хронист писал, что в конце июля турки уже отказались от своей попытки овладеть Дурресом и отошли от города по направлению к Круе. В начале августа турецкая армия была под Круей, но вскоре отошла прочь после ряда бесплодных попыток овладеть ею.[1] На обратном пути турки опустошили огнем и мечом каждый уголок Албании, куда только смогли проникнуть.[2]

И взял у Скандербега городок Хирна... Единственным военным успехом султана в Албании оказалось взятие маленькой албанской крепости Чивриль (в южнославянской повести она названа Кирнил, у Бельского — Хинрил). Скандербег не успел еще достроить эту крепость, которую он собирался использовать как опорный пункт на Адриатическом побережье. После сожжения маленького укрепления султан вернулся в Константинополь разъяренный и униженный своими неудачами.[3]

Скандербег... взял в Македонии город Валм... Городом Валм (турецкое — Эльбасан) называлась крепость, построенная турками летом 1466 г. на развалинах старинной крепости Валми, или, как ее называют сербские летописи, «Конюхъ».[4] Эльбасан, стоявший на судоходной реке Шкумби, открыл туркам доступ к берегам Адриатики, куда они могли спуститься на простых плотах, приготовленных из прекрасного корабельного леса, которым богата долина реки. В 1466 г. Венеция, опасаясь за свои владения в Албании, требовала от Скандербега немедленного разрушения Эльбасана.[5] Скандербег предпринимал неоднократные попытки вторгнуться в крепость и овладеть ею, но все они оказались неудачными, так как у албанцев не было достаточно артиллерии, а Венеция не прислала обещанной помощи. У Барлетия, Бельского и русского автора Скандербег все же овладевает Эльбасаном. Критовул, Саад ед Дин и автор южнославянской повести рассказывают, что и последняя попытка Скандербега окончилась неудачей, несмотря на то. что ему все же удалось проникнуть в крепость. Отсутствие артиллерии и достаточного количества воинов помешало Скандербегу закрепить одержанную победу, и он покинул Эльбасан.[6]

видячи Скандербег немощь свою, розослал к соседом своим и учинил сейм... В славянских повестях Скандербег созывает съезд в связи со своей внезапной болезнью, желая перед смертью напутствовать друзей и союзников. В действительности же Скандербег еще до болезни (в январе 1468 г.) пригласил в Леш всех

---

[1] N. Jorga. Notes et extraits..., IV, стр. 213.

[2] Critobulos Imbriotes. Libri quinque de rebus gestis Mechemetis II. Fragmenta historicorum Graecorum. Ed. Müller, Paris, 1870, гл. 16—19.

[3] Critobulos Imbriotes. Libri quinque de rebus gestis Mechemetis II..., гл. 19.

[4] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 94.

[5] S. Ljubić. Listine.., X, стр. 372.

[6] S. Ljubić. Listine..., X, стр. 339—340.

своих союзников, чтобы договориться с ними о планах дальнейшей борьбы с турками. Но, прибыв на съезд, он неожиданно заболел.

дал в мочь и в береженье венетом сына своего Иоанна осми лет и жену свою. Это ошибочное утверждение проникло в славянские повести из книги Барлетия, у которого Скандербег вручает Венеции защиту своих владений до совершеннолетия сына и предлагает своей жене Донике с сыном уехать сразу же после его смерти в Апулию, где у Скандербега были земли, полученные некогда от короля Фердинанда. После захвата Шкодера турками Барлетий сам нашел убежище в Венеции, поэтому неудивительно, что и Скандербега он стремится изобразить ее другом.

которыи дал мне король Алфонс... Автор русской повести вторично допускает уже отмеченную нами ошибку (см. комментарий на стр. 206), приписывая королю Альфонсу то, что сделал его сын Фердинанд.

пришла к нему весть, что турки идут... Барлетий рассказывает, что слова умирающего Скандербега были прерваны шумом и криком, доносившимися с улицы, так как пришло известие о вторжении турок. В действительности же большой турецкий отряд Ахмет-паши расположился лагерем возле крепости Дривасто на берегу реки Кири, и турецкие всадники производили рекогносцировку в районе Леша.

И, пришедчи, прогнал турков. Славянские авторы, вслед за Барлетием, рассказывают, что Скандербег сам принял участие в походе против турок. Собрав последние силы, умирающий герой сел на коня и поскакал по направлению к Дривасто, где и одержал свою последнюю победу.[1] По словам Франко, Скандербег уже не мог сам выступить против турок и лишь напутствовал албанские отряды; но как только турки увидели албанцев, наступающих на них со знаменем Скандербега. они решили, что и он находится вместе с ними, и в страхе разбежались. Албанцы настигли их в районе Шкодера и отбросили далеко за пределы своей страны.

Скандербег... умер... по рождестве Христове 1466. Указанная дата смерти Скандербега, восходящая к Барлетию, ошибочна, как и дата 1467 г., сообщаемая Франко.[2] Византийский историк Георгий Франдзи пишет, что Скандербег умер в 1468 г. Эта дата подтверждается рядом исторических документов. 12 февраля 1468 г. миланский посланник Герард де Коллис в письме к миланскому герцогу среди прочих новостей сообщает и о неожиданной кончине Скандербега.[3] 13 февраля 1468 г. Венецианский сенат издал специальное постановление о землях недавно скончавшегося Скандербега.[4] Все биографы единогласно указывают, что день его смерти — 17 января. Таким образом, Скандербег скончался в Леше 17 января 1468 г.

---

[1] M. Barletius. Historia de vita..., л. 159.
[2] D. Franko. Gli illustri..., л. 83.
[3] J. Радонић. Ђурађ Кастриот Скендербег..., стр. 208.
[4] S. Ljubić. Listine..., X, стр. 404—405.

Живота его всего было 73 лета, а на княжестве Олбанском был 23 лета. Здесь ошибка, так как Скандербег прожил не 73 года, а всего 63. В Албании же он находился с 1444 г. и, следовательно, княжил 24 года, как указывают Барлетий и Бельский, а не 23 года.

А колько Скандербег ни бывал на боях, и никаковы раны ни от кого не принял... Бельский и автор южнославянской повести рассказывают, что однажды Скандербег был все же слегка ранен в плечо, о чем ни Барлетий, ни автор русской повести ничего не говорят.

А то счастье дано ему было с молодых лет... И для того там ныне никого не пущают — христиан. ни турков. Эта любопытная легенда о Скандербеге имеется только в славянской версии и является еще одним примером отражения в биографиях Скандербега тех сказаний о нем, которые распространились в славянских странах. Автор русской повести по-своему переосмыслил эту легенду, используя ее в качестве объяснения причины неуязвимости албанского героя. У Бельского и в южнославянской повести легенда приведена после рассказа о том, как турки, разграбив гробницу Скандербега, носили его кости, оправленные в золото или серебро, при себе как амулеты, веря, что счастье Скандербега, полученное им в храме Соломона в Иерусалиме, перейдет к ним. А для того чтобы никто не мог с ними соперничать в этом или же стать новым Скандербегом, они закрыли доступ в храм одинаково как христианам, так и мусульманам. Происхождение данной легенды неясно. Возможно, что в ее основу положен рассказ Барлетия о прорицании, полученном отцом Скандербега в храме языческого бога Аполлона в Дельфах накануне рождения героя.[1] Рассказ же Барлетия, в свою очередь, основан, вероятно, на многочисленных народных преданиях типа легенды о рождении Александра Македонского. С таким же основанием можно предположить, что эта легенда возникла в народе после смерти Скандербега и была одинаково распространена как среди албанцев и славян, так и в рядах турецкой армии. «Янычары сделали из Искандер-бея святого», — писал Маркс.[2]

Лех Дукаин велим гласом учал вопити... Барлетий, а за ним и авторы славянской версии биографии Скандербега рассказывают, что известие о смерти Скандербега было объявлено народу старым сподвижником и другом Скандербега князем Леком Дукадьином. Содержание речи Дукадьина можно привести как характерный пример постепенной переработки первоисточника русской повести — книги Барлетия. У Барлетия речь Дукадьина несколько выпадает по своему стилю из общего повествования: она составлена из коротких отрывистых фраз, начинающихся с одного и того же слова, что является отличительным признаком произведения народного творчества типа надгробных плачей.

У Барлетия:[3] «Лек Дукагин вышел к народу и тихим голосом с опечаленным лицом рвал свою бороду и волосы и говорил:

---

[1] M. B a r l e t i u s. Historia de vita..., л. 1 об.

[2] К. М а р к с. Хронологические выписки, II. Архив Маркса и Энгельса, VI, стр. 208.

[3] M. B a r l e t i u s. Historia de vita..., л. 154 об.

„Бегите, бегите сюда все князья и правители албанские!
Сегодня сломаны засовы Эпира и Македонии!
Сегодня рухнули оплот и крепость наша.
Сегодня мы лишились всей силы и стойкости нашей.
Сегодня погибла страна наша.
Сегодня с этим человеком погибла вся надежда наша“».

В южнославянской повести:[1] «Лека Дукадин плакал над мертвым, вырывая волосы головы и бороды:

„Послушайте, князья македонские, эпирские и иллирийские!
Сегодня пали города македонские и эпирские.
Сегодня вся наша сила упала.
Сегодня вся наша надежда угасла.
Сегодня бесстрашный путь открыт туркам в Эпир“».

У Бельского:[2] «Леха Дукагинус, которого мы часто упоминали, сказал громким голосом перед всеми:

„Послушайте, послушайте все князья Эпира и Македонии!
Сегодня засовы македонские и эпирские поломались.
Сегодня наша сила и все стены упали.
Сегодня наша надежда погибла.
Сегодня широкая дорога открыта неприятелю“.

Говоря так, он рвал волосы из своей головы и бороды».

В русской повести:[3] «Лех Дукаин велиим гласом учал вопити, плачучи во все люди, и говорил:

„Послушайте, послушайте все княжата и люди!
Ныне городы наши и стены повалились,
Ныне сила и слава наша вся упала,
Ныне надежда наша вся миновалась,
Ныне дорога чиста и пространна турком к нам стало —
Что у нас Скандербега не стало.
То была княжества Олбанского крепкая защита
И оборона всех христиан и надежда наша!“.

Слышачи то, беспрестанно плакали, не чаючи себе впред никакой утехи».

Автор русской повести, во-первых, усилил элементы поэтизации этой речи, во-вторых, изменил аудиторию Лека Дукадьина: у Барлетия и Бельского Лек обращается к правителям и князьям, в русской же повести ко всем людям, к народу (см. статью Н. Н. Розова, стр. 100). Автор русской повести превратил речь Лека Дукадьина в зачин всенародного плача по Скандербегу, и сделал это посвоему, опустив некоторые подробности, заимствованные Бельским у Барлетия, вероятно, потому, что для русского человека было чуждо бурное проявление

[1] П. А. Лавров. Разбор труда П. А. Ровинского. . ., стр. 105—106.
[2] M. Bielski. Kronika. . ., л. 258.
[3] Наст. изд., стр. 53.

чувств, свойственное южным народам. Поэтому он не рассказывает, что слова Лека Дукадьина сопровождались вырыванием волос и царапанием лица.

Слышачи то беспрестанно плакали... Все источники рассказывают о беспредельном горе, охватившем всех при известии о смерти Скандербега. Барлетий добавляет, что не только люди оплакивали Скандербега: даже конь его, не видя своего господина и почуяв неладное, «перестал принимать пищу и вскоре последовал за Скандербегом». По словам современников, вскоре после смерти Скандербега в память о нем каждые семь дней албанские девушки собирались на городской площади в Круе и пели песни в честь своего героя, не забывая об этом даже тогда, когда турки осаждали город и над Круей свистели вражеские ядра.[1]

Жена Скандербегова и сын его... отъехали до Апулии... и там скончали живот свой. Тело Скандербега было торжественно погребено в соборе Св. Николая в городе Леше, там, где впервые под руководством Скандербега двадцать пять лет тому назад были объединены силы Албании. Вскоре Доника Кастриот, вдова Скандербега, переселилась в Апулию, в земли, подаренные Скандербегу неаполитанским королем Фердинандом, и там жила вплоть до своей смерти в 1493 г. Вместе с ней поселился в Италии и ее сын Иоанн Кастриот, который прожил там до конца дней своих (умер в 1514 г.). Иоанн Кастриот оставил после себя трех сыновей, одному из которых — Фердинанду Кастриоту — посвятил свою книгу о его знаменитом деде Марин Барлетий.

побрал Олбанию и Македонию всю Иллирик. Здесь автор русской повести вслед за своими источниками допускает некоторую хронологическую неточность. На самом деле султан Магомет II, занятый войной в Азии, после смерти Скандербега на некоторое время оставил Албанию в покое. А тем временем в стране началась анархия. Албанские князья, поделив между собой владения Скандербега, начали междоусобную войну, прося помощи то у Венеции, то у турок. Венеция, узнав о смерти Скандербега, немедленно послала к его вдове архиепископа Дурреса, а вслед за ним наместника Венеции в Албании Франческо Капелло. Оба посланца должны были убедить Донику отдать Венеции Крую и другие албанские земли.[2] Их посольство не было удачным, так как семья Скандербега, приняв предложение короля Фердинанда, переехала в Апулию. После этого Венеция сразу же оккупировала Крую. Весной 1474 г. султан отправил в Албанию румелийского беглербега Солимана со 100-тысячной армией. Венеция заключила союз с князем Зеты Черногорской Иваном Черноевичем, сыном покойного союзника и друга Скандербега, Стефана Черноевича, и получила подкрепление из Рима, Неаполя и Венгрии. Турки были вынуждены снять осаду Шкодера и отступить, ограничась сожжением дотла крепости Дривасто. Через три года, весной 1477 г., они вновь вернулись в Албанию и осадили Крую. Целый год продолжалась осада и лишь 15 июня 1478 г. изнуренные голодом защитники Круи сдали город на милость

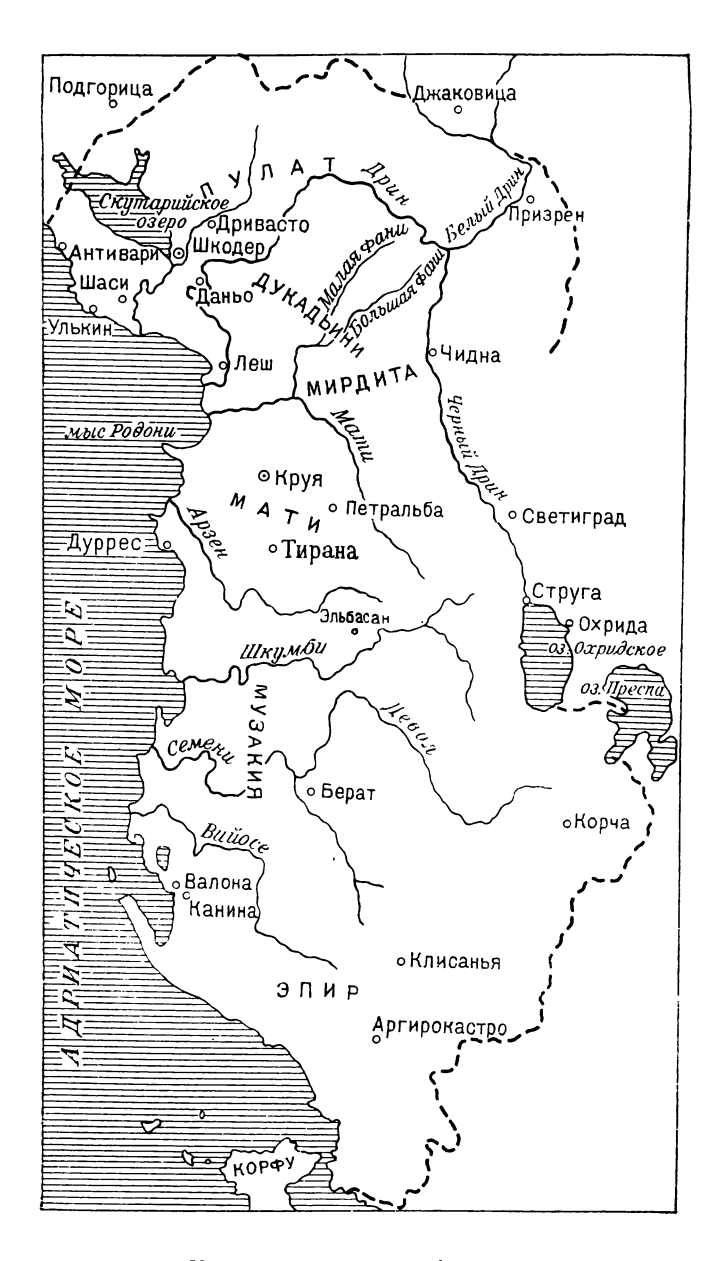
[1] A. S. S a b e l l i c u s. Historiae..., стр. 568.

[2] S. L j u b i ć. Listine..., X, стр. 404.

[3] S. L j u b i ć. Listine..., X, стр. 410.

Доника — жена Скандербега.

Гравюра XVI в. из собрания Д. А. Ровинского (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде).



Карта средневековой Албании.

По книге: A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque au XV-e siècle. Paris, 1937, стр. 9.

победителей. Турки обещали горожанам полную безнаказанность, но на деле перебили все мужское население, а женщин и детей угнали в рабство.[1] В 1479 г. после одиннадцатимесячной осады пал Шкодер. 26 января 1479 г. Венеция подписала мирный договор с Турцией и уступила последней все свои владения в Албании, кроме Дурреса, впоследствии (в 1501 г.) захваченного турками, а также Улькина и Антивари, перешедших к туркам в 1571 г. Население Албании, не желая подчиняться власти захватчиков, уходило далеко в горы или переселялось в другие страны, главным образом в Италию, но не прекращало в дальнейшем освободительной борьбы.

А потом вскоре и Махомет, царь турский, умер. Султан неожиданно умер 2 мая 1481 г. в период подготовки грандиозного похода на Европу. Султан, которого многие считают подлинным создателем «непобедимой» Османской империи, так и не смог покорить Албанию — страну, преградившую под руководством Скандербега путь туркам на Запад.

[1] В. В. Макушев. Исторические разыскания. . ., стр. 115.

СЛОВАРЬ К ТЕКСТУ ПОВЕСТИ

аспра — мелкая турецкая монета

береженье — охрана, защита
блуд — заблуждение, ошибка

вежество — знание; учтивость
велми, вельми — очень, весьма, сильно
велий — большой
венеты — венецианцы, граждане Венеции
вина — причина, повод
вож — вождь, предводитель
волохи — итальянцы
воровство — преступление
всход — встреча, соединение (войск)

гаур, гаурский — христианин, христианский
гордити — гордиться

державец — правитель
дивность — редкость, странность
добре — очень
допряма — прямо, напрямик
думать — советоваться

загнесть — задавить, удавить
загониться — увлечься преследованием
задор — спор, начало ссоры, завязывание боя
заключить — окружить
западный полк — полк, скрытый в засаде
заседать — овладевать
заскочить — застигнуть
збруя — вооружение, снаряжение
зсылка — сообщение, связь

извалить — принудить, заставить
извязнуть — завязнуть, застрять
изгон — набег

колико — столько
корысть — добыча
крестьяне — христиане

лежливый — ленивый

масти — ароматические вещества
место — город

наносить — доносить
наряд — вооружение, боеприпасы, артиллерия
натолийский — анатолийский (из Анатолии)
находить — приближаться
неборзо — медленно
неверник — неверующий, безбожник
немерное — неизмеримое, великое
неурядно — нестройно, неорганизованно
нужа — затруднение; принуждение

обвойванная — разоренная войной
одержать — овладеть
окормить — отравить
оплошить — обмануть
оскочить — окружить
острашить — напугать
остуженный — опороченный, отчужденный
отверстать — отличить
отметник — отступник
отпочинуть — отдохнуть
отпустить — простить
отсмеяться — ответить на шутку, на издевательство

папеж — римский папа
перекладанье — перестановка, перегруппировка
перелезать — переправляться
перенять — перехватить
печальник — ходатай
плошиться — ошибаться
побой — бой; поражение
подкнуться — споткнуться, задержаться
поднесть — поднять
понесть — получить
почаститься — посчастливиться
приговор — условие, уговор
пригода — неудача, несчастье
прилезть — подкрасться
пристоит — надлежит, следует
промышлять — придумывать, искать
пронести — пропустить
пронос — донос
похлебство — ласкательство, угождение

рекучи, ркучи — говоря (дееприч.)
роскручинить — опечалить
ручница — пищаль, ружье
рушиться — двигаться

сведомый — осведомленный, знающий
сестрич — сын сестры, племянник
смутный — печальный, расстроенный
собрание — сбор, войско
списатель — писатель
справца — предводитель войска, командующий
ссылка — связь, сношение
ставиться — вставать
статки — имущество
стерво — падаль
стравщики — зачинщики
студень — холод

теснота — притеснение; теснина, ущелье
тять — рубить, сечь

угры, угорский — венгры, венгерский
украйна — граница, пограничные районы
уложить — решить
урывать — укорачивать, сокращать
уряд — управление
ускакивать — прятаться
ущититься — прикрыться щитом.

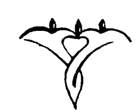
худоба — нужда, недостаток

шалный — безумный, сумасшедший

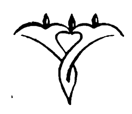
яма — притон разбойников

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ



СОДЕРЖАНИЕ

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом Академии Наук СССР

*

Редактор издательства — *А. А. Фролов*. Технический редактор — *А. В. Смирнова*
Корректоры — *Г. А. Журавлева, Е. Я. Лапинь* и *И. М. Романова.*

*

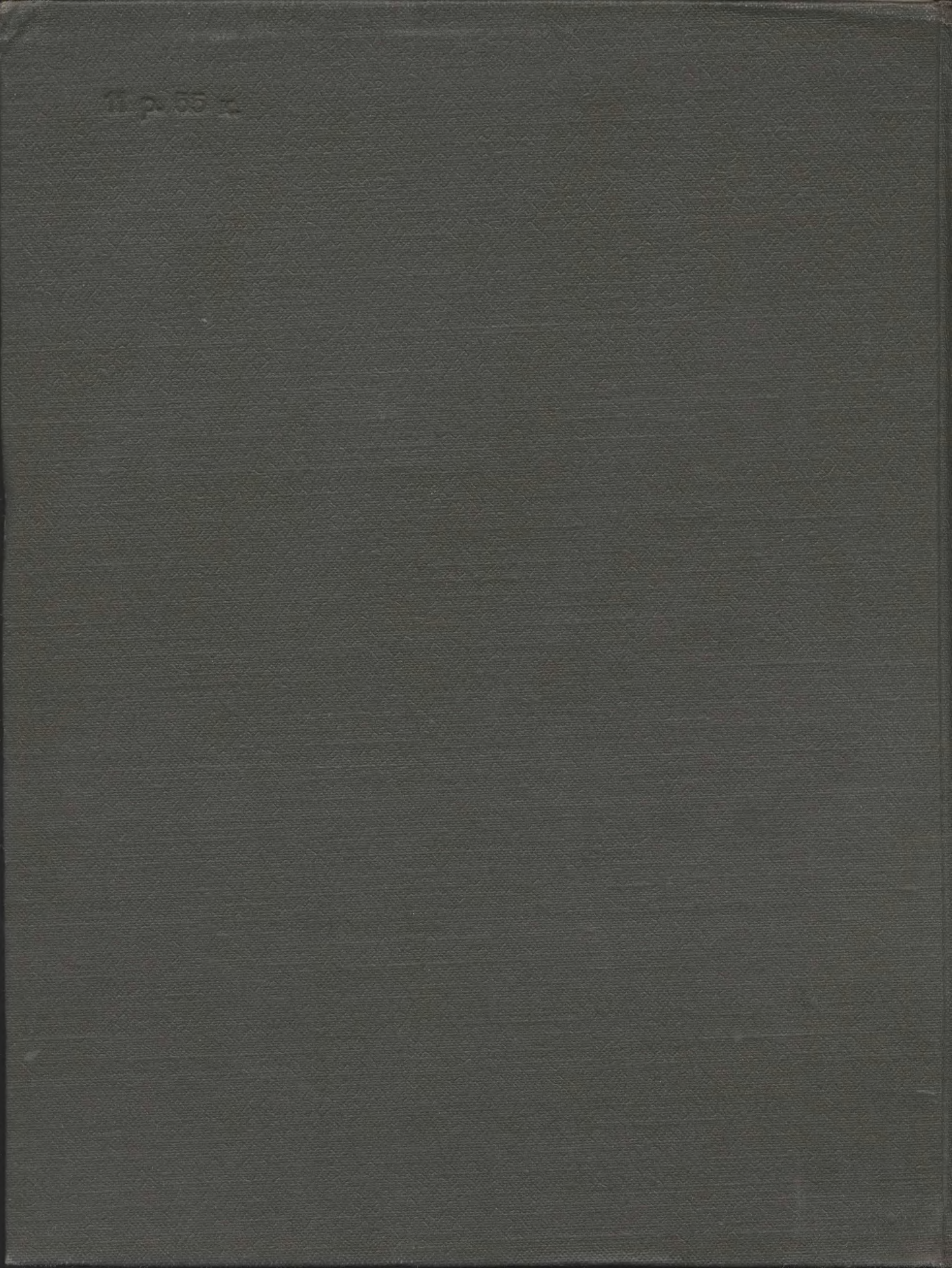
РИСО АН СССР № 1—103В. М-23010. Подписано к печати 6/IV 1957 г. Бумага 70 × 92 1/16. Бум. л. 7 5/8. Печ. л. 17.84. Уч.-изд. л. 16.3 + 5 вкл. (0.44 уч.-изд. л.). Тираж 6000. Зак. № 916.
Цена 11 р. 55 к.

1-я типография Издательства Акад. Наук СССР. Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
42	10 снизу	от конца	до конца
157	3 „	о которых	с которых
159	14 сверху	*ВЛ*	***ВПг***
166	4 снизу	του	τοῦ

Повесть о Скандербеге.


11 р. 55 к.